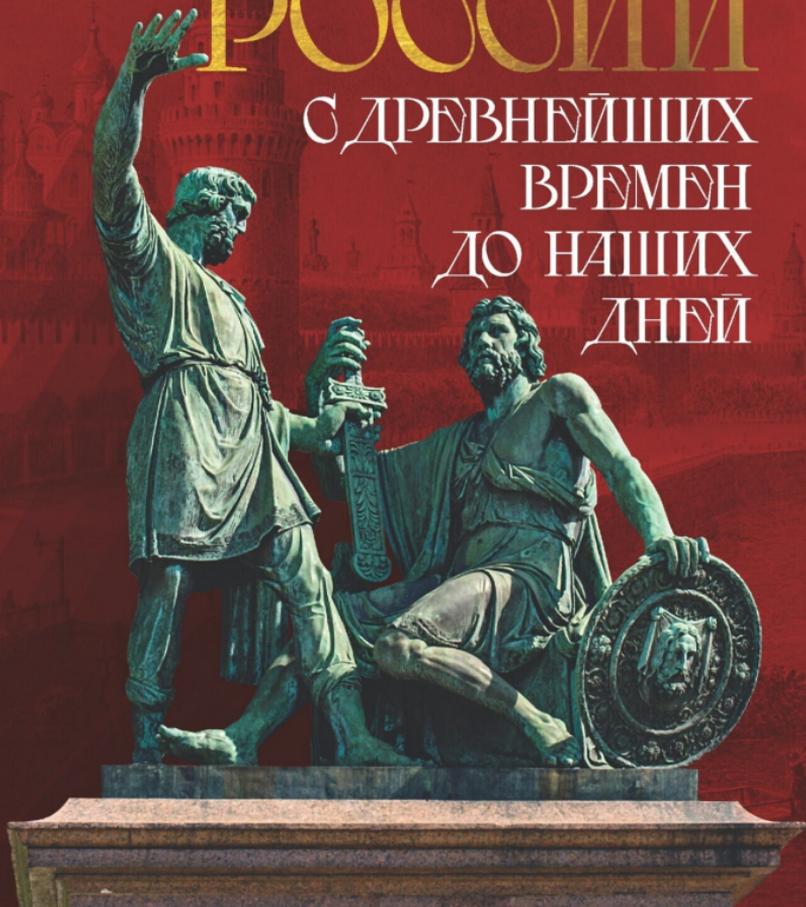

БОРИС ЯКЕМЕНКО

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

Борис Григорьевич Якеменко История России. С древнейших времен до наших дней

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70325224

История России. С древнейших времен до наших дней / Борис Якеменко:

Яуза-каталог; Москва; 2024

ISBN 978-5-00155-670-1

Аннотация

Известный российский историк и блогер Борис Якеменко представляет свою новую книгу «История России». В ней рассказывается история нашей страны с древнейших времен и до событий лета 2023 г., включая ход специальной военной операции и присоединение к России ЛНР и ДНР, Запорожской и Херсонской областей.

В одной книге рассматриваются самые разные стороны жизни России – великие правители и формы правления, вера, культура и быт, реформы и их экономические последствия. Межусобицы и вероломные набеги, иноземные вторжения, Отечественные войны и специальная военная операция последовательно изложены автором.

Книга предназначена для самой широкой читательской аудитории и одинаково подходит для школьников, студентов и более взрослых читателей.

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Часть I	24
Колонизация в истории России	25
Восточные славяне в древности	32
Происхождение восточных славян	32
Расселение восточных славян	33
Военное искусство славян	36
Происхождение названия «Русь»	38
Хозяйство	42
Торговля	49
Славянские поселения	50
Язычество восточных славян	58
Киевская Русь в IX–XI веках	69
Образование Древнерусского государства.	69
Норманская теория	
Административное устройство	77
Древнерусского государства	
Население	81
Хозяйство	83
Торговля	87
Внешняя и внутренняя политика первых	88
киевских князей в X–XI веках	

Принятие Русью христианства	102
Русская православная церковь	111
Культура Древней Руси	115
Политическая раздробленность на Руси	127
Русская земля в канун раздробленности	127
Предпосылки раздробленности	135
Крупнейшие земли Руси в конце XI – начале XIII века	141
Владими́ро-Сузда́льская земля.	141
Основание Москвы	
Галицко-Волынская и Новгородская земли	153
Культура Руси в XI – начале XIII века	164
Архитектура	164
Прикладное искусство	167
Литература	168
Иконопись	169
Итоги развития Руси в домонгольский период	170
Борьба Руси с внешними вторжениями в XIII веке	174
Борьба против вторжений с запада	174
Монголо-татарское нашествие на Русь	184
Вооружение монгольских и русских войск	192
Нашествие Батые́я	202
Конец ознакомительного фрагмента.	203

**Борис Григорьевич
Якеменко
История России. С
древнейших времен
до наших дней**

© Якеменко Б.Г., 2024

© ООО «Яуза-каталог», 2024

Предисловие

История и жизнь

В наше сложное и беспокойное время, когда все сдвинулось со своих основ, фундаментов, пьедесталов, когда разруха и в клозетах, и в головах, а сапоги давно выше Шекспира, наверное, нет человека, который бы не искал какой-то опоры, чего-то незыблемого, неразрушимого, на что можно опереться в трудную минуту, во что хотелось бы верить. И не случайно так часто и так много в последние годы в нашем обществе обращаются к истории: вглядываясь, как в зеркало, в события далеких столетий, пытаются в них разглядеть черты событий наших дней, взывают к человеческому опыту, накопленному за века. Суд истории представляется многим последним и самым объективным судом, который все расставляет по своим местам, воздает каждому по делам его и приговор этого Суда – окончательный и не подлежащий ни обжалованию, ни пересмотру...

В трудные минуты бытия, когда человек исчерпывает все имеющиеся ответы на предложенный жизнью вопрос, он обращается к памяти семейных предков, ворошит старые письма и фотографии, садится на низенькую скамеечку у самой дорогой могилы и замолкает в надежде, что те, кто давно ушел, лучше знали, как жить, что их опыт, их память, их

образ, вставший перед мысленными очами, помогут, как и раньше, не оставят в беде, скажут именно то, самое важное, слово, которое никак не удастся найти. И сейчас все больше людей, разуверившись в будущем, запутавшись на бесчисленных дорогах, предлагаемых политиками, обращаются к тысячелетнему историческому опыту, считая, что возврат многого из того, что отвергалось ранее, позволит наконец подвести под наш расшатанный дом прочный фундамент, тем более что истинам, рожденным сотни лет назад и окатанным, как морская галька, опытом сотен тысяч людей, можно безусловно доверять. Мы живем внутри исторического потока, он несет нас, которых тысячи и миллионы, и мы в свою очередь направляем его, вопреки традиционному убеждению, что историю делает горстка царей, королей и военачальников, а все остальные – лишь навоз на полях, на которых должны взойти плоды их политических комбинаций и проведенных сражений.

В этой книге мы, как и многие другие, попытаемся обратиться к истории и, апеллируя к ее опыту, опыту жизни тех, кто прошел по этой земле до нас, в чем-то понять происходящее, в чем-то – прошлое, а в чем-то – будущее. Государство и человек – вот два субъекта истории, взаимоотношения между которыми определяют ход и направление исторического процесса. Для Российской истории взаимоотношения государства и человека всегда играли исключительную, важнейшую роль. И в нашей книге мы обратимся к устоям

государства и устоям – нравственным, моральным, традиционным – человека, живущего в России, и постараемся дать ответы хотя бы на некоторые вопросы из тех, что стоят сегодня перед нами.

Введение

История и историки

Что такое история? Для чего она нужна? Чем занимаются историки? В наши дни, когда интерес к истории неизмеримо вырос, когда мы стремимся разобраться в том, что происходит в наши беспокойные дни и что происходило раньше, эти вопросы не могут не возникать и требуют своего ответа.

Как определить науку историю? Прежде чем начать говорить о каком-то предмете, обычно стараются «договориться о терминах». Среди множества определений истории, которые можно найти, стоит выделить два. Первое – историка С. Ф. Платонова: «История есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества». И второе – одно из самых кратких и точных, принадлежащее французскому историку Марку Блоку: «История – это наука о людях во времени». Однако этого определения, разумеется, недостаточно, чтобы все вопросы, связанные с этой наукой, оказались решенными.

Среди книг об истории есть одна, которая стоит многих других. Ее автор, упомянутый выше Марк Блок, один из самых крупных специалистов по истории средневековой Фран-

ции, не имея доступа к источникам и библиотекам, написал ее в годы войны в оккупированной Франции перед своей смертью. Она стала своеобразным завещанием Марка Блока. В первой же фразе книги автор ставит вопрос: «Зачем нужна история?» – и затем многократно отвечает на него.

В наши дни мы привыкли к тому, что необходимость любой науки определяется тем материальным эквивалентом, который она дает обществу. В отличие от физики, химии, математики, астрономии, биологии, без которых невозможна техника, медицина и многое другое, история не дает нам ничего материального. Понимая, что так рассуждают многие люди, Марк Блок писал: «...Если даже считать, что история ни на что иное не пригодна, следовало бы все же сказать в ее защиту, что она увлекательна». Ее увлекательность порождает интерес к прошлому своей страны и своему собственному, и даже если это любопытство часто не выходит за границы бытовых мелочей, подробностей личной жизни, нельзя забывать, что из любопытства выросла вся современная наука и в конечном итоге – цивилизация.

Разумеется, начиная разговор об истории, нельзя оправдывать ее существование только тем, что она возбуждает любопытство. Нередко на вопрос, поставленный выше, даются ответы, над которыми часто никто даже не задумывается: она учит, она дает образцы для подражания и отрицательные примеры. Но еще знаменитый историк В. О. Ключевский писал, что «история не учительница, а надзирательница», она

«ничему не учит, а лишь наказывает за незнание уроков». На первый взгляд так оно и есть. Если бы люди извлекали опыт из истории, то вряд ли за Первой мировой войной последовала Вторая.

Значит ли это, что история ничему не учит, а действительно только наказывает? Безусловно, нет. История учит, но не напрямую. «Она заставляет человека понять, – писал известный историк В. Кобрин, – что он – лишь звено в цепи поколений, но звено необходимое. Благодаря истории мы можем ощутить эту тесную связь поколений. Далекие эпохи вовсе не так уж далеки, как может показаться». В. О. Ключевский считал, что, даже просто сидя за столом и «помышляя тоскливо о пропущенной „Руслане и Людмиле“», студент не сможет найти «ни перед собой, ни в себе... предмета неисторического: бумага, перо, профессор, опера, самая тоска по ней, наконец, ты сам, как студент, зачитывающий полугодие, – все это целые главы истории, которые тебе не читали в аудитории, но которые ты должен понимать на основании тебе читанного».

А сколько вещественных свидетельств – живых, помнящих те далекие века и годы (и на которые часто мы даже не обращаем внимания), – ежедневно проходит перед нами. Найденная на даче старая газета воскрешает давно забытые проблемы, волновавшие наших родителей в юности. Старая чашка, подаренная когда-то бабушке его матерью, или пожелтевшая фотография, хранящаяся в семейном альбоме,

являются тем живым корнем, уходящим в прошлое, питающим и держащим нашу семью. А древние стены Московского Кремля, пережившие осады и пожары? А сумрачная белокаменная лестничная башня, на ступенях которой погиб князь Андрей Боголюбский, а теперь по этим ступеням можем подняться мы, – разве это не зримые нити, уводящие нас в далекое прошлое и делающие нас участниками, зрителями тех далеких и словно никогда не существовавших событий?

Продолжая разговор о пользе истории и переходя от обыденных вещей, неприметных «осколков истории» к глобальным историческим процессам, необходимо подчеркнуть, что исторический путь, пройденный народом и страной, неизбежно сказывается в настоящем. Говоря о событиях наших дней, мы не случайно часто употребляем термин начала XVII века «Смута», бессознательно обращаясь к прошлому опыту, а проводя аналогии, можем увидеть, как в зеркале, в сегодняшней суматохе, разбросе мнений, скорби о распадающемся Отечестве, чехарде министров и всплеске мистицизма события 1917 года. Современные требования снять одного чиновника и заменить его другим почти ничем не отличаются от стремлений народников убрать «плохого» царя и поставить «хорошего», который будет слушать народ и исполнять его волю.

Наше личное самосознание основывается на нашей собственной памяти, самосознание народа – на общности исторических воспоминаний. И в связи с этим необходимо пом-

нить, что, сохраняя эту память, историк должен сознавать ответственность и перед теми, кто передал ему эту память, и перед теми, кому он должен ее передать.

К сожалению, затронутая проблема является одной из самых крупных проблем исторической науки в целом и одним из самых больших искушений конкретного историка в частности. История как «наука о людях во времени», даже далекая, постоянно затрагивает чьи-то личные, человеческие интересы, убеждения, представления. В связи с этим столетиями историческую науку стремились поставить на службу политике и идеологии, требуя оправдать «с исторических позиций» те или иные «нужные» идеи, доказать недоказуемое, найти несуществующее.

Одно из лучших средств для максимального приближения к исторической истине – это хорошее владение правилами исторической науки и ее инструментарием, которые обязательны для соблюдения всеми, кто решил изучать историю. И вопрос этот стоит тем острее, чем выше рост интереса к истории.

Насколько опасно это незнание, можно убедиться, взглянув на полки книжных магазинов. В наши дни мы можем видеть, как несоблюдение этих правил, амбициозное желание приподняться над ними, зачастую продиктованное элементарной ленью и стремлением поскорее прославиться, плодит множество дилетантов, пробующих силы в писании работ по истории, которые нередко оказываются опубликован-

ными. Их фамилии хорошо известны: Суворов (Резун), Фоменко, Носовский, Аджа, Кандыба, Радзинский, Акунин – математики, физики, инженеры, драматурги, авторы детективов, которым кажется, что, прочитав Карамзина, Соловьева и Ключевского (а иногда и просто учебник истории), они уже стали историками, да к тому же и независимыми, свободными от «догм» и потому способными бросить «свежий взгляд» на давно известные события.

Они убеждены, что, для того чтобы писать формулы и ставить опыты, надо обладать научным мышлением, мощной фактологической базой, особым складом ума. А история – это соревнование в изошренности фантазии, доступное всякому, кто прочитал «Пособие для поступающих в вузы». В результате изумленный и не утративший здравого смысла читатель новых исторических трудов узнает, что Куликовская битва была в Москве, Чингисхан и Юрий Долгорукий, папа Григорий VII и Иисус Христос – одно лицо, город Самара на самом деле древний Рим, а на Руси до XV века все говорили по-тюркски и, садясь, принимали позу лотоса. Всех этих авторов подводит одно убеждение: поверхностное знание фактов и начитанность в общей литературе они считают вполне достаточным условием для исследовательской работы в области истории. Между тем гораздо важнее другое, что дается только напряженным трудом, серьезной школой, – овладение методикой научного исследования.

В своей работе историк нередко сталкивается с очень

большими трудностями, когда картину далекого прошлого приходится воссоздавать по случайным деталям, из крохотных кусочков, применяя не только опыт, знания, логическое мышление, но и интуицию и изобретательность в поисках методов извлечения информации из источников. Настоящий историк никогда не станет притворяться всезнайкой и сможет признаться в том, что он не знает точного ответа на вопрос, или признать то, что его гипотеза – не единственно возможная. В. Кобрин отмечает, что «есть один очень хороший тест на профессионализм историка. Если автор часто употребляет слова „несомненно“, „с уверенностью можно сказать“ и т. п., то его профессионализм под большим вопросом. Напротив, для опытного исследователя типичны такие выражения, как „возможно“, „не исключено“, „быть может“, „можно предположить“».

Одна из сложнейших проблем, встающих перед любым историком, – вправе ли он судить людей прошлого? С высоты знаний и представлений XXI века легко осуждать прошлое и недоумевать по поводу «нелогичных» поступков людей XIII или XVI века. Главная задача ученого-историка – не судить, а понимать людей прошлого, постараться увидеть события глазами их современника. Зная это, он пытается взглянуть на человека с двух сторон: со стороны той среды, в которой он вырос, системы ценностей общества, в котором он жил, социальной группы, к которой он принадлежал, – и одновременно со стороны современных норм морали. По-

этому нельзя оправдывать под предлогом общей жестокости века массовые убийства, казни, войны, измену и предательство – ведь именно мораль и нравственность составляют основу человеческой личности. Как писал В. Рубин, «история, лишённая нравственного содержания, становится не только занятием пустым и неинтересным, но и занятием в известной степени вредным».

Источники и историография

Существуют источники письменные и материальные. До нашего времени дошло очень немного письменных источников, относящихся к древнейшему периоду истории славян. В основном это древнегреческие, латинские, древнееврейские, византийские, арабские сочинения. В целом же письменным (или нарративным) историческим источником принято называть любое сочинение, не являющееся специальным трудом по истории. Так, например, мемуары Наполеона являются источником, а сочинения Карамзина и Соловьёва – историографией.

Самым ранним источником является составленное отцом истории Геродотом (V век до н. э.) описание Скифии и населяющих ее племен, среди которых, как считает ряд исследователей, были и предки славян. Однако следует помнить, что отцом истории с большей уверенностью можно было бы назвать Полибия, ибо именно он первым не только собрал

исторический материал, но и попытался систематизировать и осмыслить его. Отдельные сведения о географии и истории Восточной Европы приводятся в сочинениях Страбона (I век до н. э. – I век н. э.), Плиния Старшего (I век), Иордана (VI век), Тацита (I–II века), Маврикия Стратега (VI век) и других античных и средневековых авторов. Ценные сведения об общественном строе, нравах, обычаях, военном искусстве славян содержатся в трудах крупнейшего византийского историка Прокопия Кесарийского.

Наиболее важными источниками русского происхождения являются летописи – хронологические записи происшедших событий (от славянского слова «лето» – год). Летописание велось при княжеских дворах, в монастырях, при епископских кафедрах. Политическая ориентация, характер и интересы летописца накладывали значительный отпечаток на отбор и истолкование фактов, поэтому летописи трудно читать и понимать без хотя бы элементарной исторической подготовки. Однако погодная форма записей позволила заключить в летописях богатейшую информацию. Самой известной древнерусской летописью является Повесть временных лет, составленная монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в XII веке. Не менее известны и Ипатьевская летопись, содержащая первое упоминание о Москве, Троицкая, Лаврентьевская, Никоновская и другие. Как правило, свое название летописи получали либо по месту их обнаружения, либо по имени того человека, кому они принадлежали.

ли до того, как оказались в архивах.

Важнейшим источником по истории древнерусского права (и в целом по истории Древней Руси) является законодательный свод Русская Правда, составленный при великом князе Ярославе Мудром и его сыновьях в XI веке. Ценные сведения содержатся в литературных произведениях (житиях и сочинениях святых, поучениях, сказаниях, рассказах о путешествиях-хождениях, повестях). Интересным памятником конца XI – начала XII века является «Поучение Владимира Мономаха своим детям». О роли Руси в мировой истории, о ее культурном и историческом значении замечательно говорит киевский митрополит Иларион в знаменитом «Слове о Законе и Благодати», написанном в XI веке.

Огромную роль в изучении древнейшего периода нашей истории играют данные археологии, этнографии, лингвистики. Археологические находки позволяют реконструировать жизнь тех эпох, от которых не сохранилось никаких письменных источников, подтвердить или опровергнуть данные, уже известные по различным письменным документам. Важным источником эпохи Древней Руси является былинный эпос, который позволяет нам получить сведения о жизни Древней Руси, о религиозных верованиях русского народа. Представить себе жизнь людей, их быт помогают надписи на вещах, на стенах храмов – граффити. Их можно встретить на древних кувшинах, пряслицах, прочей утвари (предметах повседневного обихода). На откосах дверного проема,

который когда-то выводил на боевую площадку Золотых ворот Владимира, сохранились граффити воинов, защищавших эти ворота. Многочисленные надписи – обращения к Богу, рисунки крестов сохранились на стенах храмов Святой Софии в Киеве и Новгороде, на алтарных апсидах храма Бориса и Глеба в Кидекше, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском.

Особенно ценным источником являются берестяные грамоты, открытые сравнительно недавно – в 50-х годах XX века. Основная масса их обнаружена археологами в Новгороде. Берестяные грамоты найдены также в Смоленске, Старой Руссе, Москве и других городах. Среди грамот встречаются и тайные письма, и хозяйственная документация, и завещания, и даже упражнения в письме юных горожан. Открытие этих грамот доказало, что в Новгороде была почти поголовная грамотность. Сегодня в наш обиход входят новые типы источников – тексты из соцсетей, твиты, клипы и пр., возникает и совершенствуется методология работы с новыми типами источников. Безусловно, только тщательный комплексный анализ данных самых различных источников и исторических дисциплин может позволить ученым наиболее полно реконструировать далекое прошлое.

Что же касается историографии, необходимо, начиная изучение истории Отечества, знать хотя бы несколько имен. Первая попытка написания истории России была сделана

только в период петровских реформ. Здесь на первом месте стоит В. Н. Татищев, автор пятитомной «Истории», которая и по сей день не утратила своего значения. Татищев использовал массу источников (иногда без должной оценки), но, поскольку сейчас многих из этих источников уже не существует, он остается для любого изучающего историю России человека автором, без трудов которого нельзя обойтись.

В середине XVIII века жил и известный историк Август Шлецер – автор большого научного труда о русских летописях «Нестор». В то же время и знаменитый ученый М. В. Ломоносов начал писать свой курс русской истории, но довел его только до событий первых веков. И наконец, в конце XVIII века появляются труды Н. М. Карамзина. Любой человек, хоть немного интересовавшийся историей России, знает это имя. Труды Карамзина издавались и переиздавались сотни раз, и это не случайно. Его «История России», написанная в подмосковной усадьбе Остафьево, стала первым научным систематическим трудом по русской истории, к сожалению, не законченным. Современная наука признает не все выводы Карамзина, и далеко не все из его научного наследия равноценно, но тем не менее это первая научная «История России», не утратившая своего значения и поныне.

В первой половине XIX века профессор Московского университета С. М. Соловьев начал издавать свой курс истории, составивший со временем многотомную «Историю России с древнейших времен». В течение 29 лет Соловьев

с удивительной аккуратностью выпускал каждый год по тому (помимо того, что писал статьи и преподавал) и довел свое огромное историческое сочинение до времен императрицы Екатерины II. Труд этот настолько грандиозен, что его очень тяжело читать подряд, но обойтись без него невозможно, потому что книги Соловьева – это энциклопедия русской истории, пусть и не исчерпывающая все проблемы и вопросы. Труд Соловьева остается и, очевидно, останется навсегда единственной работой такого масштаба, и без его «Истории России» представить себе русскую историческую науку нельзя, тем более что многие его выводы не утратили своей актуальности и по сей день.

У С. М. Соловьева, среди многих других, был замечательный ученик – В. О. Ключевский, который создал свой курс лекций, написанный совершенно под иным углом зрения. Лекции Ключевского стали своеобразным теоретическим комментарием к труду Соловьева. У Ключевского замечательный язык, и это привлекает внимание к его работам даже при первом знакомстве. Психологические характеристики таких исторических деятелей, как Иван Грозный, Петр I или Екатерина, у Ключевского удивительно точны и глубоки. Поэтому очень интересны не только его сочинения по истории, но дневники и афоризмы, где несколько строчек иногда стоят целой научной статьи. К концу XIX века относятся и труды Д. И. Иловайского, недавно полностью переизданные. Прекрасный популяризатор, Иловайский стал со-

здателем «канонического» учебника русской истории, по которому учились многие поколения гимназистов.

Завершает знаменитую плеяду историков С. Ф. Платонов. Работавший в тяжелейшие годы революции и в послереволюционное время, он словно подводит определенную черту под развитием русской исторической науки. Можно сказать, что Платонов – это та вершина, на которую поднялась русская историческая наука перед разгромом в 30-х годах XX столетия. Платонов был автором не только издававшегося десять раз знаменитого «Курса лекций по русской истории», который он читал, но и ставших классикой трудов по отдельным вопросам русской истории, как, например, «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.», «Борис Годунов». Платонов испытал на себе все ужасы послереволюционного времени: был обвинен в саботаже, контрреволюции, сослан в Самару, где страшно нуждался и голодал и через некоторое время скончался. Из советских историков большое значение для исторической науки имеют труды Б. Рыбакова, М. Тихомирова, Р. Скрынникова, С. Шмидта, Л. Гумилева, В. Петрухина, В. Седова, В. Янина, В. Назаренко и других.

Часть I

Развитие Российской цивилизации

Историю нашей страны невозможно понять, не обратив внимания на ее географические условия. Разнообразие этих условий предоставляют людям различные возможности для приспособления к ним и их преобразования. Одни хорошо подходят для человека, а это означает, что не создается предпосылок для активного преобразования среды обитания, а значит, и усложнения общества, роста потребностей, исторического развития. Другие неблагоприятны для жизни, что также препятствует всякому прогрессу. Исторический опыт показывает, что наиболее благоприятными для исторического развития всегда были территории, расположенные вблизи центров цивилизации и на перекрестках путей, связывающих разные народы.

Колонизация в истории России

На протяжении всего тысячелетнего существования Руси и России борьба за расширение своих границ была одной из национальных идей возглавлявших страну князей, царей и императоров. Начавшийся еще в IX–X веках, этот процесс продолжался вплоть до XX века и имел своим следствием создание огромной, уникальной по своим размерам, природным, географическим факторам территории Российского государства. Именно этот процесс расширения границ в сочетании с характером пространства и его климатом во многом

сформировал национальный менталитет.

Необходимо подчеркнуть, что именно территориальный, географический фактор зачастую лежал в основе политических, общественных, культурных процессов, происходивших в России. Колонизация земель и расширение территорий также были важнейшим условием для поддержания необходимого уровня жизни путем освоения новых земель. После истощения очередного куска пашни население могло продвигаться все дальше и дальше, не слишком заботясь о развитии технических средств, с помощью которых можно было бы успешно получать урожай из прежнего участка земли, не сходя с места. В знаменитой «Дубинушке» это противоречие в отношении к техническому прогрессу у англичанина и русского мужика подмечено достаточно точно. Кроме того, обширные территории выступали необходимым условием поддержания общественной стабильности. Старобрядцы уходили за Урал и дальше, на Аляску, не желая оказаться объектом преследования со стороны властей, в Сибирь уходили крестьяне, не хотевшие подчиняться крепостному гнету (там не было крепостного права), другие недовольные бежали на Дон и формировали буйное и непоседливое казацкое сословие. Если бы не огромные территории, Россия могла бы не разместить и не переварить огромного количества беженцев и мигрантов, хлынувших в Россию в начале, середине 1990-х годов. И тогда она могла бы оказаться в эпицентре жестких межнациональных конфликтов, если

не сказать войн.

Огромную роль в этом процессе сыграла Русская церковь, благодаря которой была создана уникальная технология мирной колонизации огромных территорий, требующая именно сегодня, в период защиты суверенитета, самого тщательного изучения. Процесс монастырской колонизации Русского Севера начался в XIV веке благодаря преподобному Сергию Радонежскому. За несколько десятков лет без единого выстрела только монастырями, храмами, скитами осваиваются огромные территории. За один только XIV век было основано около 120 новых монастырей, и все они находились вдали от городов (число всех монастырей, основанных на Руси с XI века, не превышало 60, и все они были городские или пригородные). «Цепочка» монастырей уходит все дальше на север – Троице-Сергиев, Ростовский, Борисоглебский, Вологодский Прилуцкий, Спасо-Каменный на Кубенском озере, Кирилло-Белозерский на Сиверском и т. д. В XV веке были уже освоены Соловецкие острова (Соловецкий монастырь) и Ладога (Валаам). В монастырях развивались и осваивались новые формы хозяйствования, строительства, отсюда на окрестные территории распространяется христианство. Вокруг многих монастырей складываются целые города и поселки – Кириллов, Сергиев Посад, Соловки, Угреша, на некотором отдалении возникают деревни и села, территория становится освоенной и пригодной для новых потоков людей. В XIV веке общественная идея объеди-

нения всей земли вокруг Москвы становится стержнем русской истории. То есть идея колонизации становится политической идеей. С этого момента Москва является географическим и политическим центром – до сих пор все железные дороги России и примыкающих территорий заканчиваются в Москве. Соединение этнической и религиозной самоидентификации позволило церкви сделать освоенные ею регионы Русского Севера наиболее «русскими», «российскими» из всех, что сегодня входят в состав России.

Бескрайность, безграничность территории России сформировали особое пространственное мышление, свободно оперирующее сотнями километров, и сужение границ неизбежно приведет к деформации менталитета. Освоение этих пространств выработало у русского человека привычку к тяжелому и продолжительному труду в крайне сложных и неблагоприятных условиях. Это воспитало в русском национальном характере ключевую черту – для достижения желаемого результата нужно долго трудиться, зачастую не заботясь о создании «благоприятных» условий для труда. Эта черта характера позволила в нечеловеческих условиях среди лесов и болот построить и заставить жить Санкт-Петербург, проложить к нему уже в XIX века железную дорогу, а в XX столетии построить самую длинную и сложную по условиям содержания в мире Байкало-Амурскую магистраль. Это также позволило в нечеловеческих условиях в первые полгода Отечественной войны не только провести эвакуацию про-

мышленности, но возродить и пустить в ход производства подчас на совершенно неосвоенных территориях и в конечном итоге одержать победу.

Иными словами, территория и национальное самосознание теснейшим образом связаны друг с другом. Поддержка этой связи осуществлялось в самых различных культурных и традиционных формах, начиная от комплекса полужыческих ритуалов, как, например, «исповедь земле», и заканчивая многовековой традицией паломничества. Последняя захватила практически все слои общества и стала очень интересной формой познания собственной страны в постоянном путешествии от храма до храма, от города до монастыря, что можно видеть на примере целого пласта литературных памятников «Хождений» и преданий, связанных с каликами переходжими.

Стоит вспомнить, что Г. Гегель разделял колонизацию на два типа. Первый – это создание новой родины, и второй – завоевание с целью эксплуатации, когда территория захватывается, но не осваивается. России всегда была свойственна колонизация именно первого типа. Присоединение новых земель к России было преимущественно мирным, а вхождение их коренного населения в состав Российского государства добровольным. Такое характерное для западноевропейской колонизации Северной и Южной Америки или Австралии явление, как истребление аборигенов для размещения на их территориях колонизаторов, было совершенно невоз-

возможным в российской практике колонизации.

Напротив, русским при освоении очередной территории предписывалось селиться «только на порозжей (то есть пустующей) земле», пришедшие быстро овладевали языком и обычаями аборигенов, а налоги коренного населения и пришельцев почти не отличались – перед государством все были равны. П. Н. Буцинский справедливо отмечал удивительную способность русских «мирно уживаться со всякою народностию». В источниках XVI–XVII веков можно прочесть о том, как русские и аборигены живут друг у друга в домах, едят за одним столом, заводят семейные связи. Примечательно, что дети от смешанных браков, заключенных в ходе колонизации, никогда не считались «второсортными», как мулаты и метисы в западноевропейских странах. Характерный пример – абсолютное большинство народов, оказавшихся в составе России в XVIII–XIX веках, существенно увеличили свою численность.

Разумеется, наблюдались и жесткие действия властей по отношению к «инородцам», но они скорее были исключением, нежели правилом, не говоря уже о том, что отнюдь не все акты сопротивления России были борьбой за свободу своей земли. Гораздо важнее был наглядный пример, когда Россия искореняла все дурное, что укоренилось на покоренной территории, и утверждала положительное (как было на Кавказе или в Средней Азии). Не случайно большинство покоренных территорий на протяжении долгого времени оставались

убыточными для российской казны.

Первый этап колонизации происходил в IX–XIV веках и был связан с заселением Восточно-Европейской равнины. Его стимуляторами являлись угроза с юга от половцев и татар. Следствием этого было «запустение» юго-западных земель, являющихся ядром первого государства восточных славян – Киевской Руси. С бегством крестьян от крепостничества был связан второй этап колонизации в XV–XVII веках, который привел к заселению Поволжья, Урала и Сибири. В результате на окраинах вырос новый слой населения – казачество, – живший в условиях господства норм и ценностей догосударственной «военной демократии». Третий этап колонизации происходил в XVIII–XIX веках. Он был связан с превращением Российской империи в государство, где жили и сосуществовали не только национальные культуры, но и цивилизации. Осваивая новые территории, русские обеспечивали сплочение живших на них народов в единое сообщество.

Восточные славяне в древности

Происхождение восточных славян

Предки славян по своему языку относятся к индоевропейским народам, которые населяют Европу и часть Азии вплоть до Индии. Этноним «славяне» (сами они именовали себя «словенами») означает «владеющие членораздельной речью, словом». Археологи считают, что присутствие славянских племен можно проследить по данным раскопок на территории Центральной и Восточной Европы с середины II тысячелетия до н. э. Предков славян (в научной литературе их называют праславяне) предположительно находят среди племен, населявших бассейн Одера, Вислы и Днепра; в бассейне Дуная славянские племена появились лишь в 537 году вместе с гуннами; правда, гунны, склавины и анты были тогда союзниками византийцев в войне с готами.

Вскоре славяне хлынули к дунайской границе Византийской империи, смели стоявшие там укрепленные города и вследствие этого «вошли в историю», впервые появившись на страницах византийских хроник. С VI века славяне в союзе с кочевниками – гуннами, болгарами, аварами – самостоятельно переходят Дунай и заселяют Балканы: области Иллирию и Фракию на севере полуострова и Грецию. По

словам ученого VI–VII веков Исидора Севильского, «славяне отняли у ромеев (римлян – так называли себя сами византийцы) Грецию». За Дунаем уже была Византия. Эта река для славян стала границей между своим и иным миром, где они вступили в контакт с более развитой цивилизацией. Здесь они включились во всемирную историю, сначала как варвары-разрушители, потом как ученики и продолжатели византийской культурной традиции. Поэтому и сама история славян, написанная в начале XII века русским летописцем Нестором, начинается с Дуная. Отсюда славяне стали расселяться по всей земле и в процессе расселения получили свои племенные имена.

Античные авторы I–VI веков н. э. называют славян венедами, антами, склавинами и говорят о них как о «бесчисленных племенах». Предполагаемая территория расселения предков славян на западе доходила до Эльбы (Лабы), на севере – до Балтийского моря, на востоке – до Сейма и Оки, а на юге их границей была широкая полоса лесостепи, шедшая от левого берега Дуная на восток в направлении Харькова. На этой территории обитало несколько сотен славянских племен.

Расселение восточных славян

В V–VI веках н. э. в результате вторжения варваров в Европу начинается эпоха миграций – Великого переселе-

ния народов, когда огромные массы людей были вынуждены сняться с насиженных мест и уйти за сотни и тысячи километров от первоначальных поселений. Великое переселение народов затронуло огромные территории Центральной и Восточной Европы и Скандинавии. В результате этого процесса сложилась большая часть современных народов и из единой славянской общности выделилась восточнославянская ветвь (будущие украинский, белорусский и русский народы). Приблизительно к этому времени относится возникновение крупных племенных союзов восточных славян. Летопись сохранила предание о княжении в Среднем Поднепровье братьев Кия (он считается основателем города Киева), Щека, Хорива и их сестры Лыбеди. Летописец отмечал, что такие же княжения были и в других племенных союзах, называя более десятка племенных объединений восточных славян. Такой племенной союз включал в себя 100–200 отдельных племен.

Около Киева на правом берегу жили поляне, по верхнему течению Днепра и по Западной Двине – кривичи, по берегам Припяти – древляне. Племенные имена славян часто ясны по значению: славяне называли себя по областям или рекам, где они расселялись, по характерным чертам ландшафта (поляне – те, что живут в полях, древляне – в лесу, среди «дерев»). По Днестру, Пруту, нижнему течению Днепра и по северному побережью Черного моря – уличи и тиверцы, по Оке – вятичи (по летописной легенде, племя вятичей,

расселившихся по Оке, происходит от их родоначальника по имени Вятка), в западных областях современной Украины – воляняне, к северу от Припяти до Западной Двины – дреговичи (живущие среди болот – дрягв), по левому берегу Днепра и по Десне – северяне (их имя происходит не от слова «север», а от области «Север», или «Северия»), по реке Сож, притоку Днепра, – радимичи (предком радимичей считался Родим), вокруг озера Ильмень – ильменские славяне (словене) – они основали город Новгород.

Данные летописи о расселении славянских племен подтверждаются и археологическими материалами. В частности, данные о различных формах женских украшений (височных кольцах), полученные в результате раскопок, совпадают с указаниями летописи о размещении славянских племенных союзов. Соседями восточных славян на западе были прибалтийские народы, западные славяне (поляки, чехи); на юге – печенеги и хазары; на востоке – волжские булгары и многочисленные угро-финские племена (мордва, марийцы, мурома).

Летописец также отмечал неравномерность развития отдельных племенных объединений. Наиболее просвещенными и культурными он считает полян – они «мужи смыслени». К северу от их территории проходила своеобразная граница, за которой племена жили «зверинским образом». По данным летописца, земля полян также носила название «Русь».

Военное искусство славян

Распаду первобытно-общинных отношений способствовали и военные походы славян, большинство которых предпринималось против Византии. Участники этих походов получали определенную часть военной добычи. Особенно значительной была доля военных предводителей – князей и родо-племенной знати – лучших мужей, которые и представляли собой «государственный аппарат». Постепенно вокруг князя складывается особая организация профессиональных воинов – дружина, члены которой по экономическому и социальному положению значительно отличались от своих соплеменников. Дружину возглавлял воевода – второе после князя лицо. Слово «дружина» в славянских языках недаром означало «друзья», «товарищи»: дружинники должны были следовать за князем не только в бой, но нередко и на тот свет, после смерти сопровождая своего вождя. Князь в свою очередь обязан был одевать, вооружать и кормить дружину. Арабский автор X века Ибн Руст писал, что «царь» славян ежегодно объезжал своих подданных и брал дань платьями. Дорогую одежду и оружие дружина могла добыть в военных походах или в дальних торговых поездках, но кормиться она должна была в своих землях. В дружинах нередко служило много иноплеменников – варягов, тюрков. Дружина делилась на старшую, из которой выходили княжеские упра-

вители, и младшую, жившую при князе и обслуживавшую его двор и хозяйство. Помимо профессиональной дружины существовало также и общеплеменное ополчение (полк, тысяча).

Византийский историк Прокопий Кесарийский писал, что славяне «сражаются пешими. В руках у них небольшие щиты и копья, панцирей же славяне не носят». По свидетельству других авторов, славяне носили с собой по 2–3 метательных копья – дротика. Использовали они и лук со стрелами, которые смазывались ядом. Прокопий рассказывает, как при взятии одного города славяне засыпали обороняющихся тущей стрел.

Славяне не имели навыков сражения в регулярном строю, как римские легионеры, но были весьма искусны при боевых действиях в труднодоступных – гористых и лесистых – местностях. Идя на врага, они подбадривали себя и пугали неприятеля воинственными криками. Если враг отступал, они стремительно атаковали, если нет – отступали в леса и теснины (узкие проходы между холмами). Иногда они нарочно бросали свою добычу, чтобы преследователи занялись ее дележом: тогда славяне внезапно нападали на врага. Они умело устраивали засады, могли долго скрываться под водой, дыша через тростинку. Для войны со славянами грекам приходилось использовать все средства: конницу, пехоту, особенно легковооруженную, и флот. Византийский историк VII века Феофилакт Симокатта рассказывал о том,

как греки преследовали отряд славян из 600 человек. Славяне везли на повозках добычу, захваченную у греков. Когда они увидели преследователей, то поставили повозки в круг, внутри которого укрыли женщин и детей, сами же стали бросать с повозок копья в византийскую конницу. Грекам с трудом удалось разрушить этот укрепленный лагерь.

Славяне имели свою конницу, но славились как пешие воины и мастера устраивать переправы через реки и проливы на лодках и плотах. Так они переправляли и конницу кочевников, стремившихся к Константинополю. Боевые навыки славян усложнились, когда они стали вести войны в союзе с кочевниками, в том числе с аварами. В 626 году авары не смогли взять город во время первого приступа и велели славянам атаковать его на однодеревках (лодках, выдолбленных из одного бревна) с моря. Это должно было отвлечь греков от аварской конницы, которой следовало внезапно подойти к городу по суше. Греки разгадали этот план и подготовили свой флот, который окружил однодеревки славян. Константинопольский патриарх Никифор в своей «Краткой истории» писал, что после битвы все море окрасилось кровью, а среди тел погибших славян были обнаружены и женщины.

Происхождение названия «Русь»

О происхождении этого названия до сих пор идут горячие споры. Одно из объяснений, высказанное еще в XIX столе-

тии и поддержанное в наше время Б. А. Рыбаковым, связывает термин «Русь» с названием реки Рось, притока Днепра, давшей имя племени, на территории которого жили поляне. Однако рассмотрим еще некоторые гипотезы.

Повесть временных лет сообщает о скандинавах-варягах (викингах) и отмечает «варяги, зовомые русь», то есть называемые «русь». Это летописное сообщение вызвало много споров у историков. Его одно время считали выдумкой, потому что в Скандинавии не было обнаружено варяжского племени по имени «рось» или «русь». Но арабские и византийские источники упоминают о каких-то «россах», что жили в районе Керчи или даже в Северном Причерноморье. Эти сообщения вызывают немало вопросов, и прежде всего: россы – это славяне или варяги для византийцев и арабов? Если для нашего летописца россы – это варяги, тогда с каких пор словом «русь» стали называть именно славян, а не варягов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, как варяги попадали в Европу и Византию.

Викинги двигались в Европу и Византию из Скандинавии разными путями. Один из старейших таких путей был через Баренцево и Северное моря, Ла-Манш, дальше по рекам к центру Франции или через Бискайский залив к Гибралтару и в Средиземное море. Этим путем шло завоевание берегов западноевропейских государств – Франции, Англии, Дании. Таким же образом скандинавы попадали и в Византию. Были и другие пути – по Днепру и Волге.

Но что означает термин «Русь»? Известный историк Е. Е. Голубинский писал, что еще в конце XIX века финны называли шведов «ruotsi», «ruossi», и слово это, очевидно, восходит к глубокой древности. Однако языковеды выяснили, что название «русь» (Roths) не было племенным. В переводе слово «Roths» означало «гребцов» – дружину, участвующую в походе на весельных судах. Это слово звучало по-шведски как «ротс». Поэтому существует предположение, что славяне в связи с этим называли варягов, приходящих в Восточную Европу на весельных ладьях, русью. В походах на Западе скандинавы называли себя викингами – участниками морского похода.

Почему же они не пользовались тем же названием на Востоке? Это связано с тем, что в походы на Запад, по Балтийскому морю и Атлантике, викинги отправлялись на так называемых «драккарах» – длинных кораблях, идущих в основном под парусами. На реках Восточной Европы парусные драккары использовать было трудно, а чтобы идти против течения, нужно было садиться на весла. Поэтому на Востоке выходцы из Скандинавии называли себя «гребцами». «Гребцы» были главными участниками походов руси на Царьград. Недаром Вещий Олег после легендарного победоносного похода велел грекам платить дань на каждую уключину своего флота.

Выдающийся ученый конца XIX – начала XX века, археограф, лингвист и филолог А. А. Шахматов считал, что в

VIII–IX веках происходил процесс движения скандинавов, ранее попавших на юг по Волге, навстречу соотечественникам, которые шли с севера путем «из варяг в греки» через Днепр. И слово «русь», которым именовались скандинавы, вторично стало распространяться навстречу друг другу по Днепру как с юга, так и с севера. В это же время у славянских племен, живших в среднем течении Днепра, начинает складываться государственность, а поскольку правящая династия была приглашена из Скандинавии, то славяне стали называться «русью», а от них и вся славянская земля. Эта гипотеза отчасти была подтверждена и в работах современных ученых Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, которые сумели проследить эволюцию этого этнонима от термина «гребцы» через наименование многонациональных великокняжеских дружин периода формирования Древнерусского государства к названию древнерусской народности и от нее – территории.

В этом явлении можно проследить четкую общеевропейскую тенденцию. Так, например, французы называются по имени германского племени франков, которое когда-то завоевало Галлию. Англия называется так потому, что германское племя англов некогда покорило Британию. Название «Нормандия» напоминает о норманнах, которые когда-то захватили эти территории. Известны случаи, когда завоеватели некой территории постепенно растворялись среди коренного населения и оставляли ему только свое имя. Наглядный

пример этого – Болгария. Болгары – славяне, но само слово «Болгария» ничего общего со славянским языком не имеет, оно происходит от волжских булгар – народа тюркского происхождения, государство которых существовало на Волге.

Хозяйство

Основой хозяйственной деятельности славян было земледелие, в то время как скотоводство отошло на второй план, а охота и рыболовство помогали лишь от случая к случаю. Славяне выращивали озимую и яровую рожь, пшеницу, ячмень, просо, горох, чечевицу. Предпочтение отдавалось озимой ржи из-за удобства ее разведения (она очень неприхотлива и легко переносит морозы), и не случайно ржаной хлеб стал основной пищей как крестьян, так и горожан. Недаром в русской пословице говорится: «Матушка рожь, корми всех сплошь, а пшеничка – по выбору».

Возделывались также огородные (репа, чеснок, капуста, морковь, свекла, редька) и технические культуры (лен, конопля). Репа употреблялась так же часто и в разнообразнейших видах, как впоследствии картошка, появившаяся на Руси лишь в петровское время. Употребляли в пищу хрен, но его собирали в лесу, как и грибы, ягоды, орехи, желуди, рябину, щавель и прочее. В огородах славян росли кусты смородины, крыжовника, малины и фруктовые деревья. Из волокон льна славяне изготавливали ткани; конопля давала по-

мимо волокна масло, выдавливаемое из зерен. Южные земли славян обгоняли в своем развитии северные, что объяснялось различиями в природно-климатических условиях и плодородии почвы. Южные славянские племена имели более древние земледельческие традиции, а также налаженные давние связи с рабовладельческими государствами Северного Причерноморья.

У славянских племен существовали две основные системы земледелия. На севере, в районах таежных лесов, господствующей системой земледелия была подсечно-огневая. Следует сказать, что граница тайги в начале I тысячелетия н. э. была гораздо южнее современной. Так, остатком древней тайги является знаменитая Беловежская пуша. В первый год при подсечно-огневой системе на осваиваемом участке деревья подрубали, и они высыхали. На следующий год срубленные деревья и пни сжигали и в золу сеяли зерно. Удобренный золой участок два-три года давал довольно высокий урожай, потом земля истощалась, и приходилось осваивать новый участок. Основными орудиями труда в лесной полосе были топор, мотыга, заступ и борона-суковатка (ее роль чаще всего играло еловое бревно с ветвями, обрубленными не у самого ствола, а с небольшим отступом от него). Плуг или соху использовать здесь было невозможно из-за обилия корней, оставшихся в земле. Убирали урожай при помощи костяных и железных серпов, затем размалывали зерно каменными зернотерками и жерновами.

В южных районах ведущей системой земледелия был перелог. При наличии большого количества плодородных земель свободные от леса участки засеивали в течение нескольких лет, а после истощения почвы переходили («перекладывались») на новые участки. В качестве основных орудий использовали рало, а впоследствии деревянный плуг с железным лемехом, который тянула лошадь. Плужное земледелие было более эффективным и давало более высокие и стабильные урожаи.

Не случайно образ пахаря-земледельца был главным в народной культуре славян. В эпических преданиях их соседей – германцев и кочевников-тюрков – главным героем обычно был бесстрашный воитель, предводитель войска. В русских же былинах пахарь Микула Селянинович оказывается сильнее князя-чародея Вольги Всеславича и всей его дружины: княжеская дружина не может на своих конях догнать пашущего в поле Микулу, вытащить из земли соху, оставленную там пахарем. В чешском предании, донесенном хронистом Козьмой Пращским, чехи избирают себе князем пахаря Пшемысла. В руках Пшемысла начинает зеленеть сухая ветвь, которой он погоняет волов во время пахоты, – это знак, который обнаруживает чудесную силу пахаря. Предок польских королей Пяст также считался крестьянином. Само его имя, родственное слову «пест», возможно, происходит от названия земледельческого орудия, связанного с молотью, растиранием зерна и т. п. Сила пахаря – в его связи с

Матерью сырой землей, которую особо почитали славяне.

С земледелием тесно было связано скотоводство. Славяне разводили те же виды домашней скотины и птицы, что и в наши дни: коров, лошадей, овец, свиней, кур, гусей и уток. В качестве рабочего скота в южных районах использовали волов, в лесной полосе – лошадей. Важное место в хозяйстве восточных славян занимали рыболовство, охота и бортничество (сбор меда диких пчел, от слова «бортъ» – дупло).

Славянское хозяйство было строго индивидуальным. Мужчина выполнял свою работу – косил, корчевал, пахал, сеял, заботился о лошади, а женщина убирала урожай (не случайно серп встречается только в женских погребениях того времени) и следила за домашней скотиной и птицей.

К IX веку у славян получают значительное развитие ремесла. Для земледельческих работ нужны были разнообразные орудия, прежде всего железные наконечники для сохи и плуга, топоры и мотыги для расчистки леса, серпы и т. п. Поэтому необходимой отраслью хозяйства славян было производство железа. Его добывали из железной руды, залежи которой часто обнаруживали в болотах. Руду обжигали в ямах или в печах и получали крицу – пористую железную массу. Чтобы добиться при обжиге руды высоких температур, в печь накачивали воздух при помощи кожаных мехов через специальные трубки – сопла. Из крицы кузнецы ковали различные орудия.

Уже в VII–IX веках у славян появляются специальные по-

селки металлургов. Кузницы в славянских поселениях располагались в стороне от жилых домов, возле рек: кузнецу постоянно нужны были огонь в кузнечном горне для размягчения металла и вода для охлаждения готовых изделий. Кузнечное ремесло считалось у славян занятием таинственным и даже колдовским. Недаром само слово «кузнец» родственно слову «козни». Кузнец, как и пахарь, был любимым героем славянского фольклора. Имя легендарного основателя города Киева – Кий – родственно слову «ковать»; само это имя могло означать «палица», «молот». На Украине известны предания о том, как кузнец запряг в плуг чудовищного змея и заставил его пропахать борозды, которые стали руслами рек или сохранились в виде древних укреплений – «Змиевых валов». В этих преданиях кузнец – не только творец орудий ремесла, но и создатель окружающего мира, природного ландшафта.

Гончарство было еще одной важной отраслью традиционного хозяйства славян. После эпохи Великого переселения народов в Восточной Европе были утеряны навыки производства керамики на гончарном круге – посуду славяне в VI–VIII веках лепили вручную. Главной формой славянской посуды на протяжении всего Средневековья были горшки, орнаментированные простым волнистым узором. Их использовали не только для хранения продуктов и приготовления пищи на кухне, но и в качестве ритуальной утвари. В дохристианские (языческие) времена, когда господствовал обряд

сожжения покойников, в горшок складывали пережженные кости – он служил погребальной урной. Славянские языки отразили его важность в человеческой жизни: горшок, как и люди, имел шейку, плечики, тулово, ручки. Недаром в средневековой Руси была популярна притча о горшке, в которой он сравнивался с первым человеком – Адамом: был «взят от земли», как Адам, созданный, по Библии, из «праха земного». Кузнецы и гончары были первыми ремесленниками, которые не занимались сельским хозяйством: продукты земледелия им поставляли землепашцы в обмен на их изделия.

Кожемяки, то есть кожевники, готовили кожу для дальнейшей работы сапожника. Мять кожи приходилось руками, и работа эта была невероятно тяжела. Недаром русский эпос знает кожемяк как наиболее сильных людей. В летописном рассказе о том, как князь Владимир ходил на печенегов, упоминается шестнадцатилетний парень, которого кликнули, чтобы он попытал счастья в поединке с печенегом. Отец его рассказал, как однажды мимо парня бежал бык и он, ухватив быка одной рукой, вырвал кусок шкуры с мясом. Поэтому неудивительно, что летопись добавляет: «И удави он печенежина».

Литцы-ювелиры из цветных металлов или их сплавов изготавливали разнообразнейшие украшения: перстни, браслеты, шейные гривны, серьги. Их нехитрые, но и не лишённые своеобразного изящества изделия пользовались большим спросом. Вырабатываются и различные технические

приемы. Так, шейные гривны и браслеты чаще всего свивали (плели) из бронзовых, реже – серебряных проволочек, которые уже умели вытягивать. (Как правило, серебро сплавляли с медью, получая так называемый билон.) Перстни и браслеты делали из откованных пластин, а их поверхность часто покрывали узором, исполненным чеканкой, прорезкой или процарапыванием. Нередко в перстни вставляли кусочки горного хрусталя, на которых изображали орнамент или диковинных птиц и зверей. Длинные подвески, некоторые виды перстней, пряжки для пояса отливали в формочках. Хорошо был знаком ювелирам и способ получения изделия по восковой модели. Такая продукция отличалась сложностью форм и изысканностью детализировки. Наличие формочек позволяло изготавливать целые серии одинаковых предметов, что в свою очередь свидетельствует о большом спросе.

Камнерезы выделывали из сердолика (красного халцедона), горного хрусталя, стекла изумительные бусы, которые не постеснялись бы надеть многие современные женщины. Шорники изготавливали из кожи обувь, некоторые виды одежды, поясов и упряжи для тягловых животных. О том, что у славян было развито прядение шерсти и ткачество, говорят находки как фрагментов ткани, так и деталей ткацкого станка. Шерсть настигали с овец, затем с помощью прялки и веретена с грузилом (пряслищем) превращали в нить, а потом на ткацком веретенном станке получали ткань.

Уже в XI веке ремесленники окончательно выделились из земледельческой массы, составив отдельное сословие общества.

У славян существовала и денежная система. В качестве денег использовались куны (мордочки куниц), резаны (отрезки шкурок) и ногаты – лапы и уши белок с серебряными гвоздиками (отсюда название «полушка», то есть пол-ушка белки). Кроме того, были в обращении серебряные слитки – гривны, а также монеты любых государств, которые ценились не по номиналу, а по количеству золота или серебра, содержащегося в них.

Торговля

Уже со II века н. э. отмечается резкий подъем хозяйственной и социальной жизни той части славянского мира, которая в дальнейшем станет ядром Киевской Руси, – Среднего Поднепровья. Количество кладов римских монет и серебра, найденных на землях восточных славян, свидетельствует о развитии у них торговли, которая шла главным образом по торговому пути «из варяг в греки». Этот путь, окончательно сложившийся к IX веку, шел из Балтийского моря через Финский залив, Неву или Западную Двину, Ладожское озеро, Волхов с его притоками до Ловати. Далее через систему мелких речонок и иногда волоков (когда суда ставились на деревянные бревна-катки и перекатывались по суше) кораб-

ли достигали бассейна Днепра в районе Смоленска и спу-
скались по нему до Черного моря и далее до Византии. Дру-
гим торговым путем, одним из древнейших на территории
Восточной Европы, был Волжский торговый путь. Точно так
же купеческие суда из Балтики доходили до Ловати, а потом
по притокам и по волокам переправлялись в бассейн Волги,
откуда теми же способами попадали в Дон, из него – в Азов-
ское и Черное моря и затем на Восток.

Предметами экспорта были зерно, мед (заменявший са-
хар), воск (по восковым моделям отливались металлические
изделия – от женских украшений до пушек и колоколов),
меха, лошади, рабы. О славянском экспорте хлеба во II–IV
веках говорит заимствование славянскими племенами рим-
ской хлебной меры – квадрантала, получившего название
«четверик» и существовавшего в русской системе мер до
1924 года. О масштабах производства зерна у славян сви-
детельствуют найденные археологами следы ям-хранилищ,
вмещавших до пяти тонн зерна. Ввозили же главным обра-
зом то, что на Руси считалось роскошью и не производи-
лось, – дорогие вина, масла, фрукты, дорогое оружие и до-
спехи, драгоценные камни, украшения, посуду, ткани, пря-
ности.

Славянские поселения

Поселения славян обычно располагались на высоких бе-

регах, в труднодоступных местах, где естественными укреплениями служили овраги или холмы. Однако, желая еще надежнее защитить свои жилища, жители рыли вокруг поселений глубокие рвы и насыпали валы, по гребню которых возводился деревянный тын из вертикально врытых в землю заостренных бревен, иногда в несколько рядов. В центре поселения располагались хозяйственные и жилые постройки. Такие поселения историки называют городищами.

Существовал и другой способ устройства городищ, когда возводилась единственная общая постройка в виде деревянной галереи, окружающей все поселение целиком. Внешней стороной ее служила внутренняя поверхность оборонительного вала, а внутренняя стена представляла собой сплошной частокол с проемами для прохода. Эта стена отстояла от внешней на несколько метров и была чуть ниже гребня вала, откуда на нее были перекинута бревна – слеги, образующие крышу, которая покрывалась хворостом, берестой и кусками дерна. Внутри галерея была разделена на части стенками. Некоторые из этих помещений служили жильем (при этом каждая семья имела свою «комнату»), другие же использовались в качестве хозяйственных отсеков. Центральная часть таких городищ не была застроена и предназначалась главным образом для содержания скота.

Поселения, не имеющие искусственных укреплений, принято называть селищами. Несколько селищ обычно располагались вблизи какого-либо городища, и в случае нападе-

ния врагов их жители укрывались за стенами городища. (Полезно знать, что суффикс «ищ» в данном случае обозначает не большие размеры, а лишь то, что города или поселения больше нет. Так, например, слово «пожарище» обозначает не большой пожар, а лишь то место, где он был.)

Площадь обыкновенного городища обычно составляла от 50 до 100 метров. Все его население было в близком родстве друг с другом и не превышало 100–150 человек. Городище того времени представляло собой группу небольших прямоугольных построек с низкими стенами из толстых бревен, промазанных глиной, двускатной крышей, покрытой кусками дерна, под которые укладывались ветви деревьев и береста. Такая земляная крыша влагонепроницаема и хорошо сохраняет тепло. Многие из этих построек были установлены на коротких столбиках или разлапистых выкорчеванных пнях, поэтому своим видом напоминали известные сказочные «избушки на курьих ножках». Площадь самой «избушки» была невелика – до 10 квадратных метров. Внутри дома был очаг, глиняный или каменный, даже с трубой для отвода дыма, в качестве которой служило бревно с выжженной сердцевиной, а ближний к очагу конец срезался наискосок для удобства тяги.

В поселении находились кузницы и амбары, отдельный дом, где занимались прядением и ткачеством, загон для скота, а также культовый центр – капище – с расположенными поблизости «домиками мертвых» – своеобразными погре-

бальными сооружениями. Восточные славяне кремировали некоторых своих умерших, а пепел (иногда с некоторым количеством угольков от погребального костра) помещали в сосуды, которые и устанавливались в погребальных домиках, внешне напомилавших жилую постройку (домовину).

После отделения ремесла от земледелия ремесленники стали концентрироваться в племенных центрах – градах – или на городищах-погостах, которые из военных укреплений постепенно превращаются в центры ремесла и торговли – города. (Само слово «город» – славянского происхождения. Оно существует практически во всех славянских языках и означает «укрепленное место».) Одновременно города становятся центрами и резиденциями носителей власти. Возникновение городов всегда считалось одной из важных предпосылок возникновения государства.

Скандинавские источники называли Русь «страной городов», или «гардарики», указывая на то, что уже в VIII–IX веках на Руси были сотни городов. И хотя это свидетельство спорно, нельзя не признать, что в то время городов в славянских землях было множество. В русских летописях можно найти названия 23 городов. Белоозеро, Галич, Новгород, Киев, Муром, Псков, Полоцк, Ростов Великий, Смоленск, Чернигов – только немногие из древних русских городов, которые упомянуты впервые в то время. А ведь это не все города, которые уже существовали в тот период. Так, например, известно, что первые сведения о Суздале встречаются зна-

чительно позже, чем он возник. Значит, многие города не упомянуты в летописи по тем или иным причинам, и скандинавские источники были отчасти правы.

Города, как правило, развивались из крупных городищ. Центральная часть города, окруженная валом и крепостной стеной, называлась кремль, кром или детинец. С той стороны, где не было естественной водной преграды, копался ров, который, как правило, был сухим и лишь иногда наполнялся водой: это было очень сложно технически. Вокруг кремля селились («садились») ремесленники, и эта часть города называлась посадом. Значительная часть жителей занималась торговлей, поэтому третьей неотъемлемой частью города обязательно становился торг – рыночная площадь, как правило, располагавшаяся вблизи пристани на берегу реки. Кроме того, город снабжали продовольствием жители округи – окрестных деревень, приезжавшие на торг со своими сельскохозяйственными продуктами и пригонявшие на продажу скот. Они в свою очередь покупали в городе ремесленные изделия: посуду, сельскохозяйственный инвентарь, конскую упряжь, а в случае опасности спасались за стенами города.

Какова была территория этой округи? Скорее всего, невелика. Все населенные пункты (села и деревни), откуда в город поступали продукты, находились в пределах 10–30 километров от города (несколько часов езды на телеге). На заре земледелец отправлялся в путь (чтобы поспеть к откры-

тию торгова), который занимал у него 2–4 часа езды, и к вечеру возвращался.

Основным товаром городской торговли в основном могли быть предметы роскоши или та утварь, которую выделявали ремесленники. Внутренняя торговля была развита слабо: из одного города в другой возили на продажу лишь то, чего не могло быть в этом месте. (Например, рожь и пшеница выращивались везде, и в связи с этим на городских рынках хлебом не торговали.) Поэтому в то время большое значение имела внешняя торговля.

Города обычно возникали на реках – важнейших водных торговых путях. Река в Древней Руси была наиболее надежным торговым путем и средством сообщения, не говоря уже о том, что она служила главным источником питьевой воды.

Любой древний город в нашем сознании обычно отождествляется с городской стеной. Каким же образом создавались те величественные городские стены, которые мы привыкли видеть на картинах и иллюстрациях? На высокий земляной вал (нередко в него еще забивали сваи) с плоской вершиной вплотную друг к другу ставили клетки, то есть срубы, высотой иногда в несколько метров. Клетки держались на валу без фундамента благодаря своей тяжести, так как для устойчивости их заполняли землей или камнями. Поверх клеток делался настил и с внешней стороны ставился частокол-заборол, а с внутренней устраивались боевые площадки. Один такой сруб с настилом и частоколом назывался

городня, или городница. Бывали случаи, когда городницы, составлявшие звенья стены, будучи незакрепленными, вываливались из нее вместе с оборонявшими их людьми. Так, в XII веке во время осады половцами городка Римова в Киевской земле «полетели две городницы с людьми, и на сражающихся и прочих горожан нашел страх».

Стандартная стена хорошего города, очевидно, была не очень большой высоты – от 2 до 3 метров, иначе было бы совершенно непонятно для нас сообщение летописи о смердах, «перескакивавших через заборолу» во время осады одного галицкого города. Зимой внешняя сторона вала нередко заливалась водой, и городская стена становилась для противника почти недоступна, потому что вскарабкаться по ледяной горе без огромных потерь было просто невозможно. Горел такой кремль плохо, и поджечь его было трудно. Стены укреплялись башнями – вежами. На пересечении стены с дорогами в башнях были проездные ворота, запиравшиеся на ночь и открывавшиеся с восходом солнца.

Стены эти чинили довольно редко, поскольку отремонтировать их было невероятно сложно и проще было сделать заново. Поэтому если стена сильно страдала от пожара или набегов, то плотники-горододельцы валили лес выше по течению реки, сплавливали его плотами до места постройки и возводили стены заново. Но и без серьезных пожаров и повреждений стены за много десятков лет ветшали от дождей, морозов, снега, все больше, как пишут летописи, «нагибались»,

и наступал момент, когда вся стена возобновлялась. Каменные стены и постройки в то время были невероятно дороги и поэтому очень редки.

До наших дней, к сожалению, подобные стены не сохранились, но валы, на которых они когда-то стояли, можно видеть в Суздале, Владимире, Переславле-Залесском, Дмитрове, Юрьеве-Польском, Рязани. Пройдя по ним, мы сможем представить себе боевую мощь древнерусских городов.

Социальный строй. Основой социального строя славян была соседская община, поскольку с тяжелыми и трудоемкими работами, которые нужно было выполнять в ограниченные и строго определенные сроки, мог справиться только коллектив.

Постепенно, в процессе усовершенствования сельскохозяйственных орудий, обработка земли стала по силам одной семье. Возросшая хозяйственная самостоятельность отдельных семей разъединяла прочные родовые коллективы. Способствовало разрушению родовой общины и освоение новых земель (колонизация), а также включение в состав общины рабов.

Каждая община владела определенной территорией, на которой жили несколько семей. Все владения общины делились на общественные – леса, пашни, луга, промысловые угодья, водоемы – и личные: дом, приусадебная земля, скот, сельскохозяйственный инвентарь. Пахотная земля и покосы могли периодически распределяться между общинниками.

Язычество восточных славян

Восточные славяне, как и предки многих других народов, были язычниками. Термин «язычество» происходит от церковнославянского слова «язык», означающего, в частности, «народ», а само слово «язычество» переводится как «народная вера». Им обозначаются религиозные учения и мировоззрения, имеющие ряд определенных признаков, главными из которых являются политеизм (многобожие), идолослужение и магизм.

Политеизм выражался в вере в многочисленных богов и духов, от которых зависела жизнь человека. Считая, что вся природа является одушевленной, язычники обожествляли различные ее силы и верили в существование добрых и злых духов, населяющих все окружающее пространство: в лесах жили лешие, в воде – водяные и русалки, в домах и дворах – домовые и дворовые, в банях и овинах – банники и овинники. В этом же ряду находились упыри – мертвецы, нападающие на людей и животных. Упырями становились так называемые заложные покойники – люди, умершие неестественной смертью, самоубийцы, бывшие колдуны, дети, рожденные от нечистой силы или ею испорченные, и т. д. С ними связаны многочисленные легенды о мертвецах, встающих из могил, убивающих людей и сосущих их кровь. Сложилась целая система взаимодействия с этими духами, их задабри-

вания. Например, баннику было принято оставлять в бане дары в виде зерен или каши, а домового обязательно при переезде в новый дом переносили в горшке с углями.

В славянской среде был развит и фетишизм – вера в священные, особые свойства неживых предметов (камней, деревьев) и их способность влиять на судьбу человека: помогать или вредить ему. Поэтому неудивительно, что у славян местами поклонения нередко служили священные рощи, дубравы, источники. Священным считался домашний очаг или печь как символ семьи. Огню молились обычно под овином, в котором сушилось зерно. В русских сказках следы фетишизма можно найти в описании различных предметов, обладающих чудесными свойствами: живой и мертвой воды, молодильных яблок, конской головы и др.

Славяне, постоянно жившие в лесах, ощущали чувство родства человека со всеми живыми существами, обитающими по соседству с ними. Отсюда возникло и такое своеобразное явление, как тотемизм – культ животного, считавшегося предком и покровителем племени или отдельного человека. Фигурке этого животного – тотему – поклонялись и приносили жертвы. Среди животных, которых обожествляли славяне, выше всех почитался медведь. Религиозный страх перед ним был настолько велик, что даже имя его старались не произносить, и постепенно оно забылось. Осталось лишь словосочетание – заменитель имени – «мед ведает». Известны даже отдельные погребения этого зверя, причем

могильник, сооруженный для него, несколько напоминает человеческий. О культе медведя говорят и находки ритуальных кинжалов из его костей. Так, в городе Ростове-Ярославском обнаружен фрагмент каменного топора, обух которого выполнен в виде головы этого зверя. До настоящего времени следы этого тотемизма отчетливо видны в русских сказках, где животные выступают в качестве действующих лиц, имеют черты характера; среди них, помимо медведя, утка, сорока-ворона, сокол, пчелы, заяц, мышь, щука, лиса и др.

Впоследствии сложился довольно развитый пантеон славянских богов, включавший как местных, так и общеславянских богов. Источники донесли до нашего времени имена некоторых из них. Так, в Повести временных лет сообщается, что в 945 году в Киеве на холме стоял идол бога Перуна, перед которым князь Игорь приносил клятву. После заключения договоров дружина киевского князя «кляшася оружием своим и Перуном богом своим и Волосом скотем богом и утвердиша мир». Под 980 годом та же летопись сообщает о языческой реформе князя Владимира, который «постави кумиры на холму вне двора теремного – Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь». Перун – бог грозы и войны – считался самым главным богом славян. Именем Перуна клялись послы, скреплялись дипломатические договоры. За ним шли: божество вселенной Род, божество солнца Дажьбог (у некоторых славянских племен он назывался Ярило,

Хорс), бог скота и богатства Велес, бог огня Сварог, богиня земли и плодородия Мокошь. Функции этих богов могли меняться, а иногда они даже могли совмещать в себе две противоположности, например один и тот же бог мог быть божеством огня и воды.

Идолослужение (от *греч.* «эйдолон» – видение, призрак, видимость, идеал, кумир) в широком смысле – это поклонение (в прямом или переносном смысле) каким-либо кумирам, идеалам, целям и идеям, унижающим человека, делающим его бездуховным. В язычестве же это культ различных идолов – изваяний богов, которым приписывались все свойства божества. Славяне-язычники воспринимали идол как само божество, поэтому ему приносились различные жертвы, иногда и человеческие. Идолы славянских божеств изготавливались из дерева или камня и ставились на возвышенных местах, которые являлись своеобразными храмами под открытым небом и назывались капищами (от древнеславянского слова «кап» – идол). У каждого племени существовали и общие святилища, куда сходились все члены племени на торжественные праздники и для решения важных дел. Идол Перуна всегда делался из дуба (поэтому иногда изваяния Перуна ставились в дубравах) и представлял собой изображение старца с бородой и усами. Перед идолом обычно ставился жертвенник, на который возлагались жертвы. В настоящее время известно несколько десятков идолов, из которых самым любопытным является Збручский камен-

ный идол, обнаруженный в реке Збруч. На четырех гранях идола высечена славянская космогоническая картина мира, над истолкованием которой исследователи трудятся в течение долгого времени (Б. А. Рыбаков посвятил этому идолу отдельную главу в своем труде о язычестве Древней Руси). Арабский писатель начала X века Ибн-Фадлан оставил интересное описание поклонения русов идолам. Речь идет о русах-купцах, располагавшихся со своими товарами на берегу реки Итиля, то есть Волги.

«Во время прибытия их судов к якорному месту, – говорит Ибн-Фадлан, – каждый из них выходит, имея с собой хлеб, мясо, молоко, лук и горячий напиток, подходит к высокому вставленному столбу, имеющему лицо, похожее на человеческое, а кругом его малые изображения, позади этих изображений вставлены в землю высокие столбы. Он же подходит к большому изображению, простирается пред ним и говорит: „О господине! я пришел издалека, со мной девушек столько-то и столько-то голов соболей – столько-то и столько-то шкур“, – пока не упоминает все, что он привез с собой из своего товара. Затем говорит: „Этот подарок принес я тебе“, – и оставляет принесенное им перед столбом, говоря: „Желаю, чтобы ты доставил купца с динарами и диргемами, который купил бы у меня все, что желаю [продать] и не прекословил бы мне во всем, что я ему ни скажу [не торговался бы со мною]“, после чего он удаляется. Если продажа бывает затруднительна и время ее продолжается долго, то он

возвращается с другим подарком во второй, в третий раз... и просит его о ходатайстве... Часто же продажа бывает ему легка, и когда он продает, говорит: „Господин мой исполнил мое желание, должно вознаградить его за то“. И берет он известное число рогатого скота и овец, убивает их, часть мяса раздает бедным, остальное же приносит и бросает пред большим столбом и малыми... и вешает головы рогатого скота и овец на столбы, вставленные в земле, а когда настает ночь, то приходят собаки и съедают это, тогда тот, который это сделал, говорит: „Мой господин соблаговолил ко мне и съел мой подарок“».

До нас не дошло отчетливых сведений о системе «богослужения» славян: какие заклинания и как использовались во время поклонения идолам; существовало ли у восточных славян «профессиональное» жречество (есть известия о колдунах и волхвах, но кто они были, каковы были их функции и социальное положение – неизвестно). К настоящему времени открыты остатки некоторых славянских капищ. Наиболее известные из них были обнаружены в Киеве и под Новгородом, в Перыни.

Славяне приносили в жертву не только животных или плоды земли, но и людей, и не только пленных, но и соотечественников, близких, детей. Известен рассказ летописи, когда князь Владимир после удачного военного похода решил принести в жертву человека, который был христианином и сыном христианина, однако его отец отказался отдать сына в

жертву языческим богам, и оба они были убиты разъяренной толпой. Люди, обреченные на смерть на жертвеннике, избирались по жребию.

Магизм (от *греч.* «магейя» – колдовство, чародейство) – это вера в возможность овладения человеком сверхъестественными и естественными (природными) силами с помощью заклинаний, ритуалов и т. д. Магия являлась попыткой язычника господствовать над миром через познание закономерностей таинственных сил мира и воздействие на них. Магическое миропонимание рассматривает мир как совокупность явлений, подчиненных извечно существующим законам. Язычники верили в то, что все происходящее на земле соответствует неизменному строю мирового порядка. Неизменно совершают свой путь солнце, луна и звезды, опадает листва, приходит сезон дождей. И человек как часть этого порядка обязан постоянно поддерживать его через магию.

Однако язычнику было мало просто поддерживать этот порядок, мало верить в таинственную силу божеств, он хотел овладеть этой силой, подчинить ее себе и стать властителем миропорядка. Язычника божества и духи интересовали только с утилитарной точки зрения, он стремился извлечь из них максимум пользы. Он нуждался не в них, а в их дарах. И путем магии он искал возможность приказывать им, быть их господином и повелителем, с их помощью достигать могущества на охоте, в земледелии, в борьбе с врагами.

Магизм привносил в религию слепую веру во всемогущие ри-

туалов и заклятий. Отсюда такие странные явления, как избиение или уничтожение идола, если он не выполнил требований просящего. Язычник был убежден, что высшую силу можно заставить подчиниться. Нужно лишь найти ключ, слово, действие – и все будет в руках человека. И если этот «ключ» найден, божество не сможет не сделать того, что требует от него человек. Как замок не может не открыться, если ключ подходит к нему, так и бог не может не дать просящему то, что необходимо, если заклинание было произнесено правильно. Язычники верили, что не только человек не может существовать без божества, но и божество без него, без его даров и жертв. Поэтому считалось, что если не будут совершаться ритуалы, то может не взойти солнце, не прийти весна. Крепло убеждение, что церемонии – это нечто необходимое для демонов и богов. Именно для того, чтобы заманить их, заставить прийти на помощь, умиловить, и прибегали к самым крайним мерам – приносили в жертву людей.

Следует сказать и об особом менталитете язычников. Важнейшей, принципиальной чертой язычества было безличностное понимание Бога. Именно это понимание Бога во многом формировало языческое мировоззрение целиком и определяло отношение человека к окружающему миру и к самому себе. Отсюда внеличностность богов славянского пантеона – почти не существует ни конкретных внешних описаний божеств, ни их внутренних качеств.

В отличие от Иисуса Христа, личности (кто), языческий

Перун был идолом (что), и в этом можно видеть важнейшее различие – Иисус Христос стал не только личностным Богом (и тем самым предельно приближенным к земному человеку пониманием Божества), но и носителем всех высших духовных качеств, возвышающих в идеале человека до Бога. Очевидно, и взаимоотношения между славянами-язычниками были иные, поскольку не существовало представления о «личности», а мы сегодня общаемся именно «личностным» образом и никаких других форм общения не знаем.

Из отсутствия личностного восприятия Бога естественным образом вытекал «посюсторонний» характер язычества, его исключительная обращенность к этому миру. Поэтому в язычестве очень плохо разработано учение о загробном мире и посмертной участи человека. Можно обратить внимание и на то, что в художественном творчестве славян было доведено до совершенства искусство орнамента, в который великолепно вкраплялись образы птиц и зверей, но почти никогда человека. Так, на знаменитой металлической обкладке двух больших турьих рогов IX века из Черной могилы (Чернигов) есть человеческие фигурки, но они очень схематизированы и полностью лишены личностных качеств. И это очень редкий пример создания образа человека в славянском языческом искусстве.

Еще одной важнейшей особенностью языческого сознания, принципиально отличающей это сознание от христианского, стало циклическое понимание времени и истории.

Сама идея времени представлялась язычнику в виде движения «назад», а не априори «вперед», как нам представляется сегодня. То есть прошлое было впереди. А будущее позади. Сегодня такая система менталитета невоспроизводима по определению.

Закономерным итогом становилась неизбежная эволюция любой языческой системы к скептицизму, упадку духа и распаду вследствие невозможности двигаться вперед, отсутствия идеи духовного и исторического прогресса, что полностью исключалось самой идеей вечного круговращения. С этой позиции мировой исторический процесс, вечно возвращающийся к золотому веку рано или поздно приводил к осознанию ужаса бесконечного круговращения, безысходности вечного повторения одного и того же, исключающей возможность создать что-либо новое в мире. То есть возможность прогресса, понятие о котором лежит в основе современной цивилизации и в основе личности каждого человека.

Важное место в религии древних славян занимал и культ предков. Нередко предок считался покровителем и защитником семьи. Богом предков был Чур, поэтому до сих пор еще сохранилось восклицание «Чур меня!», в свое время служившее обращением к Чуру с просьбой о защите. Одним из распространенных способов захоронения был обычай сожжения покойников и возведения земляных насыпей – курганов. Вера в загробное существование проявлялась в том, что в погребальный костер вместе с умершим клали его ве-

щи, оружие, пищу. При погребении же князя вместе с ним сжигали коня и одну из его жен или рабыню, которая нередко добровольно ложилась на погребальный костер, веря, что встретится со своим господином в ином мире. В честь умершего устраивали пир – тризну, нередко справлявшуюся прямо на вершине погребального кургана, и военные состязания.

У славян существовал годовой цикл земледельческих праздников в честь солнца и смены времен года. Языческие обряды должны были обеспечить высокий урожай, здоровье людей и скота. Особыми обрядами сопровождались важнейшие события в жизни человека: рождение, свадьба, смерть.

Киевская Русь в IX–XI веках

Образование Древнерусского государства. Норманская теория

Образование государства у восточных славян явилось закономерным итогом длительного процесса разложения родо-племенного строя и перехода к обществу, состоящему из отдельных социальных групп, обладающих определенными правами и обязанностями.

Зародышевую форму государственности представляли собой восточнославянские союзы племен, которые объединялись в довольно непрочные гигантские объединения. Одним из таких объединений был, по-видимому, союз племен во главе с князем Кием (VI век), основателем города Киева. Есть сведения и о некоем русском князе Бравлине, который воевал в Крыму в VIII–IX веках, пройдя от Сурожа до Корчева (от Судака до Керчи). По сведениям древних восточных авторов, накануне образования Древнерусского государства существовали три крупных объединения славянских племен: Куяба (область вокруг Киева), Славия (территория в районе озера Ильмень, центром которой был Новгород) и Артания (местоположение точно не установлено).

На севере Европы в VIII–XI веках началась эпоха викин-

гов (или норманнов), которых на Руси называли варягами. На своих легких и быстроходных судах, под парусами и на веслах, викинги ходили по рекам и морям всего Средиземноморья. Где выдавалась возможность, они грабили, нередко заселяли захваченные земли, жили в их городах и занимались торговлей. На западе они добирались до Испании и Италии, на востоке – до Константинополя и Багдада. Правители Запада и Востока откупались от викингов, и тысячи монет, чеканенных при дворах королей и халифов, поступали на север Европы, в Скандинавию. Больше всего монет – серебряных арабских дирхемов – попадало в Скандинавию и славянские земли через Восточную Европу, о чем свидетельствует огромное количество монетных кладов. Их находят вдоль речных путей, по которым варяги шли на своих судах на восток. Чтобы сохранить приобретенные богатства, варягам нужны были мирные отношения со славянами и кочевниками. Кочевники нападали на варягов тогда, когда те вытаскивали свои ладьи на берега рек, чтобы миновать пороги. Варяги брали дань мехами со славянских племен, поселившихся на севере Восточной Европы, – новгородских славен и кривичей. Платили варягам дань и финские племена – чудь (предки эстонцев) и меря, населявшая Верхнее Поволжье.

Как сообщает Повесть временных лет, в 859 году между скандинавами и славянскими племенами, платившими варягам дань, произошло столкновение, в результате которого славяне изгнали норманнов за море. Вскоре после этих собы-

тий в Новгороде началась междоусобная борьба, и тогда для установления порядка и безопасности славяне решили призвать на княжение варяжских князей (такое решение было принято по совету новгородского старейшины Гостомысла). Известно, что варяги обладали прочной государственной системой и способствовали ее складыванию в нескольких странах. В 862 году славянские послы отправились в Скандинавию и сказали: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет; приходите княжить и владеть нами». Три брата-варяга приняли это предложение и явились на Русь со своими дружинами. Старший из них, Рюрик, поселился в Новгороде, второй, Синеус, – на Белоозере и третий, Трувор, – в Изборске. Спустя два года братья Рюрика умерли, и он один начал править Новгородской областью, а важнейшие города роздал в управление своим воеводам. Среди воевод были два воина по имени Аскольд и Дир. Со своими дружинами они двинулись по Днепру на Царьград, заняв по пути Киев и освободив полян от дани, которую они платили Хазарскому каганату. В Киеве два витязя снарядили 200 лодок и, отправившись далее, совершили набег на Византию в 865 году. Однако буря рассеяла их флот, и, не достигнув успеха, они вернулись в Киев, где и остались княжить. Таким образом, скандинавский полуполюгендарный правитель Рюрик положил начало русской княжеской, а затем и царской династии Рюриковичей, правившей на Руси до конца XVI столетия.

Так выглядит картина появления на Руси правящей дина-

стии в изображении летописца, получившая в науке название «легенда о призвании варягов». Однако уже упоминавшийся известный ученый А. А. Шахматов доказывал в своих работах, что «легенда» – искусственная поздняя вставка, полная домыслов. Поэтому некоторые исследователи даже отказывались видеть в ней отражение каких бы то ни было реальных фактов. Однако большинство ученых считали и считают «призвание варягов» достоверным фактом, а самого Рюрика соотносят с мелким датским конунгом (князем) Рериком Ютландским. Историки Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин пришли к заключению, что «варяжская легенда» могла дойти до составителя Повести временных лет в устной традиции и означала заключение между славянскими племенами и варягами «ряда», то есть договора. «Ряд» предусматривал передачу скандинавам верховной власти на территории этих племен; «владение» приглашенных ограничивалось условием «судить по праву», то есть руководствоваться местными правовыми нормами. «Ряд» также должен был включать условия содержания и обеспечения варягов, князя и его дружины.

«Официальной» датой образования Древнерусского государства считается 882 год, когда князь Олег (некоторые летописцы называют его воеводой Рюрика), захвативший после смерти Рюрика власть в Новгороде (879), так как сын Рюрика Игорь был еще слишком мал, предпринял поход на Киев и хитростью овладел им. Подойдя к городу и оставив

позади главную рать, он скрытно с небольшой дружиной в лодках приблизился к берегу и послал позвать Аскольда и Дира на встречу с «варяжскими купцами», которые отправляются в Грецию. Когда те явились, то были тотчас окружены дружинниками Олега. «Вы не князья и не княжеского рода, – сказал им Олег, – но я князь. – И, указав на маленького Игоря, прибавил: – А вот сын Рюрика». Затем Аскольд и Дир были убиты. (В древнем Киеве существовали два урочища: Аскольдова и Дирова могилы. Аскольдова могила сохранилась до наших времен. Находились эти могилы на значительном расстоянии друг от друга, что свидетельствует о том, что Аскольд и Дир едва ли были убиты одновременно.) После этого Олег впервые объединил северные и южные земли в составе единого государства и утвердил Киев столицей всей Русской земли, назвав его «матерью русских городов». Отсюда он предпринял походы на славянские племена, жившие к востоку и западу от Днепра, и наложил на них дань. Новое государство стало позднее называться Киевской Русью.

Летописное сообщение о призвании варяжских князей послужило основанием для создания так называемой норманской теории («варяго-русского вопроса», «варяжского вопроса», «норманской проблемы») возникновения Древнерусского государства. Авторами теории были приглашенные в XVIII веке в Россию немецкие ученые Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлецер. Они подчеркивали полное отсутствие предпосылок для образования государства у во-

сточных славян и считали, что те обязаны происхождением своего государства иноземцам-скандинавам. Историк М. А. Алпатов выдвигал достаточно остроумную и любопытную версию возникновения норманской теории: «Тени двух соотечественников – Рюрика и Карла XII – витали над теми, на чьих глазах рождался этот вопрос. Полтавская виктория сокрушила амбиции шведских завоевателей времен Карла XII, норманская теория, возводившая русскую государственность к Рюрику, наносила удар по национальным амбициям русских с исторического фланга. Это был идейный реванш за Полтаву. Покрытый пылью веков древний сказ о варягах обрел новую жизнь, стал острейшим современным сюжетом. Варяжский вопрос, следовательно, родился не в Киеве в летописные времена, а в Петербурге в XVIII веке. Он возник как антирусское направление, и возник не в сфере науки, а в области политики. Человеком, который произвел первый „выстрел“ в этой баталии, был Байер».

Из заключения немецких ученых делались политические выводы о неспособности русского народа к самостоятельному историческому развитию и образованию государственности. В течение двух веков шли горячие споры между «норманистами» и «антинорманистами», и участники споров нередко выходили из рамок науки, используя «варяжский вопрос» для оправдания политических амбиций и ложно понимаемого патриотизма. Среди «норманистов» были известные исследователи Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М.

Соловьев. С критикой норманской теории, в свою очередь, выступали такие видные русские историки, как М. В. Ломоносов, Д. И. Иловайский, В. Г. Васильевский. Большинство современных авторов в наши дни выступают с оправданной критикой норманизма, поскольку научная несостоятельность норманской теории очевидна, и вот почему.

Определяющим в процессе образования государства является наличие внутренних предпосылок (образование социальных групп, наличие городов и т. д.), а не действия отдельных, пусть и выдающихся, личностей. Ни одному, даже самому великому, человеку не под силу создать государство: его возникновение зависит от сочетания огромного количества факторов экономического и социального порядка. Точно так же одному человеку невозможно разрушить государство, если оно имеет твердые устои.

Таким образом, летописный рассказ о призвании варягов свидетельствует лишь о норманском происхождении княжеской династии. И это, скорее всего, именно так. Имена первых русских князей имеют свои соответствия в скандинавских языках: Рюрик (Hryrikr), Игорь (Ingvar), Ольга и Олег (Helga, Heleg). Существуют заимствования обычных слов – «столб», «торг». Анализ археологических материалов дает убедительные свидетельства того, что к IX веку установились первые связи некоторых восточноевропейских племен со скандинавами и контакты эти росли и ширились. На участках Волжского и Днепровского торговых путей, где

встречаются лишь отдельные скандинавские погребения, относящиеся к IX веку, в X веке, по данным археологии, варяги составляли в отдельных местностях уже не менее 13 % населения. Славяно-варяжские отношения в IX-X веках охватывали самые разные стороны социальной жизни: это и торговля с Востоком и Западом, и совместные военные походы, и развитие ремесла, и внутренняя торговля.

Выше было сказано о политической стороне образования Древнерусского государства. Однако приглашение норманнов и объединение Олегом Новгорода и Киева с окружающими их землями в единое целое лишь внешне оформило уже сложившиеся в славянском обществе государственные отношения. Эти отношения у славян начинают складываться задолго до официальной даты образования Древнерусского государства. Ядром будущего Древнерусского государства становились союзы племен. В начале существования таких союзов формой организации управления была военная демократия, то есть союз племен управлялся, как предполагают историки, народным собранием и советом старейшин. С течением времени военный предводитель племени концентрирует в своих руках все больше власти, подчиняя себе остальных и превращаясь в правителя – князя. Приближенные князя становились его советниками и наместниками, а дружина – военной силой, которая поддерживала внутренний порядок и вела борьбу с внешним врагом.

Возвышение власти князя означало, что в VII–IX веках в

племенных союзах наступает социальное расслоение общества, что является одним из важнейших признаков государственности, в результате чего общество разделяется на знать (князь, бояре, дружина), владевшую землей, свободное население (общинники) и зависимое население (челядь, холопы и т. д.). У князей и их дружинников не было собственных земель – они жили за счет дани, собираемой со всех подвластных территорий. В качестве единицы обложения было определено крестьянское земледельческое хозяйство (дань от рала, плуга). Сам термин «крестьяне» появился в источниках лишь в XIV веке. В некоторых случаях дань брали от дыма, то есть с каждого дома, имеющего очаг. Процесс сбора дани на Руси носил название полюдье – хождение по людям – и совершался в период с осени по весну. Население платило князю и дружине дань по договору; в свою очередь, князь должен был выступать судьей для своих подданных (разбирать тяжбы и конфликты), защищать их от внешней опасности и даже оплачивать их услуги. Так, дружина русского князя покупала однодеревки, которые поставляли подвластные ему славяне для похода на Византию.

Административное устройство Древнерусского государства

Древнерусское государство принято считать раннефеодальной монархией. Во главе государства стоял киевский ве-

ликий князь. Отдельными землями страны ведали родственники великого князя – удельные князья – или его посадники. В управлении страной великому князю помогал особый совет – Боярская дума, в которую входили младшие князья и представители племенной знати – бояре и дружинники.

Княжеская дружина занимала важное место в руководстве страной. Старшая дружина фактически совпадала по своему составу с Боярской думой. Из старших дружинников обычно назначались княжеские наместники в наиболее крупные города. Младшие дружинники (отроки, гриди, детские) выполняли в мирное время обязанности управителей и слуг, а в военное были воинами. Они обычно пользовались частью княжеских доходов, например судебных пошлин. С развитием феодальных отношений они становились собственниками земли, владельцами вотчин. Местные князья имели собственные дружины и Боярские думы. Дружины могли иметь бояре и даже княгини.

Войско Древнерусского государства состояло из отрядов профессиональных воинов-дружинников, к которым в особо важных случаях присоединялись обычные люди. Большую роль в войске играла конница, пригодная для борьбы с южными кочевниками и дальних походов. Киевские князья также располагали ладейным флотом и совершали дальние военные и торговые экспедиции.

Кроме князя и дружины, значительную роль в жизни Древнерусского государства играло вече. В некоторых горо-

дах, например в Новгороде, оно действовало постоянно, в других – собиралось лишь в чрезвычайных случаях. До сих пор идут споры о составе веча, количестве людей, входивших в него, характере вопросов, решавшихся на нем.

Русская Правда. Складывание системы законодательства – важнейший признак образования государства у любых народов. Создание законодательства свидетельствует о сложившейся системе различных социальных категорий населения и о необходимости определить их взаимные права и обязанности. Первые сведения о существовавшей на Руси системе права содержатся в договорах киевских князей с греками, где сообщается о «Законе русском» (текст его не сохранился).

Первый древнерусский юридический памятник, дошедший до нас, – Русская Правда (само слово «правда» в Древней Руси имело значение «суд», «закон»). Самая старая часть этого законодательного кодекса носит название «Древнейшая Правда», или «Правда Ярослава». Кроме этого, в состав Русской Правды входят юридические установления сыновей Ярослава Мудрого – «Правда Ярославичей» (принята около 1072 года), «Устав Владимира Мономаха» (принят в 1113 году) и другие юридические памятники.

Русская Правда – это уникальный документ, повествующий о различных сторонах политической и общественной жизни Древней Руси. Десятки статей этого документа трактуют вопросы о кражах и грабежах; кровной мести, которая

уже заменяется денежным штрафом (вирой) в пользу семьи убитого; укрывательстве беглых рабов; оскорблениях, нанесении увечий; определяют наказания за удары палками, чашами, питьевыми рогами, укрывательство беглого холопа, порчу оружия и одежды.

За уголовные преступления в ней предусматривается штраф в пользу князя и вознаграждение в пользу потерпевшего. За наиболее тяжелые уголовные преступления предусматривалась конфискация всего имущества и изгнание из общины или лишение свободы. Такими тяжкими преступлениями считались разбой, поджог, конокрадство.

Через некоторое время, после смерти Ярослава, «Древнейшая Правда» была дополнена его детьми и появилась вторая часть – «Правда Ярославичей», в которой уже шла разработка отдельных положений, сформулированных ранее. Так, если в «Древнейшей Правде» говорится об убийстве вообще, то в «Правде Ярославичей» за убийство княжеского дружинника, тиуна или конюха назначается штраф – восемьдесят гривен. Есть здесь и новые статьи: за разорение или кражу ульев, за убийство смерда или оскорбление действием, за распашку чужой межи, за кражу лодок, домашней птицы. За кражу ястреба или сокола был назначен большой штраф – три гривны, поскольку они ценились гораздо выше, чем домашняя птица. Разбойник, который взят с поличным ночью, может быть убит тут же на месте. Но если он не был убит до наступления утра, то без княжеского суда его убить уже было

нельзя, а если это все-таки происходило, то убийца обязан был платить за его жизнь князю.

Население

Основными категориями зависимого населения являлись смерды, закупы, изгои, челядь и холопы. Смерд был лично свободен, вместе с семьей вел свое хозяйство, получая от князя землю с условием работать на последнего. В случае смерти смерда, не имеющего сыновей, земля возвращалась к князю. За долги смерду грозило превращение в закупа. Закупом назывался человек, взявший долг (купу) и обязанный его отработать. До отработки долга закуп ограничивался в своих правах, прежде всего в праве ухода от «господина». Изгоем называли человека, выпавшего или исключенного из социума и лишенного своего прежнего социального статуса. Челядью именовали рабов-пленников. Они были полностью бесправны. Люди, ставшие рабами по другим причинам, назывались холопами. Перейти в состояние холопа можно было, продавшись в рабство по собственной воле или женившись на рабе «без ряду» (специальной процедуры). В холопа автоматически превращался сбежавший или провинившийся закуп. Холопы обычно использовались в качестве домашних слуг. В некоторых вотчинах были и так называемые пашенные холопы, посаженные на землю и обладавшие собственным хозяйством.

Основной общественной ячейкой земледельческого населения продолжала оставаться соседская община – вервь. Она могла состоять из одного большого села или из нескольких небольших поселений. Члены верви были связаны коллективной ответственностью (круговой порукой) за уплату дани, за преступления, совершенные на территории верви. В состав общины входили не только смерды-земледельцы, но и смерды-ремесленники (кузнецы, гончары, кожевенники), которые обеспечивали общину ремесленными изделиями и работали в основном на заказ.

Процесс образования в Древней Руси государственных отношений совпал с переходом в экономической сфере от первобытно-общинных отношений к феодализму. Слово «феод» происходит от позднелатинского «феодум» – наследственное земельное владение, пожалованное сеньором вассалу с условием несения службы (военной, судебной, административной или какой-либо другой) или же уплаты определенных денежных сумм. (Иногда в энциклопедиях приводится синоним феода «лен», а «феодальный» означает «ленный».) Отсюда и значение слова «феодал» – «владелец феода». Таким образом, феодализм – это система организации общества, при которой вся земля принадлежит небольшой группе знати (феодалам), а зависимые от феодала крестьяне обрабатывают эту землю своими орудиями и отдают за право обработки земли часть урожая или его стоимость (деньгами или продуктами). Феодализм – это период,

когда не промышленность, а натуральное хозяйство определяет экономическую структуру общества.

Основной ячейкой феодального хозяйства была вотчина (наследственный участок земли, переходивший по отцовской линии, «в отчину»). Она состояла из княжеской или боярской усадьбы и зависимых от нее общин (вервей). В усадьбе находились хоромы владельца, закрома и амбары с «обилием» (запасами), жилища слуг и другие постройки. Тиуны и ключники отвечали за различные отрасли хозяйства, всеми делами вотчины ведал огнищанин. Вотчинное хозяйство имело в целом натуральный характер и было ориентировано на потребности землевладельца и его слуг. Форма эксплуатации зависимых людей в вотчине неизвестна. Возможно, что какая-то их часть отработывала барщину, а другая платила натуральный оброк. Городское население также попадало в зависимость от феодалов, которые нередко специально созывали ремесленников в города, создавая им благоприятные условия: предоставляя различные льготы, освобождая на время от налогов и т. д. Такие ремесленные поселения стали называться свободами, или слободами.

Хозяйство

Основу хозяйства Древнерусского государства в IX–XI веках составляло пашенное земледелие. На юге пахали в основном плугом, или ралом, с двойной упряжкой волов, на

севере – сохой с железным лемехом, запряженной лошаадьми. Выращивали зерновые культуры: рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, а также горох, чечевицу и репу. Подсечное земледелие осталось ведущей формой сельского хозяйства.

У жителей Киевской Руси сохранялся устойчивый набор домашних животных. Разводили коров, лошадей, овец, свиней, коз, домашнюю птицу. Довольно значительную роль в хозяйстве по-прежнему играли промыслы: охота, рыболовство, бортничество. С развитием внешней торговли все более увеличивался спрос на пушнину.

Промыслы и ремесло, развиваясь, все более отделяются от сельского хозяйства. Даже в условиях натурального хозяйства совершенствуются приемы обработки льна, конопли, дерева, железа. Собственно ремесленное производство насчитывало уже не один десяток видов. Б. А. Рыбаков считает, что в Древней Руси знали до 60 видов ремесел. В древнерусских городах археологи обнаружили сотни мастерских, которые принадлежали металлургам и кузнецам различных специальностей, производившим ножи, замки и ключи, оружие и т. п.; известны ювелирные мастерские и мастерские по производству гребней, гончарные и стеклодувные, кожевенные и сапожные, ткачей и представителей многих других профессий.

В Киеве среди прочих жилищ обнаружена полуземлянка ремесленника, разрушенная монголами во время взятия города в 1240 году. Полуземлянка площадью 10 квадратных

метров имела большую печь, в которой стоял горшок с пшенной кашей. Посреди жилища стоял кувшин с кусками янтаря и лежали камни для его шлифовки, в углу – 14 горшочков с красками. В избе найден и целый набор инструментов для обработки дерева: топор, сверло, скобель, ложечник, а также бруски для заточки инструментов. Мастер занимался изготовлением украшений из янтаря и деревянной посуды, которую он раскрашивал.

Русское ремесло по своему техническому уровню не уступало ремеслу передовых европейских стран. Особенно славились за пределами Руси ювелирные изделия, кольчуги, клинки, замки. Названия целых городских районов того времени свидетельствуют о ремесленной деятельности. Один из концов Новгорода носил название «Плотницкий». Когда Ярослав пришел с новгородцами к Киеву в 1016 году, воевода Святополка дразнил его войско: «Вы – плотники, поставим вас рубить нам хоромы».

Ремесло претерпело существенные изменения в первой трети XII века. До этого времени ремесленники работали по преимуществу на заказ, выполняя поручения богатых заказчиков. Нам известно имя одного из таких мастеров начала XI века. Это был кузнец-оружейник, который выковал меч и сделал на клинке надпись: «Людота коваль», то есть «Людота кузнец». Рукоять меча мастер украсил оригинальным орнаментом. Ножи делались из трех полос: к средней полосе твердой стали припаивались полосы из мягкого железа. Же-

лезе стачивалось быстрее, чем сталь, и нож всегда оставался острым, самозатачивающимся. В конце первой трети XII века заметно расширяется ассортимент ремесленных изделий и их количество. От этого иногда ухудшается их качество, в частности исчезают самозатачивающиеся ножи. Ремесленники начинают работать на рынок, а не на отдельных заказчиков.

В ювелирном ремесле продолжают традиции, воспринятые от Византии и Великой Моравии. Русские мастера используют технику филиграни – зернь и скань, украшают изделия из драгоценных металлов. Но появляется и более простая технология. Мастера-литейщики имитируют зернь и скань, вырезая орнамент в каменной литейной форме. Форму делали двусторонней, с отверстием для литья. В нее заливался расплавленный металл. Часть его застывала на стенках, а часть выплескивалась из формы. Затем форму разбирали на две половины и получали полое украшение с имитацией филигранного орнамента.

Из Византии пришло на Русь искусство перегородчатой эмали. На золотое украшение напаивались тонкие перегородки в виде орнамента или изображения святого; затем перегородки заполнялись цветной пастой – эмалью. С производством эмали тесно связано стеклоделие, также получившее развитие на Руси. Из цветного стекла делались бусы и браслеты – их очень много находят в древнерусских городах. Развитие ремесла способствовало расширению внешне-

торговых связей. На Руси не было месторождений цветных и благородных металлов, поэтому серебро и золото Русь получала главным образом в виде монет из стран Халифата и Византии.

Торговля

Внутренняя торговля в Древнерусском государстве, как уже говорилось, была развита слабо. В Византии и странах Востока реализовывалась значительная часть дани, собиравшейся русскими князьями. Из русских земель вывозились продукты промыслов, прежде всего меха, которые продавались на международных рынках. Особенно ценились белка, бобр, соболь, куница. Арабский географ второй половины X века Ибн Хаукаль писал, что бобровые меха из Руси и Волжской Булгарии достигали на востоке Хорезма (Средняя Азия), а на западе – Андалузии (Испания). Меха брали дань со славян и собственные князья, и завоеватели.

Предметами экспорта также оставались мед, воск, изделия ремесленников – оружейников и златокузнецов. Вывозили из русских земель на продажу и «живой товар» – рабов. Рабский труд применялся в хозяйствах вельмож и правителей раннесредневековых государств – там, где трудно было использовать труд зависимых крестьян. Крупнейшие международные рынки рабов существовали в Праге, Багдаде и Константинополе. Константин Багрянородный описы-

вал ежегодные торговые экспедиции Руси в Константинополь. Русь на своих судах везла рабов в оковах; самым опасным участком были Днепровские пороги, где нужно было перетаскивать ладьи и вести рабов по суше. Именно в этот момент обычно кочевники нападали на славян, чтобы захватить рабов. Арабский путешественник Ибн Фадлан рассказывал о рабынях, предназначенных на продажу в Волжской Булгарии: по его словам, девушки были «восторг для купцов».

Ввозились на Русь в основном предметы роскоши: шелковые ткани, ароматные смолы и приправы, дорогое оружие, виноградные вина. Не случайно в древних русских городах частой находкой являются греческие амфоры. Ремесло и торговля сосредоточивались в городах, количество которых росло. В русских летописях на начало XIII века упоминается уже более 200 городов.

Внешняя и внутренняя политика первых киевских князей в X–XI веках

Основными задачами, стоявшими перед русскими князьями, были борьба со степными кочевниками, защита торговых путей и обеспечение наиболее благоприятных связей с Византийской империей. Торговля Руси с Византией имела очень большое значение для благосостояния Руси. Как уже говорилось, на рынках Константинополя реализовывалась

значительная часть дани, собираемой киевскими князьями. Поэтому князья стремились обеспечить для себя наиболее благоприятные условия в этой торговле, укрепить свои позиции в Крыму и Причерноморье. Попытки Византии ограничить русское влияние или нарушить условия торговли часто приводили к военным столкновениям.

Князь Олег (879–912), ставший одним из любимых героев народных преданий, в 907 году совершил морской поход на Византию, в ходе которого осадил Константинополь и отступил только тогда, когда византийский император Лев VI Философ заплатил ему большой выкуп. Олег вернулся в Киев с богатой добычей, состоявшей из золота, паволок (шелковых тканей), греческих вин и многого другого. В 911 году им был совершен еще один поход на Византию, который также оказался удачным. Очевидно, за эту необыкновенную удачу, всегда сопутствовавшую ему, народ прозвал его Вещим, то есть чародеем. В соответствии с договорами, заключенными Олегом (а позднее и другими русскими князьями) с Константинополем, русские купцы ежегодно летом приезжали в Константинополь на торговый сезон и жили там шесть месяцев. Для их проживания было выделено специальное место в предместье города. По договору Олега с императором Львом VI русские купцы не платили никакой пошлины, и торговля была по преимуществу меновой. По преданию, Олег погиб от укуса змеи, выползшей из черепа его давно умершего коня, о чем заранее предупредил его некий кудесник. Позднее

это событие нашло отражение в знаменитом произведении А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Но вполне возможно, что Нестор-летописец, записавший этот рассказ о смерти князя, хотел показать, что языческий князь не мог быть вещим, поскольку не знал даже собственной судьбы. Но уже в наши дни исследователи обратили внимание на то, что конь и змея связаны с культом языческого «скотьего» бога Волоса (Велеса), владыки преисподней. Возможно, Олег погиб, собирая дань у поклонявшихся Волосу славянских племен, и те приписали смерть князя мести своего бога.

Преемником Олега был сын Рюрика Игорь (912–945). В годы его правления Киевской Руси начали угрожать орды печенегов, которые перекочевали в эти края из уральских степей, и борьба с ними продолжалась в течение многих лет. Печенежские орды обыкновенно ждали около Днепровских порогов купеческие караваны, грабили и разоряли их, нанося большой ущерб торговле Руси.

Игорь также предпринял в 944 году поход на Византию, но греки сожгли русский флот так называемым «греческим огнем» – горшками с зажженной нефтью, которые они метали в русские корабли. Несмотря на поражение, Игорю удалось подписать с Византией новый торговый договор, по которому, однако, с этих пор деятельность русских послов и гостей подвергалась в Константинополе определенным ограничениям. При Игоре продолжается политика покорения отдельных славянских племен и племенных объединений, ко-

торые князь обязывал платить ежегодную дань Киеву. Во время одного из походов за данью в Древлянскую землю в 945 году население этих краев возмутилось алчностью Игоря, захотевшего собрать больше дани, нежели обычно. Древляне предупредили князя через своих послов, что он уже взял все, что ему полагалось. Но Игорь, распустив большую часть дружины, все-таки с небольшой частью воинов решил собрать еще дани. Тогда древляне окружили его и убили: согнув две березы, древляне привязали к ним Игоря, и тот был разорван на части, то есть принял позорную смерть, которой обычно умирал вор.

После смерти Игоря управление княжеством взяла в свои руки его супруга Ольга, потому что сын Игоря Святослав был еще слишком мал. Ольга была женщиной хитрой, умной, с твердым характером и решила отомстить убийцам своего мужа. В совершении этого замысла ей невольно помогли сами древляне, прислав после смерти Игоря послов просить Ольгу выйти замуж за их князя Мала. Приняв послов с великой честью, Ольга на следующий день приказала принести их на княжеский двор прямо в лодках, на которых они приплыли, якобы для оказания высших почестей. Однако во дворе уже была выкопана огромная яма, в которую она велела бросить послов вместе с лодками и засыпать живьем. Не зная об их ужасной участи, древляне прислали к княгине еще одно посольство, судьба которого также была печальна: пригласив послов в баню, Ольга приказала заколотить дверь и сжечь их

вместе с баней. Третье посольство было уничтожено на могиле ее мужа Игоря, в то время как древляне вместе с ней совершали по нему тризну. После этого Ольга осадила столицу древлянских земель Искоростень, однако взять хорошо укрепленный город сразу не смогла. Тогда она пошла на хитрость: сделав вид, что поражена мужеством древлян, Ольга сказала, что хочет уйти, и просила в качестве дани всего лишь по воробью и голубю от каждого дома, которых необходимо было по языческому обычаю принести в жертву. Вскоре необычная дань была собрана. Той же ночью Ольга приказала привязать к птицам тряпки с серой и поджечь, а потом отпустить – и каждая птица устремилась в город под кровлю родного дома. Через несколько часов весь Искоростень был объят пламенем, и войско Ольги, ворвавшись в него, безжалостно расправилось с непокорными древлянами.

Желая упорядочить сбор дани, Ольга произвела реформу дани: установила ее точные размеры и учредила погосты – специальные места, куда подвластное население само должно было привозить дань (так называемый повоз) и откуда ее забирали княжеские наместники. Подобно своим предшественникам, она объезжала с дружиной подчиненные племена, судила и наказывала.

В 946 (957) году Ольга совершила путешествие в Византию, где приняла православное крещение, став, таким образом, первой представительницей русского княжеского рода, принявшей христианство. Ее восприемником был сам визан-

тийский император Константин Багрянородный, а совершал крещение патриарх Фотий. Перед своей смертью Ольга просила не устраивать над ее гробом языческой тризны. Каменный саркофаг, в котором предположительно была погребена Ольга, хранится в Киеве.

Когда достиг совершеннолетия ее сын Святослав (957–972), Ольга уступила ему престол. Она неоднократно обращалась к сыну с просьбами о принятии крещения, но на все увещания матери Святослав отвечал упорным отказом, мотивируя это тем, что над ним будет смеяться его собственная дружина. Его главной страстью были военные походы и завоевания, в которых он провел всю жизнь (в первый раз он участвовал в военном походе в четырехлетнем возрасте). Летописец описал его характер и привычки следующими словами: «Он ходил на неприятеля с быстротой барса; в походах не возил с собой ни возов, ни котлов и не варил мяса; но, мелко нарезав конину, говядину или зверину, пек на угольях и ел; спал без шатра, подостлав под себя конский потник и положив в изголовье седло». Когда он отправлялся в поход на врагов, то предупреждал их только одной фразой: «Иду на вы».

Соседом Древнерусского государства в это время являлся Хазарский каганат, располагавшийся на Нижней Волге и в Приазовье. Хазары были полукочевым народом тюркского происхождения. Их столица Итиль, находившаяся в дельте Волги, стала крупным торговым центром. В период расцвета

Хазарского государства некоторые славянские племена платили хазарам дань.

Хазарский каганат держал в своих руках ключевые пункты на важнейших торговых путях: устьях Волги и Дона, Керченском проливе, переправе между Волгой и Доном. Установленные там таможенные пункты собирали значительные торговые пошлины, которые отрицательно сказывались на развитии торговли Древней Руси. Иногда хазарские каганы (правители государства) не довольствовались торговыми сборами, задерживали и грабили русские купеческие караваны, возвращавшиеся с Каспийского моря.

Во второй половине X века началась планомерная борьба русских дружин с Хазарским каганатом. В 965 году князь Святослав разгромил Хазарское государство. После этого Нижний Дон был снова заселен славянами, и центром этой территории стала бывшая хазарская крепость Саркел (русское название Белая Вежа). На берегу Керченского пролива образовалось русское княжество с центром в Тмутаракани. Этот город с большим морским портом стал форпостом Руси на Черном море. В конце X века русские дружины совершили ряд походов на Каспийское побережье и в степные районы Кавказа.

Помимо этого, Святославу удалось совершить поход по Оке, в ходе которого были присоединены к Киевскому государству огромные территории вятичей. Считается, что именно Святослав тогда основал известный город Рязань.

Византийская империя в это время стремилась втянуть соседние государства в борьбу между собой, чтобы ослабить их и подчинить своему влиянию. Следуя этой политике, византийский император Никифор Фока попытался воспользоваться русскими войсками для ослабления Дунайской Болгарии, с которой Византия вела долгую и изнурительную войну. В 968 году русские войска князя Святослава вторглись на территорию Болгарии и заняли ряд городов, из которых наиболее важным был Переяславец – крупный торговый и политический центр в низовьях Дуная. Святослав был одержим идеей создать огромную империю и устроить её столицу не в Киеве, а Переславце. Успешное наступление Святослава было расценено как угроза безопасности Византии и ее влиянию на Балканах. В то время как князь сражался вдалеке от родных мест, печенеги во главе с князем Курей напали (вероятно, под влиянием греческой дипломатии) в 969 году на Киев и едва не овладели им (по преданию, только смелость одного воина, умевшего говорить по-печенежски, прошедшего сквозь лагерь врага и вызвавшего подмогу, спасла город). Весть об этом заставила князя вернуться назад в Киев, где он застал умирающую Ольгу. Нанеся печенегам сокрушительное поражение южнее Киева, у города Родня, Святослав взял в плен князя Курю. Похоронив мать, он вновь отправился в Болгарию, которая так привлекала его, на берега Дуная в город Переяславец. «Туда, – говорил он матери, – сходитя все хорошее: из Греции золото, паволоки,

вина и разные плоды; из Чехии и Венгрии – серебро и кони, из Руси – меха, воск, мед и невольники».

Но вторичное завоевание Болгарии неожиданно повлекло за собой борьбу с греками. На византийском престоле в это время место императора Никифора Фоки занял его убийца Иоанн Цимисхий (Малорослый) – храбрый и искусный полководец. Он потребовал, чтобы русский князь удалился из Болгарии, и, получив отказ, сам повел на него многочисленные войска. В первой же битве русские и болгарские дружины разгромили византийцев и обратили их в бегство. Преследуя врага, войска Святослава захватили ряд крупных городов и дошли до Адрианополя. Под Адрианополем был заключен мир между Святославом и Цимисхием. Основная часть русских дружин вернулась в Переяславец. Однако этот мир, заключенный осенью, оказался непрочен: весной Византия начала новое наступление. Положение Святослава сильно ухудшилось оттого, что на сторону Византии перешел болгарский царь. Войско Святослава из Переяславца перешло в крепость Доростол и приготовилось к обороне. После двухмесячной осады Иоанн Цимисхий предложил Святославу заключить мир. Согласно этому договору русские войска уходили из Болгарии, возобновлялись торговые связи, Русь и Византия становились союзниками.

Заключив мир, Святослав захотел увидаться с императором и получил согласие. Один из византийских историков, Лев Диакон, так описывает это событие: «Иоанн в блестящих

латах на коне подъехал к берегу Дуная: его окружал многочисленный отряд всадников, у которых доспехи были покрыты золотом. Между тем Святослав приближался в лодке, действуя веслом наравне с другими гребцами. Он казался среднего роста и весьма строен; имел широкую грудь, плоский нос, голубые глаза и длинные косматые усы. Волосы на его голове были выстрижены, за исключением одного локона – знак благородного происхождения; в одном ухе висела золотая серьга, украшенная рубином и двумя жемчужинами. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Белая одежда его только чистотой отличалась от других русских. Не выходя из лодки, Святослав поговорил немного с императором и отправился назад».

Возвращаясь в 972 году в Киев с остатками своей дружины, Святослав попал в засаду и погиб в битве с печенегами, которые дожидались его у Днепровских порогов. Князь печенегов Куря, некогда побывавший в плену у Святослава, сделал из черепа киевского князя чашу. Есть мнение, что на Святослава навели печенегов киевские купцы-христиане, которых князь притеснял.

После гибели Святослава великим князем стал его сын Ярополк (972–980). В 977 году Ярополк поссорился со своим братом, древлянским князем Олегом, и начал против него военные действия. Древлянские дружины князя Олега были разбиты, сам он погиб в бою, а древлянские земли были присоединены к Киеву. После смерти Олега княживший

в Новгороде третий сын Святослава Владимир бежал к варягам. Ярополк послал в Новгород своих наместников и стал, таким образом, единоличным правителем всего Древнерусского государства.

Вернувшись через два года в Новгород с наемной варяжской дружиной, князь Владимир изгнал из города киевских наместников и вступил в войну с братом. В 980 году на Днепре близ Любеча произошло жестокое столкновение между войсками Владимира и Ярополка, в котором одержала победу дружина Владимира, а великий князь Ярополк вскоре был убит. Власть на всей территории государства перешла в руки великого князя Владимира Святославича (Святого) (980-1015) – одного из самых выдающихся деятелей Древнерусского государства.

До нас не дошло его изображений, нет его могилы (хотя мощи сохранились), нет принадлежащих ему вещей... Но его личность до сих пор вызывает огромный интерес, и каждый раз, когда наша страна оказывается на некоем переломе, его образ предстает перед нами и в этом образе начинают искать опоры, утверждения правоты переживаемого времени. Не случайно, когда Петр I начал свои преобразования, Феофан Прокопович заметил ему: «А всему начало причина и повод Владимир Святой».

За 1000 лет русской истории у нас было не так много государственных деятелей, которых можно было бы уподобить князю Владимиру. Он был строителем новых городов («И

рече Владимир: „Се не добро, еже мало городов около Киева“ и нача ставити города, по Десне, по Ветри, и по Трубежеви, и по Стугне, и по Суле, и нача собирати мужи лучшии отъ Словян, отъ Кривич и отъ Чуди и отъ Вятичь... и от сих насели грады»), то есть он был устройтелем русской земли. Так как город – это не только главнейший признак цивилизации, но и центр политической (резиденция князя), духовной власти (монастыри в домонгольской Руси были городские или пригородные), торгово-финансовой жизни (из трех важнейших частей города – кремль (кремник, кром), посад и торг две последние относились к торговле и финансам). Он впервые обозначил границы Русского государства – многие исследователи считают, что знаменитые Змиевы валы принадлежат ему. Об этом есть упоминание и в источниках. Так, западный архиепископ Брунов свидетельствовал о Змиевых валах в письме к императору Генриху II: «...князь ехал с нами до границы своей земли, которую князь, по причине нападений кочевников, окружил со всех сторон весьма длинною и крепкою оградою». Он учреждал школы, присоединял земли, ходил в походы на кочевников, осаждал византийский город Корсунь. В его княжение к Древнерусскому государству были присоединены восточнославянские земли по обе стороны Карпат, завершено присоединение земли вятичей.

В период правления Владимира эпоха русских походов на Византию завершалась, и последний крупный поход на Ви-

зантию состоялся в 1043 году уже при его сыне, киевском князе Ярославе Мудром (1015–1054). Поводом послужило убийство русского купца в Константинополе. Не получив достойного удовлетворения за обиду, Ярослав Мудрый послал к берегам Византии флот, во главе которого стояли его сын Владимир и воевода Вышата. Несмотря на то что буря рассеяла русский флот, кораблям под командованием Владимира удалось нанести значительный урон греческому флоту. В 1046 году между Русью и Византией был заключен мир, который по традиции того времени был закреплен династическим союзом – браком сына Ярослава Всеволода с дочерью императора Константина Мономаха.

После 1036 года печенеги перестали представлять угрозу для Киевского государства. По преданию, в честь решающей победы над ними князь Ярослав Мудрый возвел Софийский собор в Киеве. В середине XI века печенеги окончательно были вытеснены из южнорусских степей к Дунаю пришедшими из Азии тюркоязычными племенами кипчаков, которых на Руси называли половцами. Они быстро заняли Северный Кавказ, часть Крыма и все южнорусские степи. Половцы были очень сильным и серьезным противником, часто совершали походы на Византию и Русь. Положение Древнерусского государства осложнялось еще и тем, что начавшиеся в это время княжеские усобицы дробили его силы, а некоторые князья, стремясь использовать половецкие отряды для захвата власти, сами приводили врагов на свою землю. Осо-

бенно значительной была половецкая экспансия в 90-х годах IX века, когда половецкие ханы даже пытались взять Киев.

В конце XI века были наконец предприняты попытки организовать общерусские походы против половцев. Русским дружинам удалось не только отвоевать захваченные русские города, но и нанести половцам удар на их территории. В 1111 году русами была взята столица одного из половецких племенных образований – город Шарукань (недалеко от современного Харькова). После этого часть половцев откочевала на Северный Кавказ. Однако половецкая опасность не была ликвидирована до конца, и в течение всего XII века продолжали происходить военные столкновения между русскими князьями и половецкими ханами.

Для защиты от кочевников русские князья строят пояса оборонительных сооружений – городов-крепостей, валов и т. п. Первые сведения о таких городах-крепостях вокруг Киева относятся ко времени Олега. Мощная оборонительная линия на южных рубежах, как уже говорилось, была построена при князе Владимире Святославиче: на реках Стугне, Суде, Десне и других. Наиболее крупными были Переяславль и Белгород с постоянными военными гарнизонами. Желая привлечь к обороне государства все силы, князь Владимир набирал в гарнизоны в основном представителей северных племен: словен, кривичей, вятичей.

Правление Ярослава Мудрого стало вершиной расцвета Древнерусского государства, его международное значение

очень возросло. Киевская Русь превратилась в одну из сильнейших в Европе стран, с которой нельзя было не считаться. О высоком международном авторитете Руси свидетельствуют многочисленные брачные связи киевских князей с византийскими и западными правящими династиями. Владимир Святой был женат на сестре византийских императоров Анне, Ярослав Мудрый – на Индигерде, дочери шведского короля Олафа; сестру свою Доброгневу он выдал замуж за короля Казимира, занимавшего польский престол, а сестра самого Казимира была женой сына Ярослава – Изяслава. Одна из дочерей Ярослава, Елизавета, была замужем за норвежским королем Гаральдом. Другая дочь, Анна, была женой французского короля Генриха I и матерью французского короля Филиппа, по причине малолетства которого она долго правила Францией. Третья дочь Ярослава, Анастасия, была женой венгерского короля Андрея I, сын Всеволод женился на дочери византийского императора, а его внук Владимир, сын византийской царевны, – на дочери последнего англосакского короля Гарольда II.

Принятие Русью христианства

Князь Владимир стремился не только к политическому объединению восточнославянских земель. Он принял решение провести религиозную реформу, перестроив систему традиционных славянских языческих верований. Из много-

численного пантеона языческих богов он выбрал шесть, которых и провозгласил верховными божествами на территории своего государства. Идолов главных богов (Даждьбога, Хорса, Стрибога, Семаргла и Мокоши) он распорядился поставить рядом со своим дворцом на высоком киевском холме. Возглавлял пантеон Перун – покровитель князя и дружины, идол которого сделали заново и даже посеребрили ему голову и вызолотили усы. Поклонение другим богам жестоко преследовалось, а неканонические идола безжалостно уничтожались.

Однако языческая реформа не удовлетворила князя Владимира. Христианскими державами языческая Русь все равно воспринималась как варварское государство. Кроме того, князь Владимир, очевидно, понимал, что язычество не только не способно объединить людей в условиях централизованного государства, к которому он стремился, но и, самое главное, не в состоянии удовлетворить духовные стремления людей, населявших Киевскую Русь. И он начал задумываться о принятии новой религии.

Как же была выбрана вера? Очевидно, решение о крещении далось князю очень нелегко, так как для всех нас христианство уже тысячу лет есть данность. А для князя Владимира оно было делом сложнейшего выбора. Тем более что этот выбор сильно затруднялся жизненным опытом самого князя. Имевший большой гарем, любивший пиры, бывший искренним и истовым язычником, он выбрал из всех предложенных

религиозных путей (западное христианство, иудаизм, ислам, восточное христианство) последний, самый трудный и сложный путь.

Мы не знаем, что предшествовало обращению Владимира, какая внутренняя борьба велась в сердце князя. Но можно с уверенностью утверждать, что это была очень серьезная борьба и решение креститься далось ему очень непросто. Ведь для него, язычника, для скандинавов, которые окружали его, христианство было полной противоположностью всему их жизненному укладу, тому, к чему они привыкли. Вся языческая (особенно скандинавская) культура зиждилась на воинских достоинствах, храбрости, силе, гордости, стремлении управлять и подчинять. С языческим богом-идолом можно было договориться, его можно было подкупить или обмануть, а в случае конфликта – уничтожить и создать другого. В истории язычника, как уже говорилось, не было ни начала, ни конца, она двигалась по кругу, бесконечно воспроизводя как хорошее, так и дурное. Ничего этого нет в христианстве. Оно говорит о самоуничижении, смирении, беззаветной отдаче себя, о том, что добро побеждает зло и добра больше, чем зла, о любви. То есть, с точки зрения язычника, стать христианином означало только одно – разжаловать себя, потерять уважение к самому себе, согласиться со словами епископа Ремигия: «Сжечь все, чему поклонялся и поклониться всему, что сжигал», то есть на крушение всего привычного образа жизни.

Владимир сумел сделать выбор. То время было вообще временем активного выбора цивилизационных путей – многие окрестные государства и народы находились в поиске. Несколько славянских племен Балтики приняли христианство между 942–968 годами, польский князь Мешко стал христианином в 966 году, король Гаральд Датский в 974-м, Олаф в 976-м, венгерский герцог Геза в 985 году. Владимир не мог не знать об этом. Однако он делает выбор не спеша, ознакомившись с самыми разными исповеданиями, пройдя через болезни, и это лишний раз доказывает, что князь понимал, какую ответственность на себя возлагает.

В Киеве того времени уже стояли церкви, жило множество христиан, и князь Владимир, несомненно, знал многих из них. Желая определиться в выборе веры, в 986 году Владимир, по преданию, устроил в Киеве «испытание вер», то есть пригласил к себе миссионеров из разных стран, представивших ему свои исповедания. Испытав каждого (а среди них были иудей, католик, мусульманин и грек), Владимир отверг всех, кроме последнего – представителя Греческой православной церкви, которого он внимательно выслушал, но окончательного решения так и не принял.

В следующем, 987 году князь отправил своих послов за границу, чтобы они, побывав в различных странах, познакомились с жизнью и богослужением представителей разных вероисповеданий. Вернувшиеся через некоторое время послы, описывая свои впечатления, особо восхищались красо-

той греческого богослужения. «Когда мы находились в храме, – говорили они, – не знали мы, где находимся – на небе или на земле». И наконец, очевидно, последним толчком к крещению самого Владимира явилась тяжелая болезнь – слепота, случившаяся с князем после осады города Корсуне. Его невеста Анна, византийская царевна, не желавшая идти замуж за язычника, стала уговаривать его креститься, уверяя, что в купели он получит исцеление. И князь Владимир крестился в городе Корсуне, где до настоящего времени сохранились развалины храма и остатки купели, в которой совершилось это крещение. Выходя из купели, он прозрел и, вернувшись в Киев, решил крестить жителей города. Это событие, состоявшееся в 988 году, вошло в русскую историю под названием Крещение Руси.

День крещения достаточно полно отражен в летописях. Киевляне начали собираться к Днепру еще на заре. Накануне княжеские глашатаи объехали город, объявляя, что на утро назначено крещение, и передавая слова князя: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – да будет мне враг». Огромное число людей, собравшихся на берегу, вошли в воду и были крещены греческими епископами в присутствии князя Владимира, который стоял здесь же, на берегу. В прошлом веке в Киеве на горке, под которой произошло крещение (ее потом назовут Владимирской), был поставлен памятник князю Владимиру. Идол Перуна был свергнут со своего холма. Вывернутый

из земли, он катился по склону к реке, а толпа народа бежала за ним с палками и била его. Когда наконец он упал в воду Днепра и поплыл, князь приказал отталкивать его от берега до тех пор, пока тот не пройдет Днепровские пороги. Близ них идол прибил к берегу, и это место до сих пор в народе носит название «Перуньей отмели». Так, по словам летописи, произошло Крещение Руси.

Важно понимать то обстоятельство, что, в отличие от многих предшественников (Хлодвиг крестил свое войско после поражения, Карл Великий крестил саксонцев, а святой Стефан венгров силой), князь Владимир крестил словом, а не ударами, доброй волей, а не насилием. Безусловно, не всегда и не везде процесс крещения проходил гладко. В летописях звучат отголоски сопротивления, которое вспыхивало то в одном, то в другом конце Древней Руси. В качестве доказательства того, что христианство вводилось якобы насилием, обычно приводится известная летописная фраза: «Путьта крестил мечом, а Добрыня – огнем». При этом приводившие эту фразу не обращали внимания на то, что Иоакимовская летопись, содержащая ее, – произведение... XVII века (если эта летопись вообще существовала)!

Крещение Руси стало переходом не просто от одной «отжившей» религиозной системы к другой, «более прогрессивной» и «освятившей новый экономический порядок» (данная точка зрения, имевшая широкое хождение в советское время, встречается до сих пор). В этом объяснении Креще-

ния Руси проявляется стремление перенести современную рассудочную, хорошо разработанную и опробованную методику управления массами на князя Владимира и его окружение, что едва ли возможно. Оставаясь на этой точке зрения, следует признать, что для Владимира и его окружения христианство имело не нравственное значение, а являлось всего лишь более совершенной системой управления обществом, то есть в духовном смысле оно равнялось язычеству. На самом деле значение христианизации Руси состояло прежде всего в признании его идейного, нравственного преимущества перед язычеством, что происходило постепенно и только к концу X века вылилось в государственный акт.

Но почему крещение жителей Киева именуется Крещением Руси? Разумеется, Крещение Руси – не единовременный акт, а долгий процесс, растянувшийся на столетия и начавшийся задолго до 988 года. Повесть временных лет доносит до нас предание о посещении апостолом Андреем Первозванным еще в I веке н. э. территории будущего Киевского государства – Скифии. «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, – говорит летописец, – узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божья, будет город великий (Киев), и воздвигнет Бог многие церкви“. И взошел на горы

эти, и благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы той, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх».

Большинство исследователей считает это предание вымыслом. Действительно, нигде более мы не можем найти свидетельств посещения Русской земли апостолом Андреем. Однако если это даже и так, то археология дает нам множество свидетельств, что уже в первые века нашей эры населявшие среднее течение Днепра народы имели прочные торговые связи с Римом, Азией, где как раз распространялось христианство. Не исключено, что христиане того времени могли оказываться в этих местах и свидетельствовать о своей вере.

Более чем за столетие до Крещения на Руси уже хорошо знали о христианах. Еще в 866–867 годах при князьях Аскольде и Дире (есть предположение, что Аскольд был христианином) произошло крещение народа русь, а в Киев прибыл из Византии епископ. Об этом сообщает в «Окружном послании» константинопольский патриарх Фотий. Упоминает «русскую епархию» среди епархий Константинопольского патриархата и Константин Багрянородный. Уже при Игоре в Киеве была «соборная церковь Св. Илии» (соборная – значит главная, то есть были и другие), а сама княгиня, как говорилось, в 50-х годах X века приняла христианство в Константинополе. Христианином был и князь Ярополк.

Таким образом, можно убедиться в том, что процесс Крещения Руси шел задолго до Владимира и продолжался после

крещения киевлян. Христианство не могло распространиться по огромным просторам Руси за недели и месяцы – на это ушли сотни лет. С X вплоть до XVIII и XIX веков продолжается крещение многочисленных народов, проживающих на территории России, – вятичей, пермяков, мордвы, татар, чуди и многих других. Поэтому, безусловно, крещение киевлян князем Владимиром не является в буквальном смысле слова Крещением Руси, но от этого событие 988 года не становится для нас менее значимым: ведь именно тогда князь Владимир сделал христианство религией Русского государства, духовной основой его жизни. Не случайно Русская церковь причислила князя к лику святых.

В чем состояло значение принятия Русью христианства? Прежде всего, это сближало Киевскую Русь с другими европейскими государствами и сильно повлияло на отношения с ними. Русь приобщилась к огромному пласту христианской культуры – литературе, пению, архитектуре, живописи. На Русь «обрушился» огромный поток накопленных почти за тысячу лет духовных богатств, и что особенно важно – не «раздавивших» собственную самобытную культуру, но творчески усвоенных и ярко обогащенных языческими представлениями о природной красоте и гармонии, что придало многим явлениям древнерусской культуры (и русскому православию в целом) уникальность и неповторимость.

Но важно не только это. В Русской Правде, как уже говорилось, кровная месть за убийство заменена денежным вы-

купом; ночной вор не может быть убит, если он пойман после восхода солнца; телесные наказания заменены денежным штрафом и т. д. Во всем этом не обошлось без воздействия христианства. Прекратились человеческие жертвоприношения. И уж конечно, никому в голову не могло прийти убивать жену умершего знатного господина и хоронить ее вместе с мужем. Трудно сказать что-либо о многоженстве, но пример гаремного многоженства князя Владимира, вероятно, был последним. Новая вера стала основой всей бытовой и политической жизни Русского государства.

Русская православная церковь

После принятия христианства на Руси возникает церковная организация. Русская церковь считалась частью вселенской Константинопольской патриархии, и ее глава – митрополит – назначался константинопольским патриархом из греков. Первым митрополитом Русской церкви был пришедший с Владимиром из Корсуня Михаил. Однако при нем русская митрополия еще не успела сложиться, и правильное устройство ей дал преемник Михаила Леонтий, который в 992 году разделил ее на епархии и назначил первых епархиальных епископов. До великого князя Ярослава Мудрого местопребыванием первых митрополитов был Переяславль, а потом, при Ярославе, когда был построен киевский Софийский собор с митрополичьим домом, они перешли на жи-

тельство в Киев.

Уже в 1051 году киевский митрополит был впервые избран не в Константинополе, а в Киеве собором русских епископов. После смерти митрополита Феопемпта греки три года не присылали нового митрополита, и «Бог князю вложи в сердце» поставить митрополита из русских и собором русских же епископов. Первым митрополитом из русских стал Иларион, священник княжеского села Берестова. Он был очень благочестив, часто уединялся для молитвы в пещеру, которую выкопал в горе недалеко от своего села, и, кроме того, был известен как автор многочисленных сочинений. Однако последующие киевские митрополиты по-прежнему назначались Константинополем.

В крупных городах были учреждены епископские кафедры, бывшие центрами крупных церковных округов – епархий, которых было шесть: в Киеве, Новгороде, Чернигове, Ростове, Владимире-Волынском и Белгороде. В течение последующего времени (до середины XII века) открылось еще несколько епархий, и их стало пятнадцать. Границы их впоследствии почти совпадали с границами соответствующих удельных княжеств. С падением удела, как правило, уничтожалась и епархия; например, в конце XI века после разорения половцами Тмутаракани исчезла и епархия. Напротив, усиление мощи княжества способствовало и возвышению ее епархии. В 1165 году богатый Новгород добился для своего владыки Иоанна титула архиепископа – тогда еще первого и

единственного на Руси.

Во главе епархий стояли епископы, назначаемые киевским митрополитом. Епископам подчинялись все расположенные на территории его епархии церкви и монастыри. Делами своей епархии каждый из них управлял самостоятельно, при помощи наместников из почетных духовных лиц или соборных священников, составлявших при нем постоянный кафедральный совет. Митрополит вмешивался в дела епархий редко, только в особых случаях и по каким-нибудь жалобам.

Источником существования Русской церкви служила прежде всего десятина из княжеских доходов и имущества, которую давал, например, князь Владимир своей Десятинной Успенской церкви. Иногда десятина заменялась деньгами. Также существовали весчие пошлины с торговых мер и весов, судные – с церковного суда, недвижимые имущества. Митрополит, например, имел во владении несколько городов с волостями и селами. Во владении Десятинной церкви был также целый город Попонный. Князь Ростислав пожертвовал своей епископии озера, сенокосы, огороды и села с дачами и продажами.

Основанием для церковного управления служила книга «Номоканон», или церковный Устав, заимствованный из Греции. Раскрывая ее значение для жизни Русской церкви, князь Владимир Святославич создал «Церковный устав князя Владимира», касавшийся главным образом судебных

прав Русской церкви. К ведомству ее суда были отнесены дела против веры и Церкви: ереси, волшебство, совершенные языческих обрядов, святотатство, повреждение могил и церковных стен, неуважение к храмам. Затем дела семейные: умыкание девиц, вступление в брак в родстве, споры между супругами об имуществе, блуд и прелюбодеяние, развод, побои от детей родителям, дела о наследстве, словесное оскорбление семейной чести и т. д. Кроме духовенства, суду Церкви были подчинены паломники и разные люди, которых Церковь содержала в своих гостиницах, больницах и богадельнях. Позднее еще один церковный устав издал великий князь Ярослав Мудрый.

Особое место в церковной и общественной жизни занимали монастыри. Они создавались как сообщества людей, добровольно отказавшихся от семьи и от обычной мирской жизни во имя Христа. Самым известным русским монастырем этого периода был основанный преподобными Антонием и Феодосием Печерскими в середине XI века Киево-Печерский монастырь. Помимо него в то же время ообразовываются Успенский Болдинский монастырь в Чернигове, Иоанновский монастырь в Переяславле, Дмитриевский суздальский монастырь, ростовский Авраамиев монастырь, новгородский Юрьев монастырь и другие. Монастыри владели землей и селами, занимались торговлей. Собиравшиеся в них богатства расходовались на строительство храмов, украшение их иконами и фресками, переписку книг.

Церковь имела большое значение для Русского государства. Она способствовала укреплению государственности, объединению отдельных земель в единую державу. Нередко церковные иерархи удерживали князей от усобиц угрозой святительского проклятия. Во время княжеских переговоров постоянно в качестве послов от церкви присутствовали духовные лица: их слово было авторитетнее, чем слово мирских послов. Кроме того, своим саном они были ограждены от обид, от которых тогда не спасало иногда и звание посла. Невозможно также переоценить влияние Церкви на развитие культуры. Через Церковь Русь приобщилась к византийской культурной традиции, продолжая и творчески развивая ее.

Культура Древней Руси

Не подлежит сомнению, что задолго до образования Киевского государства у восточных славян уже существовала высокая культура, однако подлинный расцвет литературы, живописи, архитектуры, прикладного искусства начался после Крещения Руси, когда Русь активно начинает усваивать византийские культурные традиции и наследие.

Разговор о культуре Древней Руси необходимо начать с литературы. Византийская литература первоначально попала на Русь через Болгарию, где к этому времени уже был значительный запас как переводной, так и оригинальной ли-

тературы на понятном на Руси славянском языке. Создателями славянской азбуки считаются болгарские монахи-миссионеры Кирилл и Мефодий, жившие в IX веке.

Кирилл и Мефодий были сыновьями губернатора греческого города Солуни (Салоник) и с детства владели славянским языком, так как население окрестностей города было славянским. Они получили блестящее образование при дворе вместе с византийским императором Михаилом и сначала занимали государственные должности, но вскоре ушли в монастырь. До 860 года они на основании греческого алфавита составили славянскую азбуку, прибавив особые знаки для тех звуков, которые не существовали в греческом языке. Они же перевели и Священное Писание на славянский язык. В 860 году патриарх Фотий послал Кирилла с миссией в Хазарскую державу. В 862 году святые Кирилл и Мефодий отправились к болгарам и русам. Первым крестился болгарский князь Богорис, принявший в крещении имя Бориса, и с ним весь болгарский народ.

Вторым народом, который просветили братья христианской верой, были моравы (864). В 867 году Кирилл и Мефодий были вызваны папой Николаем I в Рим и получили от него полное одобрение своей миссионерской деятельности, а также разрешение совершать богослужение на славянском языке. Кирилл скончался в Риме и был погребен в церкви Св. Климента, а Мефодий посвящен папой в епископы Моравии и Паннонии, продолжал великое дело просвещения

славянских народов и крестил много племен. Вскоре регенсбургские архиепископы, которые были главными противниками богослужений на славянском языке, добились от императора заключения Мефодия в тюрьму, где он находился почти три года, и освободили его только по требованию папы Иоанна VIII, который возвел его в архиепископы и сделал папским легатом. Мефодий вторично отправился в Рим и вновь получил разрешение совершать службы по-славянски и по православному обряду. После этого он отправился в Константинополь, где и скончался в 886 году. (В настоящее время в Москве есть Славянская площадь, близ станции метро «Китай-город», где установлен памятник святым Кириллу и Мефодию.)

Договор князя Олега с греками 911 года, составленный на греческом и русском языках, является одним из первых памятников русской письменности.

Значительно ускорило распространение образования принятие Русью христианства. Оно способствовало широкому проникновению на Русь византийской литературы и искусства. Грамотность была довольно широко распространена среди городского населения. Об этом свидетельствуют надписи на вещах и стенах древних зданий – граффити (известен сосуд X века с надписью «гороухша» – горчица, надписи на стенах Софии Киевской и Новгородской), а также найденные в Новгороде и некоторых других городах многочисленные берестяные грамоты, содержащие тексты торго-

вых договоров, расписки, рисунки, азбуку и даже любовные письма. Так, сохранилось послание некоего Микиты к Ульянице со словами: «От Микиты к Улианиц. Пойди за мене. Яз тьбе хоцю, а ты мене. А на то послух Игнат Моисиев...»

Кроме переводных, греческих и византийских, на Руси возникают свои литературные произведения. Русская литература вбирала в себя культурное и цивилизационное наследие Востока и Запада, Севера и Юга. Поэтому корни древнерусской литературы, ее традиций уходят в Византию, Болгарию, Скандинавию, в традиции множества народностей, населявших Древнюю Русь. Важнейшей особенностью древнерусской литературы стал ее учительный, просветительский характер. Литература сразу же обрела свою особую миссию, которая сохранялась за ней сотни лет: оберегать нравственные, духовные ценности Руси, а часто и сражаться за них. Литература стала национальным ориентиром истины, мерилom совести, удивительным синтезом эстетического и нравственного. И вера в литературу как в средство выражения правды, в голос совести стала чертой российского менталитета.

В Древнерусском государстве возник особый вид исторического сочинения – летопись. Наиболее известной древнерусской летописью, как уже говорилось, является Повесть временных лет. Автор Повести..., монах Киево-Печерского монастыря Нестор, известен и как создатель жизнеописаний первых русских святых Бориса и Глеба, игумена Киево-Пе-

черского монастыря Феодосия.

Одно из первых произведений древнерусской литературы принадлежит митрополиту Илариону, который был очень образован, «муж книжный», и называется «Слово о Законе и Благодати» (40-е годы XI века). Иларион говорит в нем о значении Крещения Руси и в целом принятия христианства, в возвышенных и ярких эпитетах описывает князя Владимира, крестившего Русскую землю: «Похвалим же нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земля, Владимира, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лета владычествую, мужьством и храбрьством прослуша в странах многих и победами и крепостью поминаются ныне и словуть. Не в худе бо и не в неведоме земля владычествующе, но в Руськой, яже ведома и слышима есть вьсеми конци земля».

«Слово...» – сложное произведение, трудно понимаемое человеком, не имеющим соответствующей подготовки, но сам Иларион подчеркивает, что пишет не неграмотным, не детям, а людям, которые могут разобраться в том, что написано. Это говорит о том, что уже тогда была хорошо подготовленная в богословских вопросах аудитория, для которой митрополит мог написать такую сложную вещь.

С XII веком связано литературное творчество князя Владимира Мономаха, написавшего незадолго до своей смерти, уже, по выражению того времени, «сидя в санях» (на санях на Руси в любое время года везли хоронить знатного покой-

ника), свое знаменитое «Поучение детям», ставшее одним из любимых произведений русских людей раннего Средневековья. Но он писал его не только своим потомкам, но и всем, кто, как он выражался, «хочет понять и прочесть». Владимир Мономах объясняет, каким должен быть настоящий князь в походах и повседневной жизни. Так, князь должен следить за всем в доме, а не полагаться на тиуна или дружинника, чтобы не посмеялись над порядками в доме и на обеде. Во время военных походов ему надо избегать излишней пищи и питья, а также долгого сна. Жизнь князя наполнена войнами и охотой, смерть ходит по пятам воина, он должен быть милосерден и справедлив.

Князь, как и митрополит Иларион, рассуждает о том, каким быть христианину. «Прежде всего, – пишет он, – Бога ради и души своей страх имейте Божий в сердце своем». Князь напоминает библейские слова о том, что начало мудрости – это страх Божий, и надо это сохранять. Далее он говорит: «Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем», научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». И дальше идут замечательные слова: «Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех [князь имеет в виду дела милосердия], не тяжки ведь они; ни за-

творничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию». Не отрицая аскетических подвигов, князь подчеркивает, что ни затворничество, ни голодание не могут быть выше, чем действенная любовь.

После принятия христианства на Руси появился искренний интерес к местам, где разворачивались события, описанные в Новом Завете. В Иерусалим отправилось множество паломников, в числе которых были люди самых различных сословий: купцы, бояре, епископы, монахи, – оставившие многочисленные описания своих паломничеств. Эти описания получили название «Хождения». Самое древнее «Хождение» составлено в начале XI века черниговским игуменом Даниилом: подробное описание Святых мест, Поклонной горы, Золотых ворот, реки Иордан и окрестностей Иерусалима. Игумен Даниил молился у Гроба Господня, поставил там лампаду от всей Русской земли и совершил пятьдесят литургий «за князей русских и за всех христиан». Сведения Даниила настолько подробны и точны, что его «Хождение» долгое время оставалось на Руси самым популярным описанием Святой земли и путеводителем для русских паломников. При этом прочитавший и переписавший «Хождение» считался как бы совершившим паломничество. Из Иерусалима на Русь благодаря «Хождениям» стали привозиться святыни – плита от Гроба Господня, части ризы Господней, дерево Креста, камни от Голгофы и Гроба Богородицы.

Многие события истории X–XI веков отразились и в былинах – новом эпическом жанре, возникшем в X веке. Наиболее обширный былинный цикл посвящен князю Владимиру Святославичу, активно оборонявшему Русь от печенегов и получившему прозвище Красное Солнышко. Также одним из главных героев этого цикла был крестьянский сын богатырь Илья Муромец – защитник всех обиженных и несчастных.

С принятием христианства связано появление и первых учебных заведений. По сообщению летописи, сразу после крещения киевлян князь Владимир Святой устроил школу, в которой должны были обучаться дети «лучших людей». Во времена Ярослава Мудрого в школе при Софийском соборе обучалось уже более 300 детей. Своеобразными школами были и монастыри. В них переписывали и переводили церковные книги, изучали греческий язык. Как правило, при монастырях существовали школы и для мирян.

Архитектурные традиции Киевской Руси были восприняты из Византии, откуда после Крещения двинулись на Русь архитекторы, иконописцы, техники. Центром монументального зодчества этой эпохи стал Киев. Археологические раскопки и летописи свидетельствуют об обширном строительстве в Киеве уже в княжение Ольги и Владимира (X век), когда был создан Киевский кремль с каменными крепостными стенами, княжеский дворец, множество монастырских построек.

Первым каменным храмом Древней Руси принято считать Десятинную Успенскую церковь (998 г. Название было связано с десятой частью доходов, отдаваемых князьями на сооружение храма), огромную по величине и роскошную по внутреннему убранству. Это был княжеский храм, и именно поэтому в ней были похоронены и князь Владимир, и его жена Анна. Храм был разрушен монголами в 1240 году, сохранились только фундаменты, и поэтому его внешний вид можно представить лишь приблизительно.

Интенсивное строительство разворачивается в Киеве в эпоху Ярослава Мудрого (1019–1054). Ярослав создает в Киеве новый архитектурный комплекс, центром которого стал Софийский собор (1037). Рядом располагались Ирининская и Георгиевская Церковь. Весь город был обнесен новыми каменными городскими стенами, архитектурным центром которых стали Золотые ворота (сохранились их остатки) с надвратной церковью. Из других памятников киевского зодчества этой эпохи следует отметить Великую Успенскую церковь (1073–1083), надвратную церковь Киево-Печерской лавры (1106), собор Кирилловского монастыря и др.

Вторым центром монументального зодчества Киевской Руси был Чернигов. Из восьми известных по летописям черниговских храмов уцелело пять. Древнейшим из черниговских памятников этой эпохи является Спасо-Преображенский собор, сооруженный Мстиславом Храбрым во второй четверти XI века. В Чернигове сохранились также заслужи-

вающие внимания собор Елецкого монастыря (1069) и Борисоглебский собор (1090). Несколько позднее киевского Софийского собора был сооружен храм «о семи верхах» Софии в Полоцке (1044–1066), по своему плану и архитектуре являющийся упрощенным типом киевской Софии.

В Новгороде в 1045–1050 годах был возведен Софийский собор, до сих пор являющийся архитектурным центром кремлевского ансамбля и всего Новгорода. «Где Святая София, там и Новгород», – гласила новгородская пословица. На противоположном берегу реки Волхова, напротив Кремля, стоит Николодворищенский собор с фресками (1113), являвшийся центром великокняжеской резиденции – Ярославова дворища. Еще один уникальный памятник – Георгиевский собор (1119) – сохранился в Юрьевом монастыре под Новгородом. В башне собора сохранились фрески XII века. Наиболее древним памятником Пскова, дошедшим до нас, является собор Мирожского монастыря (1130–1152). Внутренняя архитектура и роспись собора сохранились в первоначальном виде, но снаружи здание подверглось значительным перестройкам.

Храм в Древней Руси издавна был, по определению известного ученого и богослова П. А. Флоренского, «синтезом искусств». Иконы и фрески, а в некоторых случаях и мозаики, хоровое пение, торжественное богослужение – все это складывалось в удивительное свидетельство о Боге, выражаемое на самых различных языках искусства. В этом сви-

детельстве именно архитектура становилась организующим началом для разных жанров искусства.

Памятники гражданского зодчества того времени до нас не дошли. Летописи сохранили сведения об архитектурных ансамблях городских кремлей, монастырей, дворцовых усадеб. К сожалению, юг Киевской Руси значительно пострадал от нашествий печенегов и половцев, и в особенности от нашествия монголов, разрушивших в 1240 году Киев.

Самые первые иконы были привозными и попадали на Русь из Византии или Болгарии, их получали в подарок русские князья, привозили паломники. Среди таких икон самой известной является знаменитая «Богоматерь Владимирская», написанная в XI – первой половине XII века и подаренная князю Владимиру Мономаху константинопольским патриархом Лукой ХризOVERгом. Первыми иконописцами Киевской Руси были приезжие греки, мастера классической эпохи византийского искусства, которые уже с самого начала в росписях первых храмов, например Десятинной церкви (сохранились фрагменты росписи конца X века, найденные при раскопках руин храма), киевской Софии (1037–1161/67), пользовались помощью русских художников. К XI веку относится и деятельность учеников греков – первых известных русских иконописцев: монахов Киево-Печерского монастыря, преподобного Алипия (Алимпия). Алипий был отдан своими родителями в «научение иконного воображения» греческим мастерам, приехавшим расписывать Успен-

скую церковь Киево-Печерской лавры. Здесь он «учася мастером своим помогаше». Как свидетельствует житие Алипия, он постоянно трудился, писал иконы для игумена, братии, всех нуждающихся в иконах храмов и людей, ничего не взимая за свой труд. Его иконы были широко известны и отправлялись далеко за пределы Киева. Так, одна из них – икона Богоматери – была передана князем Владимиром Мономахом в Ростов для построенной им там церкви. Известно также, что у Алипия был ученик Григорий. Именно Алипий считается родоначальником русской иконописи.

О киевском периоде русской живописи можно судить главным образом по фрескам и мозаикам. До наших дней сохранились мозаики Софии Киевской и фрагменты мозаик разрушенного в 30-х годах XX века Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Мозаика, собираемая из разноцветных кусочков смальты, – совершенно особая техника, утраченная после монгольского нашествия и возрожденная лишь в XVIII веке. Составленный из тысяч маленьких кусочков священный образ в трепетном свете свечей начинал «дышать», переливаться волнами света, изображение искрилось сотнями разноцветных искорок.

Политическая раздробленность на Руси

Русская земля в канун раздробленности

После смерти Владимира между его сыновьями началась ожесточенная кровавая усобица. Один из сыновей Владимира, Святополк (1015–1019), захватил власть в Киеве и объявил себя великим князем. Для того чтобы укрепиться на престоле, Святополк приказал убить троих своих братьев: Бориса ростовского, Глеба муромского и Святослава древлянского.

Владимир имел двенадцать сыновей, матери у них были разные: старший сын – Вышеслав, после него – Изяслав, третий – Святополк, который впоследствии стал убийцей своих братьев Бориса и Глеба. Мать его, гречанка, прежде была монахиней. От Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки – Борис и Глеб.

Владимир посадил Святополка на княжение в Пинск, Ярослава – в Новгород, Бориса – в Ростов, а Глеба – в Муром. В 1015 году, после смерти Владимира, Святополк, сев на княжение в Киеве, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат,

хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Однако сразу же после этого Святополк отправился в Вышгород, созвал вышгородских воевод и спросил их: «Признайтесь мне без утайки, преданы ли вы мне?» Один из воевод, Путша, ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя». Тогда Святополк сказал: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его!» – и послал их навстречу Борису.

Борис тем временем раскинул свой стан на Альте. Наступил вечер, Борис ощущал невыносимую тоску и повелел совершать богослужение. Сам же вошел в свой шатер и стал молиться. Потом лег спать, но его сон тревожили горькие мысли и тяжкая печаль: он предчувствовал свой мучительный конец. Проснувшись, он вновь начал молиться Богу.

Посланные Святополком воины пришли на Альту ночью и, подойдя близко, услышали голос молящегося Бориса. Обнажив мечи, они ворвались в шатер и пронзили его копьями и мечами, после чего перебили многих слуг Бориса. Тело его, обернутое в шатерное полотно, тайно отвезли в Вышгород и погребли в земле у церкви Святого Василия.

Однако Святополку этого было мало. Боясь мести других братьев (в особенности Глеба), он решил прежде всего расправиться с ним и послал за Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжело болен он».

Глеб отправился с небольшой дружиной. Когда он добрал-

ся до Смоленска, пришла к нему весть от Ярослава: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком». Глеб горько оплакивал своего брата. В это время внезапно появились посланные Святополком слуги. Глеб плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье реки. Убийцы стали грести к ладье Глеба, который, увидев их, обрадовался и подумал, что они хотят его приветствовать. Наконец ладьи поравнялись, и убийцы начали перескакивать в ладью князя с обнаженными мечами в руках. У дружинников «весла из рук выпали, и все помертвели от страха». Глеб понял, что пришел его смертный час. Тем временем повар Глеба, Торчин, по приказу главного из нападавших взял нож и перерезал князю горло. Тело его бросили в пустынном месте между двух колод. По преданию, через некоторое время появились свидетельства о том, что проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, горящие свечи или слышали ангельское пение. Таким образом было обнаружено тело Глеба и погребено. Святослав, узнав о гибели братьев, пытался скрыться, но был настигнут и также убит.

Убийство невинных братьев Бориса и Глеба, безропотно принявших свою смерть, потрясло Русь того времени и вызвало резкое осуждение общества. Вскоре они были причислены Русской церковью к лику святых (канонизированы) и стали первыми святыми Русской земли, а Святополк получил в народе прозвище Окаянный.

Занимавший престол в Новгороде Ярослав Владимирович понимал, что опасность угрожает и ему, и решил выступить против Святополка, призвавшего на помощь печенегов. Войско Ярослава состояло из новгородцев и наемников-варягов. Междоусобная война между братьями завершилась победой Ярослава и бегством Святополка в Польшу, где он вскоре умер, а Ярослав Владимирович утвердился в качестве великого князя киевского (1019–1054).

В 1024 году против Ярослава выступил его брат Мстислав тмутараканский. Он представлял собой характерный для Средневековья тип князя-рыцаря и, понимая, что его не желают видеть в Киеве, заключил с Ярославом мир, по которому вся нынешняя Левобережная Украина (к востоку от Днепра) отошла к Мстиславу. Столицей ее стал Чернигов, а все, что на правом, западном берегу, со столицей Киевом, осталось в руках Ярослава. Только после смерти Мстислава в 1035 году Ярослав вновь объединил под своей державой все русские земли, и это было время относительного спокойствия. Однако после его смерти Русь вновь вступила в период княжеских усобиц.

Перед смертью Ярослав Мудрый разделил свои владения между своими сыновьями – Изяславом (1054–1073, 1076–1078), Святославом (1073–1076) и Всеволодом (1078–1093). Княжение последнего было особенно беспокойным: младшие князья ожесточенно враждовали из-за уделов, половцы часто нападали на русские земли. Сын Святослава князь

Олег вступил с ними в союзные отношения и неоднократно приводил на Русь, разоряя и грабя русские города.

После смерти Всеволода самые реальные шансы занять княжеский престол имел его сын – знаменитый князь Владимир Мономах.

Князь Всеволод был женат на греческой царевне, дочери императора Константина Мономаха, поэтому его сын Владимир и получил прозвище Мономах. Он родился в 1053 году, за год до смерти Ярослава Мудрого. Проведя свое детство в Переяславской земле, где сидел Всеволод, Владимир уже с ранних лет познакомился с воинским делом. Вместе с тем он, несомненно, тогда же начал получать разностороннее образование, возможно, под руководством своего отца. Достигнув совершеннолетия, Владимир женился на Гите, дочери английского короля Гарольда. Уже в юности Владимир постоянно участвовал в военных походах и княжеских охотах, проявляя замечательные дарования: мужество, решимость, сметливость, быстроту при передвижениях. Сам он писал в своем знаменитом «Поучении...» так: «Всех походов моих было 83, а других маловажных не упомяну; с половцами заключал мир 19 раз; до сотни князей их отпустил на свободу, а более двухсот изрубил и потопил. На охоте в лесах я вязал диких коней зараз по 10 и 20; дважды тур метал меня на своих рогах вместе с конем; одна лось топтала меня, а другая бодала, вепрь сорвал меч с бедра, медведь схватил зубами подклад у колена, лютый зверь [барс?] вскочил

ко мне на бедра и повалил коня вместе со мною; но Бог сохранил меня невредимым».

Будучи суровым воином на поле битвы, Мономах отличался вместе с тем необыкновенной добротой и с ранней молодости старался помогать всем нуждающимся. Он всегда прощал обиды, нанесенные лично ему, никому не позволял обижать бедняка или вдову и сам совершал суд на своей земле. Он был набожным человеком и стремился часто бывать на богослужениях в храмах. Ясно понимая, что княжеские усобицы губят Русскую землю, Владимир Мономах делал все, от него зависящее, чтобы жить в мире и любви с остальными князьями. Он всегда держал слово и жертвовал своими выгодами, когда это было нужно для поддержания мира. Владимир, как свидетельствует предание, был «красен лицом, невелик ростом, но крепок и силен; имел большие глаза, рыжеватые и кудрявые волосы, широкую бороду и высокий лоб».

В походе против старых врагов Руси – половцев – Владимир Мономах играл главную роль и сумел обеспечить победу. Объединенное половецкое войско было разбито, половцы бежали, а многочисленные половецкие ханы были безжалостно убиты. Случай убийства пленных, к тому же знатных, был для того времени не совсем обычен, потому что победившая сторона предпочитала отдавать пленников за выкуп, и сумма выкупа была тем больше, чем знатнее пленный. Однако в данном случае убийство пленных означало только од-

но: Владимир решил навсегда покончить с половецкой опасностью. Однако, даже невзирая на популярность князя Владимира Мономаха среди киевлян, ему пришлось отказаться от прав на престол, поскольку в Киеве сильное влияние имела боярская группировка, настроенная против потомков Всеволода в пользу детей князя Изяслава, имевших больше прав на княжеский стол.

Новый князь Святополк Изяславич II (1093–1113) оказался слабым и нерешительным полководцем и плохим дипломатом. Его спекуляции хлебом и солью во время голода вызвали гнев киевлян, поэтому смерть этого князя послужила сигналом к народному выступлению. Огромные толпы горожан ворвались на двор князя и начали громить его. Разорению подверглись также дворы киевского тысяцкого и ростовщиков. Помня о той популярности, которой пользовался среди жителей Киева князь Владимир Всеволодович Момах, Боярская дума пригласила его на киевский стол (1113–1125). Умному и дальновидному политику, Владимиру удалось собрать распадающуюся Русь и удержать ее под своей властью. После его смерти единство Русской земли еще держалось при его сыне Мстиславе Великом (1125–1132), после чего Русь окончательно распалась на отдельные самостоятельные земли-княжества. Вместо Киевской Руси возникло около полутора десятков самостоятельных земель: Галицкая, Полоцкая, Черниговская, Ростово-Суздальская, Новгородская, Смоленская и др. Процесс экономического обособ-

ления и политического дробления повторялся и внутри этих земель: почти каждая из них, в свою очередь, превращалась в систему полунезависимых княжеств и, наконец, почти каждый более или менее крупный город стал центром отдельного княжества. Таким образом Русская земля раздробилась на массу осколков.

Однако сразу же начинается и другой процесс: из этих осколков очень быстро образуются более крупные объединения, которые начинают притягивать к себе все остальные княжества, заставляя войти в орбиту своего влияния и соседей. На юго-западе таким княжеством становится Галицкое, на севере – Новгородская земля и в Северо-Восточной Руси – Владимиро-Суздальское княжество. И этот процесс, хотя и прерванный монголо-татарским нашествием, окончательно остановить уже не удастся. Но на это постепенное объединение земель потребовались многие десятки и сотни лет. Должны были уйти в вечность поколения – носители идей, привычек, идеологии, – которые помнили времена Владимира Святого и Ярослава Мудрого. За ними родились новые поколения, которые руководствовались только своими, муромскими, смоленскими, черниговскими и прочими, интересами. И лишь потом на смену им пришло поколение, которое сознавало, что центр государства должен быть один и что только это обеспечит единство и жизнь этой огромной страны. Раздробленность Руси существовала до конца XV века, когда большая часть территории бывлой Киевской дер-

жавы вошла в состав Московского государства.

Итак, единство Древней Руси продолжалось недолго и было очень условным. Однако назвать это время феодальной раздробленностью нельзя, поскольку она наступает лишь тогда, когда окончательно сформировываются отдельные княжества со своими столицами, а на этих землях закрепляются свои княжеские династии. Борьба же между сыновьями и внуками Ярослава была направлена главным образом на поддержание принципа родового владения Русью.

Предпосылки раздробленности

Итак, в 1132 году начался многовековой период раздробленности, закончившийся лишь в начале XVI века. Каковы же были причины этого явления? Можно ли было избежать его? Какое значение он имел для истории Руси?

Необходимо подчеркнуть, что это явление не было уникальным: в разное время оно наблюдалось во всех крупных странах Европы. В определенные периоды в Англии, Франции, Испании, Италии, Германии также не было единства. И Русь тоже проходит этот путь.

Среди многих предпосылок раздробленности, которые обычно называют, необходимо, вслед за С. Ф. Платоновым, отметить две основные. Первая (политическая) – существование «лествичного права», особой системы наследования княжеского престола. И вторая (экономическая) – раздроб-

ленность была необходима для развития экономики отдельных земель.

Чтобы лучше понять, что представляло собой «лествичное право», необходимо обратиться к следующему примеру.

Носителем верховной власти в Киевской державе считался весь княжеский род, а каждый отдельный князь – только временным владельцем княжества, которое доставалось ему по очереди старшинства. Ярослав Мудрый, умерший в 1054 году, оставил после себя пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря – и внука Ростислава от самого старшего сына Владимира (к этому времени Владимир уже умер). Перед смертью Ярослав оставил следующее распоряжение: Киев и Новгород получает старший сын Изяслав; следующий по значению город, Чернигов, отходит к Святославу; Переяславль (южный) достается Всеволоду; Вячеслав получает Смоленск; а младший, Игорь, – совсем небольшой город Владимир-Волинский. Таким образом, получалась своеобразная «лестница», где все города распределялись в зависимости от своей экономической мощи и политического значения. Поэтому такая форма наследования престола и получила название «лествичное право». Оно было «горизонтальным» принципом наследования престола, когда наследство киевского князя распределялось по старшинству между всеми.

После смерти Изяслава киевский стол должен был занять следующий брат, Святослав, княживший в Чернигове, куда

из Переяславля перебирался Всеволод, и далее таким же образом передвигались из города в город все остальные. На освободившийся престол последнего города назначался, как правило, старший сын Изяслава, и процесс продолжался. Однако очень редко случалось, чтобы все наследники успели покняжить в Киеве. Согласно традиции, если князь умирал, не покняжив в Киеве, то его потомки теряли право на киевский престол и «доходили» по указанной «лестнице» только до того города, где умер их отец. Соответственно, если потомки другого князя не княжили в Чернигове, то они теряли права на Чернигов. Такие князья становились «частичными изгоями» в отношении определенного города, определенного княжества. Нередки были и «полные изгои» – те, кто не имел права занимать стол ни в одном городе, и тогда бывало, что князья-изгои жили грабежами и разбоем.

Таким образом, выстроилась очень сложная система наследования, при которой нередко старшего по возрасту родственника обходил младший, но главное – большое количество княжеских детей оставалось вообще вне этой системы, и постепенно их число все увеличивалось. Совершенно очевидно, что уже во втором поколении порядок наследования запутывался очень сильно. Если к этому еще добавить и свойства человеческого характера: зависть, злобу, мстительность, семейные счеты, вмешательство боярства отдельных городов и земель, – то разрешить любую возникшую при наследовании проблему можно было только мечом и набегом.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что постоянно стремившиеся в Киев князья, оказавшись в очередном городе, служившем одной из «ступенек» этой лестницы, стремились как можно скорее оставить его и двигаться дальше. Разумеется, при таком положении дел князь не слишком заботился о своем временном пристанище, не чувствовал себя хозяином, ибо в любой момент мог сняться с места. В свою очередь, и жители города не торопились в случае какой бы то ни было опасности извне умереть за своего князя, поскольку не видели в нем внимательного хозяина и правителя.

Безусловно, князья понимали губительность кровавых усобиц, разорявших Русскую землю. Свидетельством этого стали три княжеских съезда: в городе Любече (1097), в Витичеве, или Уветичах (1100), и на Долобском озере (1103). Стоит напомнить, что съезд князей (снем) был главной формой политического общения князей вплоть до XIV века. Первый съезд занимался восстановлением прав потомков Святослава на черниговский стол, поскольку Святослав в свое время не оставил законных прав на Чернигов, хотя был в Чернигове. На Любечском съезде князья подтвердили и восстановили права его наследников, и потомки Святослава вновь стали черниговскими князьями. На этом съезде были сказаны известные слова: «Каждый держит отчину свою», то есть участники съезда договорились, что отныне каждый из них будет править в земле, доставшейся ему от отца. Однако вскоре после Любечского съезда разгорелась жестокая меж-

доусобица, во время которой был ослеплен князь Василько Тербовльский. Осознавшие гибельность такого пути князья собрались на новый съезд в Уветичах, где восстанавливали взаимоотношения и целовали друг другу крест в знак присяги. В 1103 году съезд князей на Долобском озере совместно решал вопрос о борьбе с половцами, что также свидетельствовало о понимании князьями необходимости единства в деле борьбы с внешними врагами Русской земли.

Второй предпосылкой было то, что раздробленность явилась закономерным итогом экономического и политического развития раннефеодального общества Руси. Складывание в Древнерусском государстве крупных землевладений – вотчин – в условиях господства натурального хозяйства неизбежно делало их вполне самостоятельными огромными производственными комплексами, экономические связи которых ограничивались ближайшей округой. Существовавшие торговые и ремесленные потребности могли удовлетворяться в быстро развивающихся местных хозяйственных и политических центрах – городах. Подъем производительных сил на местах вызывал рост числа городов и их населения, в том числе и в тех городах, которые раньше не играли существенной экономической роли.

Формирующийся в это же время социальный слой феодальных землевладельцев стремился к установлению различных форм экономической и юридической зависимости земледельческого населения. В XI–XII веках противостоя-

ние между боярами и земледельцами носило в основном локальный характер, для разрешения возникавших проблем вполне хватало сил местных властей, и они не требовали общегосударственного вмешательства. Данные условия делали крупных землевладельцев – бояр-вотчинников – почти полностью экономически и социально независимыми от центральной власти. Местное боярство не видело необходимости делиться своими доходами с великим киевским князем и активно поддерживало в борьбе за экономическую и политическую самостоятельность властителей отдельных княжеств.

Внешне распад Киевской Руси выглядел как раздел ее территории между различными членами разросшейся княжеской семьи. По сложившейся традиции местные престолы занимали, как правило, только потомки дома Рюрика.

Наступившая раздробленность дала возможность более прочному утверждению на Руси развивающейся системы феодальных отношений. На данном этапе отдельному хозяйству справиться со своими экономическими проблемами было гораздо легче, нежели всем вместе. И каждое отдельное княжество, выделившись в процессе раздробленности, развивалось быстрее и успешнее, нежели находясь в союзе с другими землями. С этой точки зрения можно говорить об исторической прогрессивности раздробленности, в рамках которой шло дальнейшее развитие экономики и культуры. Однако распад былой единой державы имел и ряд отрицательных последствий, главным из которых было усиление

уязвимости русских земель от внешней опасности, особенно в условиях возможного появления сильного противника, а также изменение общественного сознания, когда житель каждого отдельного княжества воспринимал себя не гражданином всей Русской земли, а только патриотом своего небольшого городка или княжества и не стремился на помощь своим собратьям из других земель.

Крупнейшие земли Руси в конце XI – начале XIII века

Крупнейшими землями эпохи раздробленности являлись Владимиро-Суздальское (Ростово-Суздальское) и Галицко-Волынское княжества и Новгородская феодальная республика.

Владими́ро-Сузда́льская земля. Основание Москвы

Владими́ро-Сузда́льская земля занимала междуречье Оки и Волги. Древнейшими жителями этого края были славяне и финно-угорские племена, часть которых впоследствии была ассимилирована славянами. Благоприятное воздействие на экономический рост этой Залесской земли оказывал усилившийся с XI века приток славянского населения, особенно с юга Руси, под влиянием половецкой угрозы. Важ-

нейшим занятием населения этой части Руси было земледелие, которое велось на благодатных выходах чернозема среди лесов (так называемые ополья). Заметную роль играли ремесло и связанная с Волжским путем торговля. Древнейшими городами княжества были Ростов, Суздаль и Муром, с середины XII века столицей княжества стал Владимир-на-Клязьме.

Начало установления самостоятельности Ростово-Суздальской земли произошло в правление одного из младших сыновей Владимира Мономаха – Юрия Владимировича, сделавшего своей столицей Суздаль. Юрий был сыном Владимира Мономаха. Всю жизнь он ненавидел Изяслава, своего племянника (сына своего брата Мстислава, сидевшего на киевском престоле после Владимира Мономаха), занявшего киевский престол, и долгие годы посвятил борьбе с ним. За то, что из Суздаля он пытался дотянуться до Киева, он получил прозвище Долгорукий.

Известный историк Татищев оставил нам описание внешности князя. «Сей князь, – пишет он, – был роста немало, толстый, лицом белый, глаза невелики, нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель сладких пиц, жен и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев».

Он несколько раз захватывал Киев, бывал изгнан, опять захватывал и в самом конце жизни все-таки стал киевским

князем. Однако это не значит, что он не заботился о княжестве, которым правил. Проводя активную политику в интересах своей Суздальской земли, князь стремился опираться на местное боярство, городские и церковные круги. Он выстроил под Суздалем свою резиденцию (до сих пор на высоком берегу реки стоит древний Борисоглебский храм, бывший когда-то главным храмом княжеского двора) и активно защищал границы своего княжества, создавая новые города и укрепляя уже существующие. Им был основан ряд новых городов: Дмитров, Кснятин, Переяславль, Юрьев-Польской, Городец, Звенигород (до сих пор во многих этих городах можно видеть валы, насыпанные при Юрии Долгоруком), и впервые, именно при Юрии, в 1147 году упомянута в летописи Москва.

В этом году неизвестный писец на страницах Ипатьевской летописи отметил встречу великого князя Юрия Долгорукого и Святослава, князя новгород-северского: «И прислав Гюрги и рече: „Приди ко мне, брате, в Москов“». Встреча была очень теплой и радостной, сам Юрий получил в подарок «пардуса» – не то живого барса, не то просто шкуру, что в любом случае было на Руси немалой редкостью, и на правах хозяина «наутрии же день повеле... устроить обед силен и створи честь велику им» и отпустил гостей с богатыми дарами. Таково было летописное «рождение» Москвы.

Однако существует и немало любопытных преданий, сказаний и легенд о начале города Москвы. Познакомимся с

наиболее яркими и характерными из них.

Триста лет тому назад московские книжники считали основателем Москвы старейшину Мосоха, сына Иафетова, внука ветхозаветного праотца Ноя (того самого, который построил ковчег). В конце XVII века иеродиакон Тимофей Каменевич-Рвовский написал сочинение «О древностях Российского государства», в котором изложил предание, удивившее историю Москвы в глубь тысячелетий. Согласно ему, Мосох «сотворил убо себе и всему роду своему основание начальное жительство своего на преднадвысочайшем и всепрекрасном месте своем Московском над двема рекама (Москвой и Яузой)... Сию же реку (Москву) тогда сущую безымениту бывшую от исперва... наименовал по имени своему, самого себя и жены своея, княгини прекрасныя и прелюбезныя, нарицаемыя Квы... Вторую же, меньшую реку преименовал ю [ее] Мосох вместо чадородий своих честных, сына своего первородного, именуемого сице Я... и во имя дщери своея Вузы прекрасныя и прелюбезныя».

Таким образом, по преданию, первыми жителями нашей столицы стали ветхозаветный князь и члены его семьи, а название «Москва» составилось из имени Мосоха и жены его Квы. Безусловно, это всего лишь красивая легенда, которая вызывала сомнения уже вскоре после своего появления.

Немало фантастичного и в других сказаниях, которые, впрочем, не рискуют раздвигать пределы русской истории до времен Ноя. Так, известно пророчество о Киеве св. Андрея

Первозванного, который, стоя на высоких горах над Днепром, предсказал появление на этом месте города и его великую будущность. Подобно ему, сказание о начале Пскова передает пророчество об этом городе святой княгини Ольги. И, конечно, о Москве, как великом городе, также пророчествовали похожим образом.

Легенда говорит, что на высоком Боровицком холме, где теперь стоит Московский Кремль, жил подвижник, старый киевский князь Букал (Букол, Вукол). И однажды во сне ему было возвещено, что на месте его жительства возникнет город Москва, и изведает этот город множество тяжких испытаний, но впоследствии будет славен. Пустынный немедленно поднялся и пошел в близлежащее село Косино, где рассказал о своем видении священнику, и оба они в храме стали молить Бога за православный народ и будущий город Москву. И вот, во время Божественной Литургии в храме явилась Мать Божия, и храм опустился под землю, а на его месте образовалось озеро, под волнами которого не умолкает и до сих пор молитва за Москву.

Итак, мы видим в ряду основателей Москвы и библейского Мосоха, и некоего князя-отшельника Букала. И этими именами перечень не исчерпывается. Среди тех, кого связывают с основанием столицы, и киевский князь Олег, и «князь великий Данило», и «гречин [грек] Василий», и римлянин Подон, и даже некий фантастический «зверь превелик и пречуден», виденный Данилом на болоте на месте буду-

щей Москвы. Эти легенды создавались не случайно. Возводя начало Москвы к древнейшим временам и великим людям, книжники подчеркивали величие города, его исключительность и святость, особую роль в истории. Нельзя отвергать эти предания лишь потому, что они недостоверны, – ведь в них раскрывается взгляд древних москвичей на свой город, мироощущение московских жителей. Эти сказания – один из источников гордости москвичей за свою столицу, и мы, узнав эти предания, понимаем, почему так яростно обороняли свой город его жители: богоблагодатная, древняя, святая столица не могла и не должна была погибнуть.

Обратимся теперь к иным преданиям. Возьмем первое из них – «О зачале московского княжения, како зачало бысть, а ныне великий пресловущий и преименитый царствующий град сияет» (XVII век) – и сразу перед нами в околomosковских лесах разворачивается настоящая трагедия.

По наущению неверной жены за суздальским князем Даниилом Александровичем гонятся убийцы – сыновья боярина Кучки, «злии, аки волци лютии». Выскочив на берег реки, князь заметил лодку и стал умолять перевозчика переправить его на другой берег. Не узнав князя, перевозчик начинает требовать плату вперед: «Лихи-де вы люди оманчивы, како перевезти за реку вас и удете, не заплатя перевознаго», – а у князя не было с собой ничего, даже коня своего, спасаясь, он оставил в чаще. В отчаянии князь сорвал с руки золотой перстень – все, что у него было, положил на весло,

протянутое перевозчиком... и в ужасе увидел, что тот, взяв перстень, вдруг оттолкнулся веслом от берега и стал уплы- вать, вероломно оставив князя на берегу. Потеряв послед- ную надежду, Даниил Александрович бросился бежать по берегу и вскоре наткнулся на старый могильный сруб («стру- бец»). Князь влез в него и вскоре задремал. Но злодейка-же- на, боясь мести мужа, вспомнила, как он сам некогда сове- товал ей, «если случитца смерть безвестная на поле» или «от крымских людей убит буду», послать на поиски его тела лю- бимого им пса. Взяв собаку, Кучковичи возвратились в лес. Пес, конечно, легко нашел хозяина и «нача ему радоваться ласково». Убийцы же нашли князя и, пронзив его мечами и копьями и отрубив голову, бросили на месте его тело. Но и сами не избегли кары. Брат Даниила Андрей Александрович казнил изменницу-жену и убийц Кучковичей, забрал богат- ства их, после чего, обратив внимание на красоту мест гибе- ли его брата, основал здесь городок Москву.

Существует и другое сказание. Однажды уже знакомый нам князь Юрий Владимирович Долгорукий направлялся из Киева во Владимир к своему сыну Андрею и проезжал в глухом лесном краю, на берегах Москвы-реки, «села крас- ные», принадлежавшие богатому боярину Стефану Ивано- вичу Кучке. Боярин был не только богат, но и горд до такой степени, что не оказал обычных почестей князю, «поносив его к тому ж». Юрий Долгорукий был не из тех, кто проща- ет подобные обиды. Недолго думая князь повелел «боярина

ухватити и смерти предати», а его детей, малолетних сыновей Петра и Якима и дочь – красавицу Улиту, отослал во Владимир к своему сыну. После чего князь «взыде на гору и обозре с нее очима своима семо и овамо [туда и сюда]... возлюбил села оныя и повеле на месте том вскоре соделати мал деревян град и прозва его званием реки тоя Москва-град по имени реки, текущая под ним».

По мнению историков, из многочисленных преданий (и даже групп преданий) о начале Москвы наиболее близка к истине та группа, которая упоминает конфликт князя Юрия Долгорукого и боярина Кучки. Ведь имя боярина Кучки упоминается и в летописном рассказе об убийстве князя Андрея Боголюбского, сына Юрия.

Старший сын Юрия Долгорукого Андрей Юрьевич Боголюбский (1157–1174) родился и вырос на севере и, в отличие от отца, главной своей опорой считал родные земли. Получив от Юрия управление в Вышгороде (близ Киева), еще при жизни отца Андрей Боголюбский покинул его и со своим окружением ушел в Ростов. Уходя, он взял с собой в Ростово-Суздальскую землю знаменитый образ Богоматери, написанный, по преданию, евангелистом Лукой и переданный отцу Боголюбского константинопольским патриархом Лукой ХризOVERгом.

По преданию, неподалеку от Владимира лошади, везшие икону в Ростов, остановились и не хотели идти дальше. Андрей приказал раскинуть шатры, во сне ему явилась Богома-

терь и приказала написать икону, на которой изобразить ее так, как она привиделась князю, а кроме того, оставить ее образ, взятый из Вышгорода, во Владимире. Наутро обоз с иконой благополучно двинулся далее, достиг Владимира, и икона была поставлена в Успенском соборе города, где находилась до конца XV века, когда была перенесена в Москву. На месте же чудесного явления Богоматери Андрей основал свою резиденцию, которая была названа «Боголюбово». Икона, привезенная князем Андреем, впоследствии стала самой почитаемой на Руси, защитницей Москвы и по месту своего первоначального пребывания получила название «Богоматерь Владимирская» (сейчас она хранится в Третьяковской галерее). Вскоре по приказанию Андрея Боголюбского был написан образ Богоматери, получивший название «Боголюбовская Богоматерь» (в настоящее время находится в соборе Княгинина монастыря во Владимире).

После смерти отца в 1159 году Андрей Боголюбский не стал занимать киевский престол, а остался в своей земле и перенес ее столицу из Ростова во Владимир-на-Клязьме. На укрепление и украшение своей столицы он не жалел средств. Неподалеку от Владимира он создал свою резиденцию Боголюбово. Окруженная каменными стенами, что было огромной редкостью, резиденция вмещала в себя роскошный княжеский дворец и прекрасный храм, украшенный золотом, драгоценными камнями и приводивший в изумление как самих жителей Владимира и Боголюбова, так и иноземных го-

стей. Андрей Боголюбский, находясь во Владимире, продолжал держать под своим контролем Киев и в 1169 году напал на него. Город был взят приступом «на щит», разгромлен и сожжен, чего прежде русские князья никогда не делали по отношению к Киеву. Победители два дня грабили и разоряли город и, по словам летописца, «были в Киеве тогда на всех людях стон и тоска, плач неутешный и скорбь непрестанная». Однако, взяв Киев, Андрей Боголюбский не пожелал остаться в нем, а перевел сюда своего брата Глеба из Переяславля. Сам он возвратился во Владимир-на-Клязьме. В том же году князь решил так же покорить Новгород, но потерпел сокрушительное поражение и был вынужден мирным путем договариваться с новгородцами. Переговоры имели успех – Новгород принял князя, предложенного Андреем Боголюбским.

Он продолжал укреплять и границы своей земли: благодаря ему в Москве в 1156 году появились первые (из достоверно известных), деревянные стены. Андрей Боголюбский проводил энергичную политику по укреплению сильной княжеской власти и притеснению бояр. Именно он начал активную борьбу за главенство ростово-суздальских князей в русских землях. Жесткий и властолюбивый политик, Андрей Боголюбский опирался на «младшую дружину» (служилых людей), городское население, особенно новой столицы – Владимира. Крутые и часто самовластные действия князя скоро начали вызывать недовольство в кругу крупных бояр. В ре-

зультате сговора знати и представителей ближайшего окружения князя возник заговор, и в 1174 году Андрей Юрьевич был убит в своем дворце в Боголюбове.

По преданию, в заговоре принимали участие родственники убитого Юрием Долгоруким боярина Стефана Кучки, легендарного первого владельца Москвы, а также жена князя – волжская болгарка, ненавидевшая его за разорение своей родины. Договорившись со слугами князя, заговорщики выкрали меч Андрея (по преданию, принадлежавший святому князю Борису) и, войдя ночью во дворец, поднялись по лестнице и постучали в дверь его опочивальни. Князь отозвался и спросил, кто там. «Прокопий», – ответил один из заговорщиков, назвавшись именем комнатного мальчика князя. Однако князь заподозрил неладное и попытался схватить меч, но его не оказалось на месте. Тем временем заговорщики выбили двери и ворвались в опочивальню. Безоружный князь схватился с ними врукопашную и, получив несколько сильных ранений, упал. Заговорщики, думая, что князь скончался, выбежали из комнаты для того, чтобы обсудить дальнейшие планы. Тем временем Андрей Боголюбский пришел в себя и, поняв, что силы слишком неравны и спастись можно только где-нибудь укрывшись, вышел на лестничную площадку и, стеною, хватаясь за стену рукой и оставляя на ней кровавый след, стал спускаться вниз, зная, что под лестницей есть ниша, в которой можно спрятаться. Тем временем убийцы вернулись, но князя не нашли. Они бросились на лестни-

цу и, осветив ее факелами, увидели кровавые пятна, уводившие вниз, и уже через мгновение оказались на нижней площадке. Князь успел сказать только: «Господи, в руки твои предаю дух мой» – и был пронзен мечами. Его тело было выброшено наружу, долго лежало в бурьяне за башней, и никто не решался к нему подойти. Эта башня, помнящая последние минуты жизни Андрея Боголюбского, и сейчас стоит на территории Боголюбовского монастыря под Владимиром.

До недавнего времени было известно лишь о некоторых из убийц князя (уже упоминавшийся ключник Амбал, бояре Кучковичи), однако имен остальных участников заговора никто не знал. Но в 2015 году на наружной стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском был найден уникальный документ – надпись об убийстве князя Андрея Боголюбского, содержащая полный список убийц (больше 10 человек), проклятие им и провозглашение вечной памяти убитому князю.

После смерти Андрея Боголюбского в результате двухлетней междоусобицы на престоле оказался его младший брат – Всеволод Юрьевич, окончательно закрепивший за Владимиром-на-Клязьме статус главной княжеской столицы. Правление Всеволода Большое Гнездо (1176–1212) было периодом наивысшего политического могущества Владимиро-Суздальского княжества. Он казнил убийц своего предшественника, силой оружия разговаривал с рязанскими князьями. Под его контролем находился Новгород Великий, в

зависимости оказалась Муромо-Рязанская земля. Всеволод Большое Гнездо заметно влиял на положение дел в южных русских землях и в конце XII – начале XIII века был самым сильным русским князем. Безвестный автор знаменитого «Слова о полку Игореве» писал, что многочисленные полки Всеволода могли «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломами выльяти». После смерти Всеволода Большое Гнездо начались распри между его сыновьями за наиболее выгодные княжения во Владимиро-Суздальской земле. Во второй четверти XII века на ее территории существовало семь княжеств. Все они в конечном итоге объединились политически под главенством владимирского князя.

Галицко-Волынская и Новгородская земли

Территория Галицко-Волынского княжества простиралась от Карпат до Полесья, захватывая течения рек Днестра, Прута, Западного и Южного Буга, Припяти. Территория княжества с ее плодородными почвами, мягким климатом, степным пространством, перемежающимся реками и лесными массивами, была центром высокоразвитого земледелия и скотоводства. Активное развитие ремесла вело к росту городов. Крупнейшими городами Галицко-Волынского княжества были Владимир-Волынский, Перемышль, Тербовль, Галич, Берестье, Холм. Через галичские и волынские земли проходили многочисленные торговые пути. Водный

путь из Балтийского моря в Черное тянулся по рекам Висла – Западный Буг – Днестр, сухопутные торговые пути вели в страны Юго-Восточной Европы. По Дунаю шел сухопутный торговый путь, ведущий в страны Востока. Значительную роль в экономике княжества играли добыча соли и горное дело.

Активную роль в жизни княжества играло сильное местное боярство, в постоянной борьбе с которым княжеская власть пыталась установить контроль над положением дел в своих землях. Постоянное воздействие на процессы, происходившие в Галицко-Волынской земле, оказывала политика соседних государств – Польши и Венгрии, куда за помощью или с целью найти убежище обращались как князья, так и представители боярских группировок.

До середины XII века Галицкая земля была разделена на мелкие княжества. В 1141 году перемышльский князь Владимир Володаревич объединил их, перенеся столицу в Галич. Возвышение княжества началось во второй половине XII века при князе Ярославе Осмомысле (1152–1187), получившем это прозвище за высокую образованность и знание восьми иностранных языков. Ярослав Осмомysl обладал непререкаемым авторитетом как во внутренних делах княжества, так и в международных. О его могуществе так писал автор «Слова о полку Игореве»:

Галички Осмысловы Ярославе!

Высоко седиши на своем златокованном столе,
Подпер горы Угоркьи [Карпаты]
Своими железными полкы,
Заступив королеве путь...
Грозы твоя по землям текут.

После начавшейся с его смертью смуты на галичском престоле утвердился волынский князь Роман Мстиславич, который в 1199 году объединил Галицкую землю и большую часть Волынской земли в составе одного княжества. Ведя ожесточенную борьбу с боярством, Роман пытался подчинить себе и другие земли Южной Руси. В 1203 году он занял Киев. Под властью Романа Мстиславича объединились Южная и Юго-Западная Русь. Период его правления отмечен усилением позиций Галицко-Волынского княжества внутри русских земель и на международной арене. В 1205 году Роман Мстиславич погиб в Польше, что привело к ослаблению княжеской власти в Галицко-Волынском княжестве и его распаду в дальнейшем.

После смерти князя Романа в 1205 году его наследником стал старший сын Даниил Галицкий (1205–1264), которому тогда было лишь четыре года. В это время галицкое боярство втянулось в длительную и разорительную междоусобную войну, длившуюся около 30 лет. Бояре заключили договор с венгерскими и польскими феодалами, которые захватили Галицкую землю и часть Волыни. В борьбе против польских и венгерских захватчиков произошло сплочение

внутренних сил Юго-Западной Руси. Этим воспользовался князь Даниил и сумел серьезно укрепить свою власть, утвердиться на Волыни, а в 1238 году взять Галич и вновь объединить галицкие и волынские земли. В 1240 году он захватил Киев и объединил Южную и Юго-Западную Русь.

После завоевания Руси монголами Даниил Романович оказался в вассальной зависимости от Золотой Орды. Однако галицкий князь умело использовал противоречия между Монгольским государством и западноевропейскими странами. Золотая Орда была заинтересована в сохранении Галицкого княжества в качестве заслона от Запада. В свою очередь Ватикан рассчитывал при содействии Даниила Романовича подчинить себе Русскую церковь и за это обещал князю поддержку в борьбе с Золотой Ордой и даже королевский титул. В 1253 году (по другим данным, в 1255-м) Даниил Романович был коронован от имени римского первосвященника в городе Дорожчине, однако католичества не принял и реальной поддержки от Рима для борьбы с монголами не получил. Как известно, к князю Александру Невскому тоже приезжали легаты из Рима с попытками обратить его в католицизм, но из этого ничего не вышло. Что же касается Даниила, то удивителен тот факт, что этот человек, тонкий политик, возглавлявший государство много лет, не смог понять, что обещания, которые ему были даны от имени папы, ничего не стоят, а когда он осознал это и разорвал свой союз с Западом, время уже было потеряно. После смерти Даниила его преем-

ники не смогли противостоять распаду Галицко-Волынского княжества, и к середине XIV века Волынь была захвачена Литвой, а Галицкая земля – Польшей. Княжество окончательно перестало существовать.

Новгородская земля с самого начала истории Руси играла в ней особую роль. Ее основная территория располагалась между озером Ильмень и Чудским озером, по берегам рек Волхов, Ловать, Великая, Мста. Территория Новгородской земли делилась на пятины, а те в свою очередь на сотни и погосты. Сам Новгород пересекался рекой Волховом на две стороны – Софийскую и Торговую (Торговище), а в административном отношении состоял из пяти концов (районов). Концы делились на улицы. Ремесленники и купцы создавали свои объединения по профессиям – сотни и братчины. Наиболее значимым по влиянию на жизнь Новгорода было купеческое объединение «Иванское сто», купцы которого вели торговлю медом и воском. На границах Новгородской земли военно-опорными пунктами были Псков, Ладога, Старая Русса, Торжок, Великие Луки, Юрьев. Через эти города проходили важные торговые пути. Самым крупным из этих городов был Псков, который к концу XIII века фактически стал самостоятельной республикой. Новгородская земля отделилась от Киева после восстания 1136 года.

Важнейшей особенностью Новгородской земли было то, что земледелие из-за климата, за исключением выращивания льна и конопли, не давало здесь большого дохода. Поэто-

му Новгород вследствие своего географического положения мог процветать только благодаря торговле и ремеслу. Для занятий торговлей географическое положение Новгорода было очень выгодным, так как он связывал низовые города (те, которые располагались в междуречье Волги и Оки и шли по верховьям Волги) с западом, севером и востоком. Добыча с богатейших промыслов Русского Севера, моржовая кость, сало, мед, воск, хлеб из низовых городов, предметы роскоши из западных стран, оружие, сукна – все это проходило через Новгород и стимулировало развитие новгородской жизни. Именно торговля и ремесло сделали Новгород богатым и процветающим. Доказательством является то, что Новгород один вел торговлю со всем Ганзейским союзом. (Ганза – союз более чем 80 немецких торговых городов, объединенных для совместного ведения дел.) Год от года Новгород богател и по праву считал себя независимым государством.

В XI–XII веках новгородцы освоили южное побережье Финского залива и держали в своих руках выход в Балтийское море, с начала XIII века новгородская граница на западе шла по линии Чудского и Псковского озер. Важное значение для Новгорода имело присоединение обширной территории Поморья от Кольского полуострова до Урала.

Несмотря на размеры Новгородской земли, ее отличали невысокий уровень плотности населения, сравнительно малое, по сравнению с другими русскими землями, число городов. Все города, кроме «младшего брата» Пскова (обосо-

бывшегося с 1268 года), заметно уступали по численности жителей и своему значению главному городу русского средневекового Севера – «господину Великому Новгороду».

Экономический рост Новгорода подготовил необходимые условия для его политического обособления в самостоятельную «боярскую республику» в 1136 году. За князьями в Новгороде остались исключительно служебные функции, и это было одной из особенностей новгородской жизни. Известно, что одним из первых новгородских князей был Владимир Святославич, который отправился туда княжить по совету своего дяди Добрыни, в то время как его старшие братья Ярополк и Олег княжить в Новгороде отказались. Очевидно, с этого момента рождается традиция, в соответствии с которой старший сын киевского князя обычно княжил в Новгороде. Но, в отличие от других стольных городов, Новгород всегда заключал со своим князем ряд договоров, которые на протяжении веков менялись достаточно мало.

Суть их сводилась к тому, что князь принимал на себя обязанность вместе со своей дружиной охранять и защищать Новгород от внешних врагов, а также иногда выполнять обязанности третейского судьи – в тех случаях, когда это необходимо. В свою очередь Новгород должен был содержать князя и его дружину и делать соответствующие выплаты на их нужды. Однако князь не имел права заводить себе земельные владения в новгородских землях, вмешиваться в дела внутреннего правления, а получаемые им доходы с опреде-

ленных за службу владений были строго фиксированы. Если же князь нарушал обязательства, то договор расторгался. Кроме того, потомки князя-правителя не обязательно становились новгородскими князьями. Со временем же новгородцы просто начали приглашать к себе князей из других городов. С середины XII века новгородским князем формально считался великий князь владимирский, но до середины XV века он не имел возможности реально влиять на положение дел в Новгороде.

Почему Новгород приглашал князей, понять несложно. Князь со своей дружиной мог противостоять любой внешней опасности, с которой самим новгородцам было не справиться. Структура же Новгородского государства была создана так, что сопротивлялась любым попыткам князей расширить свою власть и вмешаться во внутренние дела города.

Следует напомнить, что своеобразие политического устройства Новгорода имело еще одну яркую черту: это был вечевой город, а точнее, вечевое государство. Вече (от слова «вещати») представляло собой народное собрание, проходившее под открытым небом. На суд веча выносился ряд вопросов: заключение договоров с князьями, избрание и смещение должностных лиц, назначение воевод, надзор за князем, законодательство, внешние связи и торговля, повинности населения и прочие текущие проблемы. Вопрос ставился на повестку дня и начиналось шумное обсуждение, во время которого одна сторона осиливала другую, в основном кри-

ком. Нередко сторона, одолевшая своих противников, заканчивала свою дипломатическую победу тем, что сбрасывала их в Волхов с моста.

Было вече, которое собиралось регулярно для выборов посадника, тысяцкого или решения каких-либо важных государственных вопросов, но иногда новгородские политические распри достигали такого накала, что вече собиралось внезапно. На главное вече новгородцы сходились перед Софийским собором в центре кремля, и бывали случаи, когда, не достигнув единства в обсуждении вопроса, жители расходились и открывали вече в своих районах (концах) города. Иногда в Новгороде «бушевало» одновременно четыре или пять собраний.

Однако вече было лишь внешней стороной новгородской политической жизни, хотя нередко думают, что именно оно решало все насущные вопросы и было последней инстанцией. На самом деле главную роль в управлении Новгородской землей играли тысяцкий (глава ополчения), епископ (впоследствии архиепископ) Новгородский – в его ведении находились казна республики, внешние сношения Новгорода, право суда и пр., посадник (глава городского управления), которые выбирались под контролем боярства из боярской среды. И наконец, собрание лучших людей, куда входили представители наиболее знатных боярских фамилий (не обязательно самых богатых). Институт лучших людей был почти во всех городах Древней Руси. Таким образом, все насущные

вопросы новгородской жизни решались в этом узком кругу, а затем выносились на рассмотрение веча.

Не следует думать, что вече было исключительно новгородской формой «народного правления». До XIII века вече существовало во всех крупных городах Руси, но именно в Новгороде оно приобрело исключительное значение. Вече прекратило свое существование после присоединения Новгорода и Пскова к Москве – последнее в истории вече состоялось во Пскове в 1518 году.

Для социально-политической истории Новгорода характерны частые городские восстания (1136, 1207, 1228–1229, 1270). Самым крупным из них было восстание 1207 года против посадника Дмитра Мирошкинича и его родственников. Однако к принципиальным изменениям в строе республики эти движения, как правило, не приводили. В большинстве случаев социальное напряжение в Новгороде умело использовали соперничающие боярские группировки, которые руками народа расправлялись со своими политическими противниками.

Исторически сложившаяся обособленность Новгорода от других русских земель имела важные политические последствия. Новгород неохотно участвовал в общерусских делах, в частности выплате дани монголам. Самая богатая и большая по территории земля русского Средневековья не смогла стать центром объединения русских земель. Правящая в республике боярская знать стремилась к защите «старины»,

к недопущению каких-либо изменений в сложившемся соотношении политических сил внутри новгородского общества.

В условиях усилившегося с середины XV века наступления Москвы на новгородскую независимость значительная часть новгородского общества, в том числе не принадлежащая к боярству земледельческая и торговая элита, или перешла на сторону Москвы, или заняла позицию пассивного невмешательства.

Культура Руси в XI – начале XIII века

Эпоха раздробленности была временем дальнейшего развития древнерусской культуры. Распад государства на отдельные самостоятельные территории не привел к уничтожению византийской культурной традиции, а, напротив, стал началом ее творческой переработки и усвоения. Продолжали сохраняться и развиваться общие традиции и принципы, сложившиеся в период существования единого государства. В различных княжествах шел процесс формирования местных художественных школ в литературе, архитектуре и живописи.

Архитектура

Важнейшим культурным центром Руси XII – начала XIII века стала Владимиро-Суздальская земля. Князья не жалели сил и средств на строительство великолепных архитектурных сооружений. Византийская архитектурная традиция, творчески переработанная во Владимиро-Суздальском княжестве, привела в этот период к рождению собственно русской национальной архитектуры, настолько цельной, яркой и неповторимой, что это дало основание исследователям утверждать, что в это время на Руси начинается период предвозрождения, так и не ставший возрождением из-за наше-

СТВИЯ МОНГОЛОВ.

Древнейшим памятником этого периода стал Спасо-Преображенский собор 1152 года, построенный Юрием Долгоруким в городе Переяславле (ныне Переславль-Залесский). В 1157 году Юрий Долгорукий ставит в Кидекше (на реке Нерли) – своей загородной резиденции под Суздаlem – церковь Бориса и Глеба. Деятельность Юрия Долгорукого стала фундаментом для расцвета владими́ро-суздальской архитектуры. Этот расцвет пришелся на время правления князя Андрея Боголюбского, при котором столица княжества – Владимир – застраивается монументальными сооружениями, из которых до нашего времени сохранились лишь расширенный Всеволодом Большое Гнездо Успенский собор и Золотые ворота XII века, входившие в систему укреплений города.

Успенский собор во Владимире был главным кафедральным храмом Северо-Восточной Руси. Он построен в 1158–1160 годах по заказу князя Андрея Боголюбского, после перенесения столицы княжества из Суздаля во Владимир. Собор возводили приглашенные князем Андреем мастера из Южной Германии и Северной Италии, которых ему прислал император Фридрих Барбаросса. Собор сложен из белого тесаного камня. В 1185–1189 годах он был перестроен по заказу князя Всеволода Большое Гнездо: разобраны притворы и башни и заменены широкими галереями, для выхода на которые в стенах собора были прорублены широкие арки. В

результате его наружные стены оказались внутри здания, он получил четыре малые главы и стал пятиглавым.

В 11 километрах от бывшей великокняжеской столицы была создана загородная резиденция князя – Боголюбово – с храмом, белокаменным дворцом и каменными стенами. Храм отличался необыкновенной роскошью и был отделан яшмой, позолотой, живописью и резьбой по камню. До наших дней уцелела лестничная башня дворца (древнейшая из сохранившихся гражданских построек). В километре от Боголюбова, в месте слияния рек Нерли и Клязьмы, в память о погибшем сыне Андреем Боголюбским построена церковь Покрова на Нерли (1165–1166) – первый Покровский храм в русской истории. Она была поставлена на искусственном холме, отделанном белокаменными плитами, и от пристани к нему вела белокаменная лестница с изваяниями львов. Храм венчается одной главой. Некогда она была шлемовидной и позолоченной, а с XVII века имеет луковичную форму.

Вплоть до монгольского нашествия в 1237 году на территории Владимиро-Суздальской земли продолжают создаваться яркие памятники, каждый из которых неповторим и своеобразен. Уникален по своим резным белокаменным украшениям придворный княжеский Дмитриевский собор во Владимире (1194–1197). В 1222–1233 годах в Суздале строится Рождественский собор, от которого в настоящее время сохранилась только нижняя часть. И наконец, вершиной, до которой поднялось искусство белокаменной резьбы

и украшений, является Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1234–1236), законченный за год до монгольского нашествия. Белокаменная резьба покрывает собор сверху донизу, представляя собой фантастическую и неповторимую картину. Однако развитие владими́ро-суздальской архитектуры было прервано монгольским нашествием.

С конца XII столетия постепенно приобретает свой неповторимый стиль новгородская и псковская архитектура. Следует отметить, что в прошлое уходят монументальность и величие, присущие новгородской Софии или Георгиевскому собору, – больше таких зданий не строят. В то же время возводятся плотные, приземистые посадские церкви – кубовидные, однокупольные, с тремя апсидами и позакомарным покрытием, органично вписывающиеся в жилую застройку и усвоившие черты гражданской городской архитектуры. Таковы храмы Петра и Павла на Синичьей горе (1185), Апостола Фомы на Мячине (1195), Ильи на Славне (1198), Спаса на Нередице (1198–1199). Последний был знаменит уникальными фресками, которые погибли вместе с храмом в 1941 году.

Прикладное искусство

Высокого уровня развития в этот период русской истории достигает ремесло. Широко известны великолепные по качеству изделия русских оружейников, кольчужников, стек-

лодувов, ткачей. Выдающимся феноменом мастерства русских средневековых ювелиров стали изделия, выполненные в стиле знаменитой киевской перегородчатой эмали.

Литература

С началом раздробленности, в период политического распада государства и его ослабления, литература взяла на себя громадную общественную ответственность, послужив важнейшим фактором сохранения культуры и будущего возрождения единого государства. В конце XII – начале XIII века продолжают появляться яркие сочинения, пополнившие сокровищницу русской культуры. Среди них «Слово» и «Моление» Даниила Заточника, который, побывав в заточении, испытал ряд других житейских драм, размышляет о смысле жизни, о гармоничном человеке, об идеальном правителе. «Слово» обращено к князю Ярославу Владимировичу, а «Моление» – к князю Ярославу Всеволодовичу. Интересным литературным памятником XII века является «Послание митрополита Климента» – первого митрополита всея Руси, поставленного не константинопольским патриархом. «Послание» сохранилось в рукописи XV века и дает интересный материал для понимания уровня образованности Киевской Руси.

Ярчайшим памятником древнерусской литературы является, безусловно, «Слово о полку Игореве», рассказываю-

щее о походе северских князей в 1185 году во главе с пудовским князем Игорем Святославичем против половцев. Незадолго до этого северские князья отказались участвовать в походе против половцев, который был предпринят их родственником киевским князем Святославом Всеволодовичем. С самого начала участники похода были встревожены знаменем – затмением солнца, но решили продолжать двигаться дальше. В первом бою русские победили, но вскоре удача изменила им: половцы разбили русские войска, и Игорь Святославич попал в плен, из которого бежал с помощью некоего Овлура. Очень важна и тема единства Русской земли – безвестный автор убежден, что она может бороться против набегов половцев лишь как единое целое.

Иконопись

Продолжала активно развиваться в этот период и иконопись. Во Владимире, Новгороде, Пскове и других русских городах складываются свои стилистические особенности иконописания, с течением времени приведшие к созданию целых иконописных школ. Новгородская иконопись, по словам И. Э. Грабаря, – «яркая по краскам, сильная и смелая, с мазками, положенными умеренной рукой, с графьями, прочерченными без колебаний, решительно и властно». Новгородские иконописцы пользовались чистыми, несмешанными красками, в которых главную роль играли красный, зе-

ленный и желтый цвета. Для новгородских икон характерны контрастные сопоставления цветов и динамизм композиции и рисунка. Наиболее известна новгородская икона «Святой Георгий» (Оружейная палата в Московском Кремле) и двусторонняя икона с изображениями Нерукотворного Спаса и Поклонения Кресту конца XII века (Третьяковская галерея). Известно, что в XII веке при крупнейших новгородских монастырях – Антониевом, Юрьевом, Хутынском – были свои иконописные мастерские.

Во Владимиро-Суздальской земле иконопись отличалась аристократизмом, изысканностью и изяществом пропорций и линий. Общий тон владимирских икон и фресок, в противоположность новгородской живописи, всегда холодноватый, голубоватый, серебристый. Цветовая гамма псковских икон обычно ограничена, если не считать фона, тремя тонами: красным, коричневым и темно-зеленым, а иногда и двумя: красным и зеленым. Для псковского иконописца типичен прием изображения бликов света золотом, в виде параллельной и расходящейся штриховки. Помимо вышеуказанных центров иконописи, свои отличительные особенности имела иконопись Смоленска, Рязани и других городов.

Итоги развития Руси в домонгольский период

К концу XII – началу XIII столетия Русь, занимавшая

огромную территорию от Причерноморья на юге и почти до берегов Балтики на севере, уже не представляла собой единого государства. На месте некогда монолитного государства Ярослава Мудрого, а потом конгломерата сравнительно небольших княжеств существовало несколько очень крупных государственных образований. С юга на север располагались огромное Галицко-Волынское княжество (юго-запад Руси), затем сравнительно небольшое Киевское, дальше – обширное и все увеличивавшееся Владимиро-Суздальское княжество, рядом с ним небольшое Ростовское; на востоке – Рязанское княжество, за которым (восточнее) уже не было русских земель, а на севере – «господин Великий Новгород», как его именовали сами новгородцы, который даже княжеством назвать сложно, поскольку престол там занимал приглашенный князь.

Границы этих государственных образований не были особенно четкими и по традиции с незапамятных времен определялись теми территориями, где князья, правившие в этих землях, могли собирать дань. Эти границы устанавливались постепенно, в процессе эволюции политических отношений и договоров князей друг с другом.

Почему Киев в XII веке постепенно перестает быть политическим центром Руси? Во многом это было связано с непрекращающимися набегами степняков, а кроме того, с изменением направлений торговых путей. В результате крестовых походов открылись широкие возможности для тор-

говли Востока с Европой, минуя путь «из варяг в греки». Это немедленно отразилось на благосостоянии Киева – былинная слава некогда могучего Киева уходила невозвратно.

В это же время слабеют традиции «лествичного права», и в Северо-Восточной Руси складывается традиция «вертикального» наследования княжеского престола: по прямой линии от отца к старшему сыну. На этой традиции будет впоследствии держаться Московское княжество, потом Московская Русь и вообще Россия. Для этого князья должны были иметь определенную социальную опору, которой являлись горожане, а отнюдь не земельное боярство, нередко стоявшее в прямой оппозиции к князю. Примером является политическая история Галицко-Волынской Руси, где князь почти постоянно боролся против собственных бояр. Андрей Боголюбский был также убит своими боярами. Тем не менее это, видимо, был объективный процесс, и рано или поздно новая традиция наследования престола должна была явиться одним из решающих факторов объединения всей русской территории на совершенно иных принципах. В тот момент, когда этот процесс проявился вполне отчетливо, и началось монголо-татарское нашествие.

Эпоха раздробленности была временем дальнейшего экономического и культурного развития русских земель. К началу XIII века можно говорить о складывании в Восточной Европе древнерусской народности как важного этнокультурного целого. Однако Русская земля не была надежно защи-

цена от вмешательства извне. Русские княжества более или менее успешно противостояли половецким кочевникам на юге и крестоносцам на западе, но оказались совершенно не готовы дать отпор хлынувшим с востока в XIII веке войскам Чингисхана и его наследников.

Борьба Руси с внешними вторжениями в XIII веке

Борьба против вторжений с запада

В XII – начале XIII века юго-восточное побережье Балтийского моря от Финского залива до Вислы было заселено славянскими, финно-угорскими и балтийскими племенами. В конце XII века у этих племен начался процесс распада первобытно-общинного строя и образования государства. В условиях отсутствия собственной государственности и церковных институтов сильное влияние на Прибалтику оказывали русские земли, прежде всего Новгород и Полоцкая земля.

Рубеж XII–XIII веков – начало целой эпохи, сыгравшей огромную роль в истории Западной Европы и России, – эпохи крестовых походов. Распространено мнение, что крестовые походы были нацелены только на освобождение Иерусалима и Гроба Господня от власти мусульман. В действительности же не меньшее значение, чем освобождению христианских святынь, Римско-католическая церковь всегда придавала укреплению своего влияния на северо-западе Руси. Эпоха крестовых походов совпала по времени с разложением первобытно-общинных отношений и складыванием феода-

лизма у народов юго-восточного побережья Балтики. Католическая церковь постоянно призывала к скорейшему крещению язычников и идейно вдохновляла крестовые походы на Балтику с целью утвердить свое духовное и политическое влияние во всем Балтийском регионе.

Наиболее агрессивно стремились внедриться на востоке поддерживаемые папской курией немецкие духовно-рыцарские ордена. В результате провозглашенного Ватиканом крестового похода в Прибалтику устремились католические миссионеры и жаждущие добычи и приключений рыцари и авантюристы. В 1201 году в устье Западной Двины захватчики основали крепость Ригу. В 1202 году для утверждения и распространения христианства и немецкой культуры на востоке Балтийского моря был основан орден меченосцев (на орденской одежде помещалось изображение меча и креста). Рыцари нового ордена давали клятву безбрачия, послушания папе и епископу и обязывались всеми силами распространять христианство. Во главе ордена становился магистр, или майстер. Следующую иерархическую ступень составляли контуры, или командоры, ведавшие военным делом, сбором десятины, светским судом, наблюдением за орденскими землями и вместе с магистром составлявшие капитул. В 1237 году в результате объединения ордена меченосцев с находившимся в Пруссии Тевтонским орденом (другие названия – Прусский и Немецкий) возник Ливонский орден, ставший главной военно-колониционной опорой Ватикана

в Восточной Европе.

Тевтонский орден был основан в 1128 году в Иерусалиме узким кругом богатых немцев с целью оказания материальной помощи больным и бедным паломникам германского происхождения. Небольшая организация быстро выросла в целое общество, члены которого стали называться братьями св. Марии Тевтонской. Около 1189 года сын Фридриха Барбароссы придал новому ордену военный характер, дал устав тамплиеров и форму одежды (белый плащ с черным крестом). Сделавшись военным учреждением, Тевтонский орден тем не менее сохранял свой первоначальный характер религиозно-благотворительного учреждения, со многими правилами монастырской жизни. Пополнялся он главным образом членами германских аристократических фамилий.

По соглашению с Ватиканом одна треть всех завоеванных земель Прибалтики поступала в собственность ордена. В ходе завоеваний местное население нередко подвергалось беспощадному ограблению, а в случае малейшего неповиновения безжалостно истреблялось.

В восточной части Прибалтики активно действовали Дания и Швеция. Датчане основали крепость Ревель (на месте современного Таллина), шведы стремились утвердиться на острове Сааремаа (Эзель) и на побережье Финского залива.

Усилившаяся экспансия западноевропейских рыцарей на восток серьезно угрожала интересам русских княжеств. В

борьбу за Прибалтику активно включились сопредельные с ней русские земли, прежде всего Полоцк и Новгород. В своих действиях русские находили поддержку со стороны местного населения, для которого духовное и политическое угнетение, принесенное рыцарями, было во много раз тяжелее дани, собиравшейся полоцкими и новгородскими властями.

Борьбу против западной экспансии возглавил знаменитый русский князь Александр Ярославич Невский (1252–1263).

Александр Невский родился в 1220 году в Переяславле, одном из девяти уделов Владимиро-Суздальского княжества; его отцом был Ярослав Всеволодович, четвертый из восьми сыновей Всеволода Большое Гнездо. Ярослав был властолюбив, но неудачлив. В пятнадцать лет он промчался на конях полтысячи километров через всю Русь, чтобы занять галицкий стол, предложенный ему союзной Венгрией, но опоздал: черниговский князь уже вступил в Галич, а Ярослав был изгнан из Переяславля. В 1216 году он потерпел сокрушительное поражение на Липице от своего тестя Мстислава Удалого, смоленско-торчецкого князя. Тесть в гневе отобрал у зятя свою дочь Ростиславу. Первый брак князя был также недолг: жена-половчанка, внучка хана Кончака, умерла совсем молодой, не оставив детей. Только третья женитьба на рязанской княжне Феодосии Игоревне принесла князю первенца Федора, а на следующий, 1220 год – Александра. В год рождения второго сына Ярославу было 30 лет. Первые годы жизни княжича прошли в Переяславле, за-

тем вместе с отцом и старшим братом он отправился в Новгород, куда Ярослав Всеволодович поехал княжить. Не поладив с новгородскими боярами, отец Александра скоро уехал, оставив в 1228 году обоих малолетних княжичей наместниками в вольнолюбивом городе. Вскоре им с пестуном (дядькой, воспитателем) пришлось бежать. Так Александр впервые испытал на себе своеволие новгородских бояр. Тогда князь Ярослав со своими войсками занял Волок Ламский, перерезав торговые пути Новгорода на Смоленск, Чернигов и Понизье. Одновременно он начал готовиться к войне с черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, севшим в Новгороде. Тот вынужден был оставить город на Волхове. Вновь Александр стал жить в Новгороде. В 1235 году Ярослав Всеволодович ходил походом против немцев на Дерпт, и, возможно, в этом походе участвовал и Александр, впервые увидевший в деле немецких рыцарей.

В 1236 году отец его уехал в Киев, оставив князем-наместником 16-летнего юношу. Для Александра начиналась самостоятельная политическая жизнь. Наместничество его выпало на беспокойные, страшные годы монголо-татарского нашествия. Дядя Александра Юрий Всеволодович погиб в битве на Сити, и место брата на великокняжеском владимирском столе занял Ярослав. Александру отец выделил сверх Новгорода Дмитров и Тверь.

Князь Александр появился на престоле именно в то время, когда отношения северных и западных земель Руси с За-

падом обострились до крайности. Папа Григорий IX призвал немецких и шведских рыцарей выступить против финнов, и одновременно папская курия готовила наступления на Русь Швеции и Норвегии. В довершение ко всему Литва, отбив первый натиск Ливонского ордена, который претендовал на ее владения, и не имея договоров ни с Ярославом, ни с Александром, пыталась захватить земли Полоцко-Минской Руси и Смоленска. Из Смоленска литовцев выбил Ярослав Всеволодович. Пора было подумать и о защите Полоцка. По воле отца Александр сблизился с полоцким князем Брячеславом и в 1239 году женился на его дочери Александре. А уже на следующий год князь выступил навстречу шведам.

С пением священных гимнов вошли шведские крестоносцы на свои корабли летом 1240 года. Переезд через Балтийское море к устью Невы совершился вполне благополучно. Предводитель шведского войска ярл Биргер рассчитывал сначала напасть на Ладогу и, закрепившись здесь, обрушиться на Новгород. По сведениям скандинавских источников, у Биргера было пять тысяч воинов. Неприятельские суда остановились в месте впадения в Неву реки Ижоры. Немало шведов оставалось на судах, а наиболее боеспособная часть войска – тяжеловооруженные рыцари – сошла на берег. После этого Биргер послал своих людей к князю Александру со словами: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться! Я уже здесь и пленю твою землю».

Получив этот вызов, Александр немедленно приказал со-

браться своей дружине. Получив благословение епископа Спиридона, Александр решил идти на врага немедленно, не ожидая ни сбора новгородцев, ни подкрепления от отца; он понял, что только молниеносным и внезапным нападением можно победить огромное вражеское воинство.

Приближаясь к шведскому лагерю, Александр (благодаря своей разведке) знал точное количество приплывших крестоносцев, места их станов, а также те пути, по которым к ним можно было подойти совершенно скрытно. Переправившись через Ижору, Александр незаметно приблизился к шведскому лагерю и, выстроив свою конную дружину, к которой присоединились в пути и ладожане, нанес удар вдоль Ижоры в центр расположения шведских войск. Одновременно «пешь» (группа пеших воинов) во главе с новгородцем Мишей наступала вдоль Невы, тесня врага и уничтожая мостки, соединявшие корабли с сушей, отрезая рыцарей от флота. Неожиданное появление русских воинов произвело в шведском стане замешательство. Александр сражался впереди всех и даже «возложил печать» на лицо самого Биргера своим копьем. Многие воины Александра демонстрировали в этом сражении чудеса храбрости. Так, витязь Гавриил Олексич прорубился до шведского корабля и, увидев, что на корабль по переброшенной доске несут на руках сына Биргера, въехал верхом по той же доске. Когда шведы опрокинули его вместе с конем в воду, он снова кинулся к судну и вступил в ожесточенный бой, в котором убил находившегося

на корабле воеводу и католического епископа. Миша, собрав дружину соратников, вплавь добрался до шведских кораблей и уничтожил три из них. Воин Савва ворвался в большой шатер Биргера и, подрубив опорный столб, обрушил его, чем возвестил русским войскам победу.

Часть крестоносцев в ужасе бросились к своим судам, но другие оправились от внезапного нападения и стали оказывать упорнейшее сопротивление. Жестокий бой кипел до ночи и увенчался полной победой. Темная ночь спасла остатки шведов. Они не хотели ждать утра и поспешили уйти, нагрузив три корабля телами одних только убитых знатных воинов. Потери же русских составили всего двадцать человек. За победу, одержанную на Неве 15 июля 1240 года, князь Александр был прозван Невским. Невская победа князя Александра над шведами предотвратила потерю Русью выхода в Балтийское море и угрозу прекращения торговых связей с Западной Европой.

Но прошло совсем немного времени, как над Новгородом и Псковом нависла новая угроза. Ливонцы, предводительствуемые вице-магистром ордена Андреасом фон Вольвенном, захватили крепость Изборск, разбили псковскую рать и после семидневной осады взяли Псков благодаря измене посадника Твердыло Иванковича и других псковских бояр – сторонников ордена. И когда враг был уже почти у самых ворот Новгорода, князь Александр Ярославич уехал в Переяславль, забрав мать, жену и весь свой двор. Причиной отъ-

езда была, очевидно, размолвка с новгородскими боярами, которые были недовольны взимаемыми с них большими денежными суммами для подготовки к войне. Тем временем немцы вошли и в земли Великого Новгорода. Они построили крепость Копорье на берегу Финского залива, близ нынешнего Петербурга. Затем они пошли еще дальше, нещадно разоряя население, и появились уже в тридцати километрах от Новгорода, грабя русских купцов. Тогда наконец новгородцы решили обратиться вновь к князю Александру. Торжественное посольство во главе с новгородским архиепископом отправилось к нему и стало умолять простить нанесенную обиду.

Александр Ярославич не помнил обид. Немедленно вернувшись в город на Волхове, князь взял Копорье, затем внезапно, «изгоном», освободил Псков и двинулся с ратью в землю эстов на Дерпт. Узнав, что ливонцы собрались с силами и готовятся выступить против него, он отступил на Чудское озеро, лежащее на границе русских и прибалтийских земель. На льду этого озера «на Узмени у Вороньего камня» 5 апреля 1242 года произошло знаменитое Ледовое побоище. Место битвы было выбрано очень умело: у каменистого возвышенного берега озера. Особенность тактики рыцарей была в том, что они строили свои войска в виде тарана, на вершине и по бокам которого были сосредоточены закованнные в тяжелые латы конные рыцари, охранявшие пеших воинов. Этот боевой порядок назывался «свиньей». «Сви-

ня» врезалась в неприятельские полки своим острым клином, расстраивала их ряды, и затем начиналось уничтожение врага. За «свиньей» двигались пешие рыцари-кнехты и воины, мобилизованные из местного населения.

Князь Александр, понимая, что остановить «свинью» невозможно, сознательно ослабил центр, но усилил фланги, на одном из которых встал сам. Позади расположения русских войск были выстроены в линию обозы, сцепленные оглоблями, впереди – поставлены лучники, которые на расстоянии расстреливали конницу крестоносцев. Мощным ударом ливонцы прорвали центр русских войск. Однако, смяв центральный полк, тяжелые, неповоротливые рыцари уткнулись в расположенные у берега обозы. В этот момент с флангов на построенные в «клин» рыцарские войска ударили полки правой и левой руки. Лишенные маневра, в невообразимой тесноте, рыцари потеряли все свои преимущества. Русские же пешие воины были хорошо подготовлены к сражению в таких условиях, умело действовали топорами, палицами, кистенями, ножами, крючьями стаскивали рыцарей с коней и добивали на земле.

В самый критический момент битвы Александр бросил в бой засадный конный полк, который, обойдя противника, ударил ему в тыл. Окруженные со всех сторон рыцари и пехота противника понесли огромные потери. Летописец отмечает, что «чудь дала плеща», то есть бросилась в бегство. Бросив на произвол судьбы кнехтов, стали отходить и рыца-

ри, но тут произошло непредвиденное: под тяжестью рыцарей не выдержал лед (был апрель), и многие из них погибли на дне Чудского озера. Летописец свидетельствует: «Было убито одних только рыцарей 400 (из них 200 меченосцев), а 50 попали в плен; немало пало и эстов...» Эта победа на много лет остановила движение немцев-захватчиков на Русь и принесла историческую славу Александру.

После этого побоища Александр торжественно въехал в Псков. Рядом с его конем шли 50 знатнейших рыцарей, а позади множество простых пленных. Он первым делом направился к храму Святой Троицы и здесь благодарил Бога за победу, причем жители города обещали ему и его потомству вечную признательность.

Битвой на Чудском озере рыцарское наступление на Русь было приостановлено – ливонцы прислали князю заверение о мире и обязались «отступить» от всех своих завоеваний в Прибалтике. Но главная заслуга князя Александра была не в успешных битвах на полях сражений. В памяти народной он остался благодаря своим исключительным качествам дальновидного политика и дипломата, которые позволили ему сдержат натиск монголов на Русь.

Монголо-татарское нашествие на Русь

Образование Монгольской державы. Огромное воздействие на судьбу Руси, как и многих других стран Европы и

Азии, оказало образование в начале XIII века в степях Центральной Азии сильного Монгольского государства.

К концу XII – началу XIII века монголы занимали обширную территорию от Байкала и Амура на востоке до верховьев Иртыша и Енисея на западе, от Великой Китайской стены на юге до границ Южной Сибири на севере. Преобладающим занятием монголов было кочевое скотоводство, в северных районах – охота; что касается земледелия и ремесел, то они были развиты слабо. В это время монгольское общество переживало период разложения патриархальных отношений и складывания раннефеодального государства с сильными пережитками первобытно-общинных и рабовладельческих отношений. В процессе становления государственности происходит разделение монгольского общества на три социальных слоя, в результате чего выделяется слой знати (нойонов), рядовых воинов-дружинников (нукеров) и простых кочевников (карачу). Как и в других обществах подобного типа, большое значение в жизни монголов занимало стремление к захвату добычи, пленных, а также необходимых для ведения кочевого скотоводства новых земель, поэтому в военные походы вовлекалась подавляющая часть населения.

В 1206 году на общемонгольском курултае – съезде монгольской знати – нойон Темучин был провозглашен великим ханом с именем Чингисхан (Чингизхан) – по некоторым предположениям, это имя означает «крепкий», или «сильный», хан, – и эта дата считается годом создания Монголь-

ской державы.

Чингисхан родился в феврале 1155 года на берегу реки Онон в урочище Делюгюн Болдок (есть и другие версии времени и места его рождения). Его отец Исугей-багатур был богат и принадлежал к числу степной аристократии. Когда Темучину было девять лет, его отца отравили татары (не путать с современными татарами), и вскоре семья впала в нищету. Весь их скот был угнан неверными вассалами, и Темучин с братьями охотился за сурками и барсуками, чтобы хоть как-то обеспечить семью. Когда он подрос, представители соперничающего рода начали преследовать его и однажды даже захватили в плен, из которого Темучину удалось спастись лишь чудом. Вскоре благодаря своим военным дарованиям, организаторским способностям и уму он начал стремительно возвышаться, именно поэтому его избрали на курултае ханом.

Главной задачей нового государства была объявлена завоевательная война, весь народ – войском. Стремясь упрочить свою власть, Чингисхан беспощадно расправлялся с непокорными. Его держава была поделена по десятичному принципу. Десятки, сотни, тысячи и «тумены» («тьмы») считались не только военными подразделениями, но и административными единицами, которые должны были выставлять определенное количество воинов. Главу тысячи и десяти тысяч хан назначал сам лично. Войско было сковано жесткой системой круговой поруки; за нарушение дисципли-

ны, трусость в бою одного казнили десятком, десяти – сотню и т. д. Если из десятка один или несколько человек попадали в плен, а другие их не выручали, то последние подвергались казни. Смертная казнь полагалась и за грабеж неприятеля без особого распоряжения на это.

Для регламентации всей жизни Монгольской империи под руководством Чингисхана был создан документ, получивший название «Яса», определявший отношение монголов к императору, захваченным народам, а также разграничивавший основные нормы гражданского и уголовного права. Среди монголов «Яса» почиталась как священное писание, и они видели в постановлениях этого документа особый мистический смысл.

Уже в первых походах монголам удалось захватить в плен иноземных мастеров, которые вооружили войско Чингисхана отсутствующей у кочевников осадной техникой. В монгольской армии была и хорошо организованная разведка, где особо ценными информаторами являлись мусульманские купцы, связанные с международной торговлей.

В ходе непрерывных войн Чингисхану удалось подчинить и повести за собой в походы наряду с монголами значительное число других кочевых народов Евразии. Железная дисциплина, организация и исключительная подвижность конницы, оснащенной трофейной военной техникой, давали войскам Чингисхана большое преимущество по сравнению с армиями других народов. Известную роль в успехе монголов

сыграл и исповедуемый ими принцип веротерпимости по отношению к покоренным народам (известно, что в администрации Чингисхана были буддисты, мусульмане и христиане-несториане), а также то, что государства, завоеванные монголами, переживали в этот период стадию раздробленности. Итогом стало создание Чингисханом самой большой сухопутной империи в истории человечества, площадь которой достигала 24 000 000 квадратных километров. Из сухопутных империй приблизиться к ней смогла только Российская империя (почти 23 000 000 квадратных километров). В пик своего могущества больше монгольской была только Британская империя (35 000 000 квадратных километров), но это за счёт заокеанских колоний.

Завоевательные походы Чингисхана. Битва на Калке.

Вскоре после прихода к власти Чингисхан начал свои завоевательные походы. Его войска обрушились на народы Южной Сибири и Центральной Азии. С 1211 года началось завоевание Китая, который окончательно был покорен монголами в 1276 году.

В 1219 году войско монголов нанесло удар по Средней Азии, которая находилась под властью правителя Хорезма (страны в устье Амударьи) Мухаммеда. Монголам помогло то, что подавляющая часть населения ненавидела власть хорезмийцев. Против Мухаммеда были настроены знать, купечество и мусульманское духовенство. В этих условиях войска Чингисхана успешно осуществили покорение Средней

Азии. Были захвачены, разорены и сожжены Самарканд, Бухара, Хорезм (Самарканд так и не был отстроен на прежнем месте). Правитель Хорезма бежал от монголов в Иран, где скоро умер. Один из корпусов монгольской армии, состоявший из трех туменов, во главе с военачальниками Джебе и Субудаем продолжил поход и отправился в дальнюю разведку на Запад. Обогнув с юга Каспийское море, войска монголов вторглись в Грузию и Азербайджан и затем прорвались на Северный Кавказ, где нанесли поражение половцам. Половецкие ханы обратились за помощью к русским князьям, с которыми находились в союзнических отношениях.

На княжеском съезде в Киеве (среди князей старшими были Мстислав Киевский, Мстислав Галицкий и Мстислав Черниговский) было решено выступить против нового противника. Съезд постановил: «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей». Было собрано огромное войско и флотилия судов, которых было столько, что, как свидетельствует предание, по ним можно было пройти пешком с одного берега Днепра на другой.

Однако монголы пока не стремились к войне с русскими. Узнав, что русские князья поддержали половцев, монголы направили к князьям послов, которые предложили разорвать русско-половецкий союз и заключить мир. Но предложения не были приняты, послы были убиты, и назад дороги отныне не было. Русские войска совместно с половцами продолжали двигаться далее, пока 31 мая 1223 года на берегу реки Калки,

впадающей в Азовское море, не встретились с монгольскими войсками.

Невзирая на то что войска русских превосходили монголов по численности, битва приняла затяжной характер. Русские князья не знали особенностей нового противника, его приемов ведения войны. Кроме того, в русском войске отсутствовало единство. Часть князей, в том числе Даниил Романович Галицкий, с самого начала активно участвовала в сражении, другие князья предпочитали выжидать. Мстислав Киевский расположил своих воинов на холме, предварительно укрепив его, и вообще не участвовал в сражении. Решающим событием битвы, принесшим успех монголам, стало паническое бегство передовых половецких отрядов, которые смяли и рассыпали идущие за ними русские дружины. Начался разгром. Мстислав Галицкий и младший князь Даниил побежали за Днепр и, первыми оказавшись у берега, успели вскочить в ладьи. При этом остальные ладьи князья изрубили, боясь, что монголы смогут переправиться вслед за ними, и нисколько не заботясь об отставших воинах. Тем самым они обрекли на гибель своих соратников, у которых лошади были хуже княжеских. Монголы убили всех, кого настигли. Мстислав Черниговский со своим войском начал отступать по степи, не оставив арьергардного заслона. Монгольские всадники бросились в погоню за черниговцами, легко настигли их и изрубили. Мстислав Киевский, так и не вышедший за все время битвы из своего лагеря на холме, на-

деялся отсидеться. Монголы легко блокировали его отряд, и окруженный Мстислав сдался, поддавшись на уговоры. Князя убедили, что русских пощадят и не прольют их крови, и данное слово было сдержано, хотя и весьма своеобразно. Монголы положили связанных пленников на землю, прикрыли настилом из досок и сели пировать на их телах. Действительно, ни капли русской крови пролито не было.

Поражение на Калке является великолепной иллюстрацией к тому процессу разобщенности, который, начавшись в 1132 году разделением и обособлением земель, привел к XIII веку к разделению и обособлению душ и сердец. Как Андрей Боголюбский, подвергая разграблению Киев, воспринимал его совершенно чужим городом, так и русские князья считали друг друга чужими и сражались не за Русскую землю, а за право стать победителем в этой битве. Поэтому и Мстислав Галицкий рубил лады, бросая на произвол судьбы своих воинов. Таким образом, поражение русского войска в первом столкновении с монголами было закономерным.

После битвы на Калке монголы ушли на восток, стремясь вернуться на родину. Но на берегах Волги войско угодило в засаду, устроенную волжскими булгарами. Мусульмане, ненавидевшие монголов как язычников, неожиданно напали на них во время переправы. Здесь победители при Калке потерпели серьезное поражение и потеряли множество людей. Те, кто сумел переправиться через Волгу, ушли дальше и смогли соединиться с главными силами Чингисхана. Так

закончилась первая встреча монголов и русских войск.

Вооружение монгольских и русских войск

Войско монголов состояло из легкой и тяжелой конницы, иначе называемых лучниками и мечниками. Как показывает уже само название, главным оружием первых был лук со стрелами, сами же они и их лошади не имели вовсе или имели лишь самое легкое предохранительное вооружение. Большинство лучников имело по два лука и по два колчана — один расходный, а другой запасной. При этом запасной колчан был устроен так, чтобы предохранять стрелы от сырости. Стрелы отличались необычайной остротой, поскольку монголы были великолепными мастерами в их изготовлении и отточке. Приучаясь к стрельбе из лука уже с трехлетнего возраста, любой монгол был также превосходным стрелком. Достаточно сказать, что знаменитые английские лучники стреляли на 200 метров, при этом мощность лука была 30–35 килограммов (это сила, с которой тетива давит на пальцы в момент максимального натяжения). У монголов мощность лука была 70 килограммов, а стреляли они на 300 метров. На «Чингисовом камне», который хранится в Эрмитаже, написано, что племянник Чингисхана сделал выстрел на 335 альдов, то есть примерно на полкилометра. При этом не только мужчины, но даже и многие монгольские женщины учились

стрельбе из лука, не говоря о том, что каждая умела великолепно ездить верхом. Часть лучников была вооружена и дротиками. Возможно, что у всех всадников легкой конницы были и сабли как оружие ближнего боя.

Воины тяжелой монгольской кавалерии имели кольчуги или кожаные латы; головной убор их представлял собой легкий кожаный шлем с наматыльником для предохранения шеи от сабельных ударов. Иногда монголы носили и железные шлемы. Лошади тяжелой конницы также были защищены доспехами из толстой лакированной кожи. Главным оружием мечников были кривые сабли, которыми они владели в совершенстве, и пики; кроме того, у каждого имелась боевая секира или железная палица, которая подвешивалась к поясу или к седлу. В рукопашном бою, а также при стычках в составе небольших партий монголы старались сбрасывать или стаскивать врагов с коней; для этой цели служили прикрепленные к пикам и дротикам крючья, а также арканы из конского волоса, которые накидывались на неприятеля с некоторого расстояния. Захваченный петлей аркана неприятельский всадник стаскивался с коня и волочился по земле; тот же прием применялся и против пешего противника.

Каждый воин также имел с собой пилку для острения стрел, шило, иголки, нитки, глиняный сосуд для варки пищи (хотя при нужде мясо елось и в сыром виде) и кожаную баклагу («бортохо») вместимостью около двух литров для запаса кумыса, молока или воды. В двух небольших се-

дельных сумках («далинг») возились запасная смена белья и неприкосновенный запас пищевых продуктов, состоявший из сушеного мяса и сушеного молока, которые употребляют-ся степными народами до настоящего времени.

Если этих запасов не хватало, то монгольский воин рассе-кал вену своей лошади и пил струю крови, после чего пере-вязывал рану ниткой. Полкилограмма крови было достаточ-но для насыщения человека, а для лошади такая потеря не была слишком ощутимой и за короткое время восполнялась организмом. Хлеб – тесто, раскатанное в виде тонких лепешек, – пекли под мышками у верблюдов, которые тащили в монгольских войсках обозы. Такой своеобразный способ приготовления хлеба может показаться удивительным и да-же неправдоподобным, но надо иметь в виду, что у верблю-да под мышкой даже зимой нормальная температура очень высокая, а во время движения она поднимается еще больше. Кроме того, в пищу использовалось мясо ослабших или ра-неных лошадей, которых немедленно убивали.

Одеждой монголам служила «доха» (это название пере-шло и в русский язык) – шуба из сложенного вдвое меха, шерстью наружу, откуда и пошла легенда, что монголы во время завоевания Европы «одевались в звериные шкуры». Доху шили такой длины, чтобы закрывала ноги ниже колена, и подпоясывали ремнем, украшенным серебром. На тело на-девали шелковую рубашку, поскольку этот материал не про-бивался стрелой, а вдавливался в рану вместе с наконечни-

ком, задерживая его проникновение, после чего можно было, обмотав шелк вокруг стрелы, выдернуть ее из раны вместе с наконечником (обычно при вытаскивании стрел наконечники соскакивали и оставались в ране, вызывая заражение). На голову надевали шлем, зимой – меховую шапку с наушниками. На ногах носили сапоги с войлочными чулками. Одетые таким образом монголы легко переносили зимнюю стужу.

Вообще их выносливость была изумительна. Монгольский воин был в состоянии спать, оставаясь верхом на коне, который в это время мог идти походом или пастись. Во время похода войска могли двигаться целые месяцы без специальных запасов продовольствия и фуража. Кони питались подножным кормом. Передовой отряд из двух-трех сотен воинов, предшествовавший армии, и такие же боковые отряды не только охраняли основные силы, но и давали знать, где лучше подножный корм и водопой.

Монгольские войска, если позволяли условия, задерживались на местах, богатых кормами и водой, и проходили форсированным маршем районы, где этих условий не было. Каждый конный воин, как уже говорилось, имел до трех лошадей (ездовая, вьючная и боевая) и мог менять их, что значительно увеличивало длину переходов между привалами. Поэтому неудивительна та быстрота, с которой передвигались монгольские войска. Так, во время венгерского похода в 1241 году Субудай прошел со своей армией 450 километ-

ров менее чем за трое суток.

При штурме городов монголы активно использовали осадные машины. Среди них были тараны (огромные бревна, окованные металлом), которыми выбивали ворота и разрушали стены, метательные машины, забрасывавшие в осажденные города огромные камни, а также горящую нефть. Нередко, перед тем как метать горшки с зажженной нефтью, монголы несколько часов забрасывали в город горшки с жиром, а на него уже метали нефть. Среди осадных приспособлений монголов известны огромные катапульты, пускавшие гигантского размера стрелы, а также гуляй-города – огромные башни. Их строили вровень со стенами города, подкатывали вплотную к ним, и скрывающиеся внутри башни воины по перекидным мостикам перебирались на гребень стен. Монголы употребляли и порох, применяя его преимущественно в ракетах, которыми пользовались при осадах; умели также производить наводнения, делать подкопы и подземные ходы.

Точных данных о численности русского войска в то время не существует. В случае военной опасности в назначенные сроки рати из различных городов собирались в условленных пунктах, объединялись в полки под командованием великокняжеских воевод. В одном полку могли быть отряды многих городов. Ремесленники и торговые люди составляли «городовые» полки, которые выступали в поход под командованием своих тысяцких и вливались в общерусское войско.

Крестьяне выставляли ополченцев-ратников с определенно-го числа дворов.

Тактика русского войска отличалась от рыцарских боевых порядков Западной Европы. Рыцари обычно строились для боя по шаблону, в колонну или в линию, причем их силы равномерно распределялись по всему фронту. Русское же войско делилось на полки: большой полк, полки правой и левой руки. Это облегчало управление во время боя, позволяло маневрировать силами, применять разнообразные построения, сосредоточивать на решающем направлении ударные группировки. В зависимости от обстановки и особенностей тактики противника главные силы направлялись то в центр, то на фланги. Русский боевой порядок был расчленен по фронту и в глубину. Перед битвой вперед, навстречу противнику, заблаговременно высылались «сторожи», которые выполняли роль боевого охранения и предотвращали неожиданные нападения. Одной из задач сторож была борьба с разведкой противника.

Во время сближения главных сил впереди ставился сторожевой полк. Он первым завязывал бой, не давал отрядам конных лучников подойти к боевому строю русского войска. Под прикрытием сторожевого полка русские воеводы имели возможность произвести перестановки полков, когда уже обозначалось направление главного удара противника. Затем вступал в битву передовой полк, который сдерживал первый натиск противника, сбивал темп атаки и ослаблял

удар по главным силам.

Решающая роль в сражениях отводилась большому полку, в составе которого был и «двор» великого князя; обычно в центре большого полка находился великокняжеский стяг (флаг). Плотные пехотные шеренги большого полка обладали большой устойчивостью в бою, были способны отразить вражеские атаки и перейти в наступление. Действия «пешцев» поддерживались конными дружинами, состоявшими из военных слуг великого князя и отборных отрядов других князей. Большой полк составлял основу боевого порядка.

Полки правой и левой руки, состоявшие в основном из конницы, прикрывали большой полк от фланговых ударов, стремились сами нанести удары по «крыльям» вражеского войска, а в случае успеха устремлялись в преследование. Полки были основными тактическими единицами русского войска, они объединяли под единым командованием рати разных городов и княжеств. Возглавлялись полки лучшими, наиболее опытными воеводами, которые назначались самим великим князем. Если даже во главе какого-нибудь полка оставался удельный князь, то в помощь ему назначались воеводы. Полки имели единообразную организацию, подразделялись на тысячи, сотни, десятки во главе с тысяцкими, сотниками, десятниками. Каждый полк воевал под своим стягом.

Для сражения полки выстраивались сомкнутым строем, глубина которого достигала двадцати шеренг. Прорвать та-

кой строй атаками конницы было очень трудно, и русские во-
еначальники часто использовали это построение в битвах с
ордынцами. Прочность русского боевого строя обеспечивала-
лась его монолитностью и взаимодействием отдельных пол-
ков.

Для рыцарской западноевропейской конницы было харак-
терно полное отсутствие управления войсками во время сра-
жения. Когда противники сходились врукопашную, сраже-
ние разделялось на множество рыцарских единоборств-по-
единков. Русские полководцы управляли своими войсками и
в ходе сражения. Это управление осуществлялось подъемом
или опусканием стягов, сигналами труб, заранее предусмот-
ренными действиями отдельных полков в различных боевых
ситуациях.

Русские воины всегда хорошо владели всеми видами ору-
жия: и луком, и копьем, и мечом. Самым распространенным
оружием конницы и пехоты было копье – ударное оружие,
которое с одинаковым успехом применялось и для атаки, и
для отражения наступавшего противника. Сомкнутый строй
русских воинов, «ощетинившихся» длинными копьями, был
непреодолим для вражеской конницы. Копья делали с трех-
гранными, четырехгранными и листовидными наконечника-
ми. Во второй половине XIV века наибольшее распростране-
ние получили копья с узколистным наконечником удлинен-
но-треугольной формы, не превышавшим по ширине 2–3 см,
с массивной втулкой и длинным крепким древком. Такие ко-

пья «таранного» действия легко пробивали татарские доспехи, которые обычно изготавливались из кожи с нашитыми на нее железными и медными бляхами. Метательные копья – сулицы, короткие, легкие, с кинжаловидными наконечниками – не только бросали во врага на расстоянии, но и пользовались ими в рукопашном бою. В общей схватке, когда перемешивались ряды, такие сулицы были гораздо удобнее, чем длинные ударные копья. На вооружении пещцев (пехотинцев) находились также массивные тяжелые рогатины с наконечниками, боевые топоры, секиры-чеканы, палицы, разнообразной формы кинжалы и ножи.

Основным оружием дружинной конницы был прямой меч длиной 120–140 см, с колюще-рубящим клинком. Мечи были эффективны в сражениях с рыцарями-крестоносцами, закованными в доспехи, – они позволяли наносить очень сильные рубящие и колющие удары. Однако в схватках с быстрой и легкой ордынской конницей, не имевшей железных доспехов, сражаться мечом было не очень удобно: меч слишком тяжел, а сила ударов не имела особого значения. Поэтому в войнах со степняками русские воины применяли сабли – длинные, тонкие, с резко загнутыми к концу клинками. Обычным оружием дальнего боя в русском войске были луки, реже – самострелы (арбалеты), которые в основном использовались при обороне крепостей. В XII–XIII веках существовали специальные отряды лучников.

Для защиты в бою русские воины надевали плетенные из

металлических колец кольчуги. В XIV веке получила распространение «дощаная защита» – чешуйчатая, пластинчатая или наборная броня. Она состояла из множества мелких железных пластинок, закрепленных на кожаной или матерчатой основе и находивших друг на друга наподобие черепицы (отсюда – чешуйчатая броня). Такой доспех выдерживал самые сильные удары. Обычно железные пластинки доспеха комбинировались с кольчужой. На голове носили плавное вытянутый и заостренный кверху шлем-шишак с металлическими наушиями и кольчужной сеткой – бармицей, которая прикрывала шею. Шлемы венчались пучками перьев или разноцветными маленькими флажками – яловцами.

Защитой воина также служил длинный миндалевидный щит. В XIV веке он был заменен небольшим круглым щитом, который прикрывал только лицо, плечи и грудь (стрелы не могли пробить «дощаной брони», и это позволило отказаться от больших тяжелых щитов). Щиты делались обычно из дерева, обитого кожей, и укреплялись металлическими полосами и бляхами; украшались изображениями ликов, звериных морд, звездами, розетками и другими узорами. Облик воинов дополняли яркие (синие, зеленые или красные) рубахи до колен, зеленые плащи, красные щиты, разноцветные ленты на древках копий, развевающиеся на ветру яловцы. По словам летописца, русское войско выходило на битву «цветно и доспешно».

Нашествие Батыя

В 1227 году Чингисхан умер, вернувшись из очередного похода. Незадолго до смерти он упал с лошади и сильно разбился. Некоторые источники сообщают, что, возможно, причиной смерти была старая рана. Тело его было погребено на горе Бурхан-Халдун (территория современной Монголии) и до настоящего времени не обнаружено. В соответствии с его завещанием обширные владения монголов были разделены на области (улусы) во главе с его сыновьями и внуками. Одному из внуков Чингисхана, Батыю, досталась часть земель от Иртыша и далее на запад до тех пределов, «до которых доходили копыта монгольских коней». Монголов не смущало, что эту территорию предстояло еще завоевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.